

Сопротивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны

А.Ю. Тимофеев

Белград, Институт новейшей истории Сербии

E-mail: al.timofev@gmail.com

Resistance to the German Occupation in Serbia and the Russian Emigration During the World War II

A.Yu. Timofeev

Belgrade, Institute for Contemporary History of Serbia

E-mail: al.timofev@gmail.com

Двадцать лет по лестницам чужим,
Двадцать лет окольными путями
К цели неизвестной мы спешим.
Наш народ давно уже не с нами.
Он велик, могуч и молчалив.
Хоть бы проклял нас, но нам ответил.
Мы забыли шум родимых нив.
Всуде трижды прокричал нам петел.
Отреклись мы от родных глубин
И прервали связь святую сердца.
Дожили до роковых седин
С кличкой иностранца, иноверца.
Чем отверженности смыть печать,
На какую смерть идти и муку,
Чтобы сердцем снова ощущать
Круговую верную поруку?

И.Н. Голенищев-Кутузов (1938)¹

После того как был застрелен король Александр Карагеоргиевич и отравлен патриарх Варнава, роль «русофилов» в правящей среде Королевства Югославия сократилась. Уже 3 июня 1935 г. русский эмигрант И. Новицкий в письме из Подгорицы в Белград архитектору и общественному деятелю С.Н. Смирнову утверждал: «Не стало нашего Ангела-хранителя, и всюду нас, русских, начали прижимать, а раньше щадили»². Управление

¹ Сверено по: [Вернуться, 1995; Антология, 1994].

² НБС. Ф. Смирнова. Не обр.

государством перешло к принцу-регенту Павлу. Павел Карагеоргиевич родился в Петербурге от брака Арсена Карагеоргиевича и Авроры Павловны Демидовой, по рождению был русским подданным (перешел в сербское подданство лишь в 1904 г.), однако, будучи воспитанником Оксфорда, все свои интересы и симпатии связывал с Британией, а точнее с консервативными кругами английской правящей элиты. Прохладно относился к русским и преемник патриарха Варнавы — патриарх Гавриил Дожич, который начал свое служение в церкви с открытого конфликта с русскими монахами по вопросу о так называемом Дечанском деле в начале XX века [Кузьмичева, 2007, с. 261–284; Маевский, 1966, с. 225, 227; Радић, 2006].

Окончательная дифференциация югославской правящей элиты и югославского общества вообще по вопросу о внешнеполитической ориентации на Германию, Британию и СССР произошла в 1939–1941 гг. В то время югославское правительство пошло на улучшение отношений с СССР и вступило с ним сначала в торговые, а затем и в дипломатические отношения. Это привело к ослаблению антикоммунистической ориентации югославских властей и, соответственно, к ухудшению оценки общественно-политической деятельности русских эмигрантов. Маневры Югославии по отношению к Германии и Британии не влияли в такой мере на статус эмигрантов, но приближали возможность вовлечения Югославии в войну. После гибели короля Александра и устранения от власти под нажимом Англии Милана Стоядиновича Югославия больше не имела достаточно сильных лидеров, которые могли бы удерживать страну в состоянии нейтралитета, несмотря на сильное давление из Лондона и Берлина. В то время большая часть сербского общества находилась под влиянием симпатий к своим союзникам по Первой мировой войне — Англии и Франции. При этом в хорватской части Югославии симпатии в большей мере были на стороне Германии.

Русские эмигранты в Югославии устами своих представителей — митрополита Анастасия и бывшего главы императорской дипломатической миссии В.Н. Штрандтмана — выразили уверенность в «безграничной преданности русской эмиграции и ее стойкой верности и в будущем заветам... предков». Редакция «Русского голоса» 6 апреля 1941 г. призывала соотечественников «воздержаться от разговоров, заниматься своим делом и, если потребуется, выполнить свой долг перед гостеприимно... <нас> принявшей родственной страной». В то же время это обращение не полностью отражало взгляды всех русских эмигрантов. Симпатии крайне правых кругов русской эмиграции находились в большей мере на стороне Германии; поражение Югославии, ведомой пробританскими

силами, было неизбежным в глазах видевших ситуацию изнутри русских эмигрантов, поэтому упомянутое выше высказывание вождей эмиграции натолкнулось на глухой ропот части эмигрантов. Настроения этой части эмигрантов отразил в своем дневнике известный русский режиссер Юрий Ракитин³.

Намеренно агрессивная бомбардировка Белграда 6 апреля 1941 г. [Белов, 2003, с. 332] была воспринята русскими, да и остальным населением Сербии как «жестокая и бессмысленная» [Острогорский, 1941, с. 5]. Белградская колония являлась одной из самых крупных в стране, поэтому эмигранты сполна заплатили свой долг смерти. Бомбовые удары уничтожали не только человеческие жизни. В огне пожаров пострадали и сербские (Народная библиотека, Патриархия и т.д.), и русские культурные учреждения. Было уничтожено здание, в котором располагался Институт имени Н.П. Кондакова, пострадала его библиотека, сгорело множество книг, в огне пожара погибли секретарь института, ученый, исследователь истории кочевых народов Д.А. Расовский и его молодая супруга [Острогорский, 1941, с. 1].

Военнообязанные русские эмигранты явились на призывные пункты и честно выполнили свой долг, причем около 12% русских участников Апрельской войны погибли [Шеншин, 2004]. Но уже 17 апреля окруженная со всех сторон врагами королевская Югославия, чьи силы подтачивали и внутренние подрывные элементы (в первую очередь хорватская часть офицерского корпуса), не вынесла дальнейшего напряжения и сдалась. Из плена были отпущены югославские солдаты и офицеры хорватской, венгерской, немецкой, болгарской и румынской национальности. А русские солдаты и офицеры (173 человека) вместе с сербами попали в немецкие лагеря для военнопленных⁴. Большинство этих русских военнопленных (офицеры, военные техники, военные инженеры, пилоты и специалисты ПВО) оказались в крепости Колдиц, известной по недавнему фильму «Побег из замка Колдиц» (Великобритания, 2005).⁵ Территория Югославии была поделена между соседними государствами и получившей независимость Хорватией, причем пересечение новых границ было затруднено и требовало соблюдения ряда формальностей⁶.

Отношение русских эмигрантов к немцам было двояким. С одной стороны, немцы, несомненно, представлялись завоевателями, нарушившими размеренное течение жизни русской эмиграции в Югославии.

³ Позоришни музеј Војводине. Оп. Несређена грађа. Ф. Ракитин Ю.Д. Дневник.

⁴ ИАБ. Ф. ВdS. Д. В-153; Ф. УГБ СП IV. Д. 57/18. Л. 1.

⁵ ГА РФ. Ф. Р6792. Оп. 1. Д. 515. Л. 1.

⁶ ИАБ. Ф. ВdS. Д. В-153.

С другой стороны, у значительной части русской эмиграции в Югославии существовала устойчивая неприязнь к бывшим союзникам по Первой мировой войне — Англии и Франции. Талантливый русский ученый, профессор Н.В. Краинский [Петрюк, 2004, с. 89–93] в 1940 г. так писал об этом в своей обширной полемической книге, привлекая одобрительное внимание значительной части русской эмиграции: «Преступления по отношению к России бывших союзников по Великой войне неисчислимы. Сюда относится деятельность по содействию вызову русской революции и поддержанию большевистского режима в России на протяжении четверти века со стороны иностранных держав. Длинный ряд политических деятелей Западной Европы продолжает деяния французского и английского послов в Петербурге, принимавших участие в свержении царского режима, и поддерживает советский строй. Ллойд Джордж, Клемансо, Бриан, Эрио, Леон Блюм — злые гномы России. Полным ходом поддерживается февральская революция, альянс с Милюковым — Керенским, затем гибельный для России Версальский мир и отделение от России западных окраин. Затем игра, подобно кошки с мышкой, с Белым движением, крапленые карты которой цинично раскрываются в английском парламенте...» [Краинский, 1940, с. 461].

Понятно, что такие воззрения не могли вызвать понимания у большинства представителей сербской общественности. Последствия Версальского мирного договора, вмешательство в балканские дела Франции и Англии еще расценивались ими абсолютно позитивно. Да и сам Советский Союз, заключивший в ночь перед бомбардировкой Белграда договор о взаимопомощи с Югославией, воспринимался как «мать Россия». Противоречия капиталистического общества наглядно раскрывались в экономике молодого югославского государства, а обратная сторона коммунистического режима тщательно скрывалась коммунистическими агитаторами (лагеря, уничтожение и изгнание национальной элиты — все это еще было в будущем, правда, уже не столь далеко). Значительная часть сербского среднего класса, рабочих, крестьян, учащейся молодежи с симпатией смотрели на коммунистическую идеологию.

Ситуация для эмигрантов стала меняться к худшему. В 1921 г. правительственный уполномоченный по делам русских беженцев С.Н. Паллеолог в своем тайном докладе генералу А.С. Лукомскому сообщал: «Вне всякого упрека к нам относятся: высшее правительство, духовенство, высшие классы интеллигенции и офицерства. Все они отлично понимают роль России для Сербии в прошлом и в будущем; в поддержке русских беженцев чувствуют свой долг... Средний класс: городские жители и торговцы — совершенно равнодушны к русским, смотрят на нас как на

элемент, подлежащий эксплуатации, дерут с нас три шкуры (в особенности за комнаты) и всегда стараются заговорить на тему о том, что сербы дают русским три миллиона. Чувства симпатии... явление почти исключительное. Крестьяне, с которыми нам мало приходится иметь дела, относятся к нам добродушно, но с искренним недоумением и постоянно спрашивают: «Зачем же мы приехали из России?» [Йованович, 2005, с. 216]. Еще более конкретно оценил сложившееся положение Б.Н. Полозов (1888–1966), активный участник Гражданской войны, проживавший в Югославии (в Тесличе) в 1921–1944 гг., который 1 июня 1940 г. написал С.Н. Смирнову о том, что наступили «скверные дни, когда по всей стране идет отчаянная коммунистическая пропаганда, и наши ошалевшие братья с нетерпением ожидают великого Словена Сталина (!?)»⁷.

Впрочем, в среде русских эмигрантов были и люди, настроенные оборончески и даже просоветски, что проявилось уже с известного диспута П.Б. Струве — инцидента на состоявшемся в понедельник 5 марта 1934 г. в театральном зале Русского дома императора Николая II публичном собрании на тему «Международное положение и Россия». После доклада П.Б. Струве «Современное международное положение и национальные русские интересы», который утверждал, «что все проблемы внешнеполитического положения России не только прямо ничтожны, но и совершенно исчезают перед... внутренней катастрофой», в пику ему эмоционально выступил И.И. Толстой (Союз младороссов), призвавший защищать Россию, какой бы она по цвету ни была.

Эти настроения части молодого поколения русских эмигрантов (наиболее распространенные в среде выпускников русско-сербской гимназии) активно использовали советские спецслужбы. С начала 30-х гг. на территории Югославии действовала агентурная группа Леонида Леонидовича Линецкого [Ермаков, 1997]. Л.Л. Линецкий, прибывший в Югославию с волной белоэмиграции в начале 20-х, получил льготную возможность учиться в Белградском университете как представитель русской эмиграции, пользовавшейся особой помощью и поддержкой Королевства СХС и лично короля Александра Карагеоргиевича. По окончании Белградского университета в 1931 г. Линецкий начал сотрудничество с ИНО ОГПУ. Обстоятельства, при которых это сотрудничество было начато, описаны в опубликованных материалах достаточно противоречиво. С одной стороны, Линецкий, согласно «Очеркам истории внешней разведки», имел опыт сотрудничества с разведотделом 13-й армии [Ермаков, 1997, с. 123]. С другой стороны, в СССР, в Киеве, проживала мать

⁷ НБС. Ф. Смирнова. Не обр.

Линицкого, супруга офицера императорской армии ротмистра Л. Линицкого — отца будущего разведчика. В 30-х гг. мать Линицкого была уволена с работы и осталась без средств к существованию. По данным того же сборника, Линицкому было обещано позаботиться об его матери, но ОГПУ это обещание выполнять не спешило. Как бы то ни было, задачи, поставленные перед Линицким и образовавшейся вокруг него группой, сводились в первую очередь к разведывательно-диверсионной деятельности против русской эмиграции в Югославии, в высшие круги которой благодаря своему врачебному искусству и сумел инфильтроваться Линицкий. В конце концов его группа была раскрыта, арестована и частично выслана из Югославии в 1935–1937 гг., причем приговоры были исключительно мягкими, благодаря тому что не удалось доказать антигосударственной направленности деятельности Линицкого. В 1941 г. родной брат любовницы Леонида Линицкого Н.Г. Дараган пытался организовать подпольную группу и был арестован гестапо⁸, что стало последним следом деятельности этой группы.

С группой Л. Линицкого в Югославии работал Роланд Абиа, который побывал в Югославии в период с июля 1932 г. по февраль 1935 г., используя псевдоним Владимир Правдин, который позднее был упомянут в шифровке, прибывшей в 1942 г. на имя Ф.Е. Махина в штаб И.Б. Тито⁹. Вероятно, именно в то время был установлен разведывательный контакт с Махиным [Тесемников, 2007, с. 93–97; Dedijer, 1984, с. 154]. До этого, в 20-х гг., Ф.Е. Махин активно сотрудничал с сербскими военными кругами, помогал им в вербовке добровольцев для «албанской авантюры» по свержению Ф. Ноли и установлению власти А. Зогу, занимался сбором информации по интересующим сербское правительство вопросам международной политики на территориях восточноевропейских государств-лимитрофов, а также улаживал «щекотливые вопросы» в печати. Это отражалось в месячных «доверительных» выплатах руководству Земгора. Ситуация была нарушена лишь в 1929 г., когда в стране было введено военное положение и фрондировавшего левыми взглядами Ф.Е. Махина хотели арестовать. Генеральный директор МИД Королевства Югославия С.А. Пеливанович спас его, указав на его «конфиденциальные» действия¹⁰.

Нет документальных данных о том, чем конкретно занимался Ф.Е. Махин в 30-х гг. в интересах советской разведки. Однако публичные

⁸ ИАБ. Ф. BdS. Д. D-275

⁹ АЮ. ЦК КПЮ-Ки. 1942/204. Translation of original notes from KGB archival files by Alexander Vassiliev. White Notebook № 8. File 35112. V. 8. P. 233.

¹⁰ АС. Ф. Марии и Максима Агаповых. [О Београдском Земгору]. Не обр.

направления деятельности Земгора и его читальни были очевидны — они проводили активную пропаганду, которая влияла на эмигрантскую молодежь. В годы войны имя Ф.Е. Махина впервые было упомянуто самим Тито в регулярном радиообмене между ЦК КПЮ и ИККИ, который, как обычно, велся по-русски. В сообщении от 31 августа 1942 г. Тито писал следующее: «У нас с самого начала партизанской войны находится русский эмигрант полковник Федор Махин. Он сначала был в Черногории, а теперь находится в нашем штабе и занимается публицистикой. В Черногории его вместе с профессором Милошевичем захватили четники, но наши части их освободили. Он держится хорошо, сейчас намеревается писать книгу о боях в Югославии, о Драже Михайловиче и т.д. ... Просим узнать мнение НКВД о нем и сообщить нам»¹¹. До этого Тито уже неоднократно критиковал Д. Михайловича в своих отчетах для ИККИ, и поэтому более чем заметно стремление Тито получить из Москвы запрос о том, что же пишет Ф. Махин о Д. Михайловиче.

Однако неожиданно в ответ на просьбу о посылке еще одного «разоблачения» Д. Михайловича из Москвы пришло совсем иное указание. Ответ ИККИ от 15 сентября 1942 г. гласил: «Поручите ответственному товарищу переговорить с русским эмигрантом Махиным и передать ему пароль наших соседей (зд. — НКВД. — А.Т.): “Привет от товарища Правдина. Я пришел продолжить работу, которую проводил с вами Правдин”. В разговоре с Махиным выяснить: 1. Имеет ли он что-либо передать для Правдина? 2. Какое положение он занимал у Михайловича и имеет ли возможность вновь войти в доверие к Михайловичу или кому-либо из его близкого окружения? 3. Может ли вернуться к Михайловичу или осесть на оккупированной территории и работать по заданию соседей и осуществлять оттуда связь? 4. Результат сообщить»¹².

Следующая радиограмма, связанная с Ф.Е. Махиным, ушла в Москву уже 19 сентября. В нем от лица Ф.Е. Махина было написано: «Товарищу Правдину. Преследуемый немцами и белогвардейцами, я 23 июня прошлого г. скрылся в Черногории, где участвовал в партизанском движении с самого его начала и там себя достаточно скомпрометировал в глазах четников Дражи Михайловича. Был у них в плену и освобожден партизанами от выдачи итальянцам. После итальянско-четнического наступления в Черногории отступил с партизанами в Боснию, где присоединился к Верховному штабу. Из окружения Михайловича хорошо знаком с его помощником Ильей Трифуновичем (Бирчанином), председателем Народной Одбраны, его характеристику, мне кажется, я Вам сообщил.

¹¹ АЮ. ЦК КПЮ-Ки. 1942/191.

¹² Там же. 1942/204.

Трифуневич сейчас с помощью итальянцев ведет наступление против партизан со стороны Сплита. Попытаюсь при посредстве партизанского Верховного штаба связаться с ним, и если удастся, то и устроить с ним свидание. В этом отношении желательны Ваши указания. Пробраться в оккупированные края при постоянной за мной слежке гестапо сейчас невозможно. На днях пошлю подробную информацию о положении нашей здешней борьбы. Я очень обрадован возможностью нашей связи и работы. Горячий привет. Махин»¹³. Это письмо Тито передал в Москву и подписал его своим именем после имени Махина. В нем опять прослеживается стремление Тито использовать Махина как еще одного свидетеля, доказывающего правильность линии КПЮ на борьбу с четниками.

В телеграмме от 26 сентября 1942 г. Тито еще раз покритиковал четническое движение и посетовал, что Д. Михайловича незаслуженно рекламирует «Радио Лондон», а также обеспокоенно поинтересовался, почему Д. Михайловича не осуждает советская пропагандистская станция «Свободная Югославия», находившаяся под контролем ИККИ и вещавшая из Тбилиси на южнославянских языках¹⁴. На следующий день, 27 сентября, партизанские радисты передали в Москву подробное донесение Ф.Е. Махина «товарищу Правдину». Престарелый эмигрант описал победу партизан над четниками, одержанную в западной Боснии, упомянул широкое сотрудничество четнических воевод с итальянскими войсками. Кроме того, Махин выразил свое мнение о том, что легализация партизанского движения эмигрантским правительством не только невозможна, но и не нужна. Махин уточнил, что скорее партизанам помогло бы признание их англо-американцами, хотя бы по военной, а не по дипломатической линии¹⁵. На этом радиосообщения Ф.Е. Махина через радиостанцию ЦК КПЮ были прекращены. Если эти сообщения действительно составлены Ф.Е. Махиным, то становится очевидным, что он полностью находился под влиянием И.Б. Тито и не мог стать независимым источником информации для СССР о положении дел в Югославии. Ситуация, вероятно, начала меняться, когда в конце войны занимавшийся до этого пропагандистской работой Махин был поставлен во главе Исторического отдела Генерального штаба Югославской армии (партизан) и посетил Москву. Это бдительное внимание агента НКВД к истории партизанского движения было не очень удобным для руководства КПЮ, имевшего свои скелеты в шкафу, и вскоре Ф.Е. Махин быстро скончался.

¹³ Там же. 1942/210.

¹⁴ Там же. 1942/217.

¹⁵ Там же. 1942/219.

Стоит отметить, что и еще несколько эмигрантов ушли в партизаны. Многие из них сложили головы в почти полной анонимности, и лишь еще один достиг вершин в партизанской иерархии. Владимир Смирнов, выпускник технического факультета в Белграде, сорокадвухлетний пруспевающий инженер ушел «в лес» в 1941 г., в 1942 г. вступил в КПЮ, а закончил войну генералом и начальником Технического отделения Верховного штаба НОАЮ. Судя по крайней важности этой должности, в его «анамнезе» также должны были быть некоторые доверительные довоенные связи с советской разведкой, но за отсутствием документов это остается пока лишь гипотезой.

Кроме двух вышеперечисленных и совершенно несхожих групп (военнослужащих Королевской армии в Апрельской войне и сотрудников советской разведки), в эмигрантской среде была еще одна наиболее аутентичная группа, которая, впрочем, могла иметь связи и с первыми двумя.

Среди небольшой части левоориентированных слоев русской эмиграции возникла идея о сопротивлении немцам. Пропагандистская деятельность Земгора (Ф. Махин, В. Лебедев) и разведывательной сети Л. Линицкого в довоенной Югославии, а также левые настроения среди части учителей русско-сербской гимназии сформировали своеобразную питательную среду, в которой среди старших учеников гимназии и ее бывших учеников (на контрасте с питомцами Кадетского корпуса) зрели симпатии к СССР. В Сербии среди русских эмигрантов функционировала подпольная антифашистская организация — Союз советских патриотов (1941–1945). Деятельность этой организации, ее значение и вклад в борьбу против оккупантов малоизвестны и практически не изучены. Причиной тому был нелегальный характер этой организации, а также аресты и гибель двух из трех ее руководителей в 1944 г. Террор против русских эмигрантов, развязанный в титовской Югославии в 1948–1953 гг., привел к тому, что были уничтожены и последние следы деятельности ССП в Сербии. После рассекречивания в Архиве Сербии материалов Управления государственной безопасности СФРЮ появилась возможность дальше исследовать деятельность ССП.

Согласно показаниям Анны Одишелидзе, вдовы одного из руководителей организации Ильи Одишелидзе, которые она дала в Белграде 13 сентября 1948 г., ее покойный супруг занимался «тайными делами» и политикой с осени 1941 г., а особенно активно — с ноября 1941 г., когда они с мужем перебрались из большого семейного дома отца Анны, серба Владимира Марковича, на съемную квартиру. Эта молодая семья возникла незадолго до начала войны как развитие школьного романа

между вчерашними учениками русско-сербской гимназии. Илья привлекал Анну своей высокой образованностью, спортивной подтянутостью и беззаветной преданностью далекой родине — России. Она вспоминала о частых визитах в их семейное гнездышко тесной группы молодых друзей мужа — Александра Липского, Бориса Заболоцкого с супругой, Юрия Бискупского, Владимира Кудревича и некоего Кароводина, которые горячо обсуждали, как можно помочь партизанам и СССР. Анна также вспомнила, что с этой группой избегала встречаться другая, замкнутая и скрытная группа друзей мужа — Федор Высторопский и Владимир Лебедев. Сам Илья неоднократно предупреждал жену, чтобы она не упоминала перед «молодежью» о визитах в их дом Высторопского и Лебедева¹⁶. Эти показания — единственное свидетельство очевидца, который присутствовал при основании ССП. К сожалению, отмечала Анна, Илья «говорил о своих делах очень мало, всегда подчеркивая, что я должна верить ему и что ничего, что могло бы меня оскорбить, он не делает... Несколько раз он все-таки упомянул, что занимается политикой, даже спрашивал у меня совета, не объясняя при этом много, просто часто подчеркивал, что у него очень тайные задания и что он не хочет вмешивать меня в эти вещи как свою жену, тем более что мне вскоре предстояло стать матерью и передо мной была задача вырастить этого ребенка, а обо всем остальном он позаботится сам. Я ему верила, и так мы и жили, а с вопросами я к нему больше не приставала. Я просто знала, что он иногда куда-то ездит, с кем-то встречается, но зачем, — я не могла догадаться. Лишь однажды, после моего вопроса, где и с кем он был, он снова сказал, что мне нужно просто верить ему на сто процентов, чтобы ему не мешать, т.е. не мешать его делу, а когда война закончится, он обещал даже книгу написать о своей деятельности, чтобы я могла все узнать об этом, а пока он должен молчать, потому что речь идет не только о нем, но и о многих его друзьях, которых я случайно могла бы выдать... и это, конечно, было бы большим несчастьем. Так как я знала его с детства (мы учились в гимназии в одной параллели), я знала его характер, самостоятельный и энергичный, я знала, что мой муж имеет невероятные умственные способности, и не хотела ему мешать, так как верила в то, что все, что он делает, он делает и для меня, и для моего будущего ребенка»¹⁷.

Эти показания молодой вдовы дополняет заявление от 23 июля 1948 г.¹⁸ агента УДБ (титовского КГБ) Марко — под этим псевдонимом, согласно карандашной пометке на полях, действовал Всеволод Тумин.

¹⁶ АС. Ф. УДБ. Одишелидзе Ана. 13.09.1948. С. 14–29.

¹⁷ Там же. С. 14.

¹⁸ Там же. «Марко». 23.07.1948. С. 1–4.

Марко вступил в ССП относительно поздно и был его руководителем в течение некоторого времени после освобождения Белграда, однако вскоре был арестован по обвинению в финансовых махинациях и занимал крайне критическую позицию по отношению к малоизвестной ему военной деятельности ССП. Согласно донесению Марко, о том, «как возник ССП, было много версий. Однако, исходя из всех полученных сведений, похоже, что дело обстояло следующим образом. Группа бывших учеников 1-й русско-сербской гимназии в Белграде во главе с Высторопским и Лебедевым решила создать некую патриотическую организацию и начала искать контакты (с КПЮ. — А.Т.) для совместной деятельности еще в 1942 году. Однако эта попытка провалилась и, похоже, была повторена только к середине 1943 года»¹⁹. Осторожнее дату начала деятельности ССП определила 27 июля 1946 г. югославская газета «Политика», которая напечатала сообщение ТАСС, опубликованное накануне в советских «Известиях». «Когда Германия напала на СССР, произошел окончательный раскол среди русских эмигрантов. Самые отчаянные из них, составлявшие основу антисоветских эмигрантских организаций в Югославии, присоединились к так называемому Русскому добровольческому корпусу... Другая часть эмиграции присоединилась к югославским партизанам и помогала им по мере своих возможностей за спиной оккупантов. Среди этих последних родилась во время войны идея о создании общества советских патриотов. Члены общества помогали и передовым частям Красной армии. Многие из них присоединились к советским войскам и в их составе продолжили наступление на Запад...» [Политика, 1946].

Член ССП Николай Шепченко на допросе 22 августа 1948 г. показал, что инициативная группа будущих основателей ССП начала свою деятельность осенью 1941 — зимой 1942 г.²⁰ «После нападения Германии на СССР русские эмигранты, считавшие немцев врагами своей страны, начали объединяться. Была создана организация для борьбы против оккупантов. Эта организация, которая начала борьбу зимой 1941–1942 гг. и позднее стала называться Союзом советских патриотов, вошла в Народно-освободительное движение (Югославии. — А.Т.) и действовала по директивам КПЮ. В 1942 г. нам сообщили, что весь актив принят в коммунистическую партию, но на просьбу показать списки актива руководство организации ответило отказом, считая это излишним риском в условиях конспирации»²¹. Контакты между белградскими подпольщиками из рядов КПЮ и просоветски настроенными русскими эмигрантами в

¹⁹ АС. Ф. УДБ. «Марко». С. 1.

²⁰ Там же. Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 1–17.

²¹ Там же. С. 6.

1942 г. были нарушены вследствие усиления деятельности Специальной полиции и гестапо и ареста большей части белградских подпольщиков из рядов КПЮ, в связи с чем члены ССП стали пытаться наладить эти контакты через Загреб (с помощью Ф. Высторопского).

Наиболее детально и подробно причины возникновения ССП объяснил один из его активных членов и кум Ф. Высторопского П. Крат²². «После оккупации появились и такие русские, которые не соглашались с психозом, обуявшим большинство русских эмигрантов, — в поддержку немцев. Эти русские не были связаны друг с другом, и их объединение шло довольно медленно, на основании предыдущего знакомства и личного доверия. Еще до войны Федор Высторопский был известен как душа общества и человек левых убеждений, особенно его знали среди молодого поколения русских. До войны он работал библиотекарем в “Земгоре”, во главе которого стоял Федор Махин — позднее генерал партизанской армии. Незадолго до этого Федор Высторопский стал и председателем Общества выпускников русско-сербской гимназии в Белграде. Высторопский, которого мы звали Федя, был известен и тем, что до войны написал вместе с бывшим профессором гимназии Николаем Чернышевым книгу “Учите русский” — один из первых учебников русского языка, составленных в левом духе, — полный новых советских текстов. Федя был известен и среди югославских левых, и студентов, поскольку давал уроки русского языка, например, Радовану Лаличу — нынешнему редактору газеты “Борба”. Так, спонтанно, около него начали группироваться русские, сначала просто “для беседы”. К нему в белградскую квартиру по адресу Приштинская, 17 стали приходить люди, чтобы посоветоваться и обменяться мыслями обо всем, что происходит. Первой идеей было по возможности отделиться и не участвовать во всех германофильских начинаниях остальных русских и, если сможем, еще кого-то уговорить, поддержать и привлечь на нашу сторону. Так продолжалось достаточно долго, пока не стало ясно, кто за кого. Нам не хватало только, чтобы кто-то из нас был настоящим коммунистом — членом партии, не хватало связи с движением, чтобы мы могли включиться в общую работу и знать, что и как нам делать. Мы приходили к Феде слушать по радио Москву и Лондон. Все, что я лично узнавал о последующей работе, — я узнавал, когда общался с Федей. Федя был моим другом и одноклассником по гимназии, мы жили вместе с ним в пансионе гимназии. Мы были близкими друзьями. Я был свидетелем на его свадьбе и крестил его ребенка. В конце 1942 г. вокруг Феде сформировалась еще более энергичная группа, которой ру-

²² Там же. Крат П. 31.08.1949. С. 1–13.

ководил Алико Одишелидзе — тоже ученик нашей гимназии. Тогда, в начале 1943 г., не могу сказать точнее, было принято решение, что группа будет называться Союз советских патриотов... Тогда же было отпечатано и воззвание ССП, в котором говорилось, что вследствие перерыва связи с партизанским движением была создана эта боевая антифашистская группа... Похоже, что Одишелидзе имел свою особую группу в рамках общей организации»²³. Согласно показаниям Анны Одишелидзе, уже в начале 1943 г. к ним приходил Владимир Кароли, приятель И. Одишелидзе по факультету, бывший «его связным с сербами, с сербским направлением деятельности»²⁴.

Таким образом, на основании всех этих заявлений, вероятнее всего, начало формирования группы мы можем отнести к осени 1941 — зиме 1942 г. Тогда была начата первичная деятельность — пропаганда, отбор подходящих кадров и сочувствующих, формирование крепкого ядра. При этом следует отметить, что Юрий Лобачев связывал начало активизации деятельности ССП с началом Сталинградской битвы в июле 1942 г. [Лобачев, 1997, с. 118]. Это мнение отчасти совпадает с позицией послевоенных следователей титовской госбезопасности [Ruska emigracija, 1953], которые относили начало активной деятельности ССП к концу 1942 — началу 1943 г.

Структура ССП была скрыта под покровом тайны. Особую проблему представляло то, что в отчетах секретных сотрудников титовской государственной безопасности и показаниях бывших членов ССП фигурировали в основном предположения, реконструкции на основании послевоенных рассказов, хуже того — «полезные» выдумки и намеренное приукрашивание прошлого. По данным агента Марко (Вс. Тумина), в первой половине 1942 г. деятельность инициативной группы даже прекратилась на некоторое время, но потом вновь возобновилась. При этом было трудно сказать, «кто присутствовал на встрече, на которой приняли решение продолжить работу. Упоминаются различные имена. Однако наиболее вероятно, что ядро организации, кроме Лебедева, Высторопского и Одишелидзе, которые были верховной тройкой, составляли еще и инженер Таран, кум Высторопского (вероятно, это ошибка и здесь имеется в виду не Г. Таран, а П. Крат. — А.Т.), затем братья Борис и Сергей Марковы, Архангельский, некий Лаптев, который после освобождения всегда хвалился, что был среди основателей ССП, потом Нижицкий, инженер Рябов, инженер Полховский, бывший югославский артиллерийский офицер

²³ АС. Ф. УДБ. Крат П. 31.08.1949. С. 1–3.

²⁴ Там же. Одишелидзе Ана. 13.09.1948. С.16.

Владимир Кудревич»²⁵. Среди инициативной группы упоминается и еще одно интересное имя — Николай Чернышев, бывший преподаватель русско-сербской гимназии, которую окончили большинство членов ССП²⁶. Пользовавшийся среди молодежи авторитетом преподаватель Н. Чернышев способствовал формированию у них специфического «советского патриотизма» и, судя по послевоенным показаниям бывших гимназистов, сильно смахивал на А. Хованского, персонажа небезызвестной дилогии советского автора И. Дорбы [Дорба, 1981; Дорба, 1989].

По словам Н. Шепченко, «душой организации был Федор Высторопский, который жил на улице Приштинской, 17 в доме то ли своей тещи, то ли тетки жены. Федя Высторопский еще до войны был сотрудником Земгора у Федора Махина, позднее генерал-лейтенанта НОАЮ. Я знал Федора Высторопского задолго до войны. Он всегда был убежденным коммунистом. В начале войны он сгруппировал вокруг себя единомышленников. Был создан организационный комитет, который провозгласил себя Центральным комитетом организации». Шепченко также упомянул о том, что Высторопский был до войны секретарем в Земгоре²⁷. Агент Марко (Тумин) утверждал, что Высторопский окончил до войны отделение истории философского (общегуманитарного) факультета Белградского университета, а после оккупации стал секретарем во Всеказачьем союзе (там он доставал удостоверения для партизан и красноармейцев и, пользуясь тем, что «вольные казаки» жили по всей Сербии, мог с полным основанием перемещаться по Сербии и Банату). Его соратник по верховной тройке И. Одишелидзе до войны учился на техническом факультете Белградского университета, а во время войны стал представителем немецкой автомобильной фирмы «Мотор». Третий член верховной тройки — доктор Владимир Лебедев [Јовановић, 1994] — являлся членом русской зарубежной организации Красного Креста и также был тесно связан с югославским представительством Земгора.

Структуру организации лучше всего описал Н. Шепченко. Во главе ее стояла верховная тройка, каждый член верховной тройки имел свой номер: № 1 — доктор Владимир Лебедев (Левицкий), № 2 — Федор Высторопский (Федя), № 3 — инженер Илья Одишелидзе (Алико). Каждый член верховной тройки также имел свою группу, членам которой он присваивал номера 11–19, 21–29, 31–39. Члены этих групп второго уровня также создавали собственные группы, давая их членам номера, где первые два числа соответствовали номеру основателя, а третье число — порядковому

²⁵ Там же. «Марко». 23.07.1948. С. 1.

²⁶ Там же. Крат П. 31.08.1949. С. 5.

²⁷ Там же. Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 1–17.

номеру в группе. Например, у входившего в группу Высторопского (№ 2) члена организации под номером 29 в группе было несколько соратников под номерами 291 — 299. Общее число членов организации в период ее расцвета (к концу 1943 г.) составляло около 150 человек. Они проводили агитацию, готовили побеги пленных из лагерей и переброску людей в партизанские отряды, а также выполняли другие задания, полученные от КПЮ. Рядовые члены ССП знали только главу своего десятка. Глава десятка знал только того члена верховной тройки, с которым был связан.

Исключения из правил имели место лишь в том случае, если природа задания требовала участия большего числа людей. Шепченко состоял в группе Высторопского, но поскольку у последнего группа была уже заполнена, а у доктора Лебедева еще нет, то Шепченко получил номер 19, хотя и работал под руководством Феде. Членами группы Шепченко были №№ 191, 192 и 193 (семья Фемилиди — механик Михаил, его жена и дочь), № 194 (Василий Антонюк, который в 1942 г. был отправлен в лагерь и скончался в 1943), №№ 195 и 196 (Степан и Валентина Розовы, работавшие в библиотеке Русского дома), № 197 (шофер Константин Синельников, погибший в Маутхаузене вместе с Высторопским), №№ 198 и 199 (электрик инфекционной больницы Петров и его жена). Шепченко вспоминал, что просил о переброске его к партизанам, но ему «было сказано, что полезнее продолжать подпольную работу. В начале 1944 года я отправился работать в Аранджеловац, к установившему связь с космайским партизанским отрядом Семену Папкову, передав Феде связь со своей группой. В Аранджеловце я установил связь с семьей красноармейцами-военнопленными, уговорив их перейти в партизаны. Обо мне узнали четники, они пришли ко мне ночью, и я был вынужден бежать назад в Белград... В Белграде я обратился к Феде, узнав от него, что во время моего отсутствия еще несколько человек были переправлены к партизанам. Федя мне сказал, что найдены средства для поддержания их семей и что надо готовить весь актив к переходу в лес...»²⁸. Однако спустя два дня началась полоса арестов, Высторопский и еще ряд членов ССП были схвачены.

Схожее описание активной деятельности ССП в 1943–1944 гг. в контакте с организационными подразделениями КПЮ дал и агент Марко (Тумин): «Работа сводилась к помощи партизанам и народно-освободительному движению, к переброске в лес, к снабжению одеждой и всем необходимым тех русских военнопленных, кто хотел уйти в лес, к сбору средств, медикаментов, к пропаганде против вступления в Русский корпус (профашистский) и против отъезда на работу в Германию. Особен-

²⁸ АС. Ф. УДБ. Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 1–6.

но активно она велась среди молодежи. Работа была основана либо на личных связях, либо на координировании связей самой организации с народно-освободительным движением. Сотрудничество, как говорили, осуществлялось через студента Короли, а позже через каких-то других товарищей во главе с товарищем Божовичем. Это был контакт с подпольной группой КПЮ в VII или VIII районе Белграда...»²⁹

Более детально об этой работе рассказал П. Крат³⁰. Он сообщил, что кроме прослушивания по радио новостей из Лондона и Москвы и последующего распространения этих новостей были и другие формы деятельности ССП среди эмигрантов. Особое внимание уделялось работе молодых членов ССП, служивших в немецкой военно-строительной организации Тодта. В районе г. Пожаревац работали Борис Заболоцкий, Борис Рябов и Лев Петров. «Такая деятельность в провинции под прикрытием организации Тодта дала возможность получать немецкие документы для рабочих, которые едут куда-то на работу. Это было особенно полезно для красноармейцев, которых мы освобождали и перебрасывали в партизанские отряды. Заболоцкий был связан с Рудаковым, они находили средства для того, чтобы осуществлять эту переброску, а также и поддерживать самого Федю, чтобы он мог полностью посвятить себя политической деятельности. У Федя имелся список всех членов организации. По этому списку шел сбор денег, одежды, санитарного материала и оружия. Перед Федей мы всегда отчитывались о том, что касается нашей борьбы и политической ситуации. Сообщали о своей личной деятельности, а также узнавали его мнение и просили одобрения на различные акции. Похоже, что Федя встречался с товарищем Петром Стамболичем. Федя установил с югославскими коммунистами собственные связи, но они были слабыми и непостоянными. Прибывавшие красноармейцы (военнопленные, служившие в вермахте и работавшие в организации Тодта. — А.Т.) стали приходить к Феде домой. Они слушали новости и радио. Говорили о Советском Союзе и договаривались о дальнейших действиях. После этого они получали от нас гражданскую одежду, иногда оружие, кое-какие документы и уходили в партизанские отряды. Их переброской особенно активно занимались Сергей Марков и шофер Костя (Синельников. — А.Т.). Они работали в “Фарберайтшафте” (Fahrbereitschaft — автослужба. — А.Т.). На своих грузовиках с аусвайсами рабочих организации Тодта красноармейцев и остальных перевозили по всей Сербии. Переброска осуществлялась в Пожаревац, Бор и Срем через земунский мост... Также из лагеря в конце улицы Короля Александра были освобождены

²⁹ Там же. «Марко». 23.07.1948. С. 1–3.

³⁰ Там же. Крат П. 31.08.1949. С. 3–5.

несколько красноармейцев»³¹. Стоит напомнить, что даже прослушивание по радио Москвы и Лондона было далеко не безопасным занятием в оккупированной Сербии. Уже 27 мая 1941 г. появился приказ немецкого командования в Сербии о запрете на прослушивание иностранных радиостанций (кроме немецких) под угрозой заключения в лагере и даже смертной казни (в случае распространения «слухов»), при этом следить за выполнением приказа должна была коллаборационистская Специальная полиция и СД³². Русские эмигранты, которые организовывали групповые прослушивания радиопередач или сообщали об их содержании своим сербским и русским соседям и коллегам по работе, буквально рисковали своими жизнями³³.

В послевоенных аналитических записках титовской службы госбезопасности, в донесениях ее агентов, в показаниях арестованных после 1948 г. русских эмигрантов и в их воспоминаниях отсутствует информация еще об одном аспекте деятельности ССП³⁴. Однако ряд косвенных доказательств указывает на высокую степень вероятности существования этого аспекта. Является вполне доказанной связь двух из трех организаторов ССП, В. Лебедева и Ф. Высторопского, с довоенной эмигрантской организацией Земгор, во главе которой в Югославии стоял Ф.Е. Махин, еще до войны завербованный предствителем НКВД Р. Абиа (Правдиным)³⁵. Вследствие этого Земгор занимался полулегальной просоветской пропагандой еще до начала Второй мировой войны, его сотрудники были настроены просоветски и активно сотрудничали с советской разведкой. Стоит отметить, что в Болгарии и во Франции подобное сотрудничество советской разведки и довоенных просоветски настроенных граждан привело в годы Второй мировой войны к возникновению организаций, даже по названию схожих с Союзом советских патриотов в Сербии³⁶. С другой стороны, сразу же после прибытия советских войск отдельные члены ССП влились в части Красной армии как переводчики и технический персонал при штабах (позиция, которая требовала осо-

³¹ АС. Ф. УДБ. Крат П. 31.08.1949. С. 3–5.

³² ИАБ. Ф. УГБ СП IV. Бр. 38/05, 266.

³³ Там же. Ф. BdS. Br. A–50. B–112. H–222. I–54. J–235.

³⁴ Материалы о деятельности советской разведки на территории Югославии полностью отсутствуют среди открытых документов в фонде БИА в Архиве Сербии.

³⁵ Роланд Абиа находился в Югославии с июля 1932 г. по февраль 1935 г. и действовал против русских эмигрантских организаций. Он использовал псевдоним Владимир Правдин и установил разведывательную связь с группами Ф. Махина и Л. Линицкого [Тесемников, 2007; Тимофеев, 2011, с. 227, 228].

³⁶ Например, во Франции образованное в 1943 г. общество просоветских эмигрантов называлось Союзом русских патриотов [Кривошеин, 1972; Очерки истории, 2007; Polian, Colpart, 2000].

бых проверок и «рекомендаций»), продолжив с ними наступление на запад. Но тем не менее прямых доказательств о связи отдельных членов ССП (или всей организации) с советской разведкой до октября 1944 г. в открытых на сей день архивных материалах пока не обнаружено.

Согласно показаниям Анны Одишелидзе в марте 1944 г. был арестован друг И. Одишелидзе В. Кароли, которого немецкие полицейские водили избитым по Белграду для выполнения неких следственных мероприятий, после чего его отправили в Маутхаузен, где ему удалось выжить, и после войны он вернулся в Белград³⁷. В то же время были арестованы и несколько руководителей ССП. Шепченко подробно вспоминал день провала: «...когда я пришел на договоренную встречу к Феде во двор в 7 часов утра, у дверей я увидел его жену с какой-то соседкой, узнав от них, что Федя арестован “вчера в 3 часа”. В самом доме находилась засада, и я лишь случайно ее избежал. Так как из разговора с Федей накануне я узнал, что он много работал с Костей Синельниковым, я сразу же побежал его предупредить. Прибыв на улицу Св. Николая, я еще издали увидел, что что-то случилось, так как и здесь у ворот дома стояла мать Кости с соседкой, а на углу были какие-то люди. От Костиной матери я узнал, что его увели полчаса назад. Я потерял голову и поспешил в центр города. Мне хотелось бежать к Одишелидзе на улицу Пашича. На углу улицы Массарика и Милоша Великого я встретил Ивана Лаптия, который посоветовал мне скрыться, так как гестапо и специальная полиция уже много схватили и продолжают хватать русских. На мой вопрос, кто арестован, Лаптий мне ответил, что арестован Одишелидзе, доктор Лебедев и жена Заболоцкого, а Заболоцкий сумел сбежать. Я рассказал ему о Феде и о Косте Синельникове. Лаптий еще раз посоветовал бежать. Так как я потерял контакты в Белграде, я перебрался через Саву и сначала вступил в десятую, а потом в седьмую воеводинскую бригаду...»³⁸ Об этих арестах Лебедева, Высторопского и других вспоминал также агент Марко (Тумин)³⁹. Высторопский и Синельников, против которых существовали неопровержимые улики (полученные при аресте), были убиты в Маутхаузене. Однако благодаря их стойкости остальные члены ССП смогли уцелеть и были отпущены.

Согласно показаниям Бориса Заболоцкого⁴⁰ провал организации произошел вследствие ошибки в очень сложном и опасном деле — вербовке и переброске в лес русских добровольцев из рядов эмигрантов и

³⁷ АС. Ф. УДБ. Одишелидзе Ана. 13.09.1948. С. 18.

³⁸ Там же. Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 11–14.

³⁹ Там же. «Марко». 23.07.1948. С. 3.

⁴⁰ Там же. Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 15.

военнопленных. «Костя Синельников помогал сбежать из лагеря какому-то Петроцкому, бывшему недолго в партизанах в 1942 году. Петроцкий два дня скрывался у Феде, где он мог увидеть и Лебедева, а затем был переброшен по тайным каналам в провинцию к Заболоцкому. Там он отказался перейти в отряд и повел себя так, что местное отделение КПЮ собиралось его ликвидировать. Петроцкий вернулся в Белград». Согласно заявлениям матери и брата Синельникова «в автомобиле, приехавшем за Костей, сидел и Петроцкий»⁴¹. Шепченко считал, что роль Петроцкого в судьбе ССП была фатальной, упоминая, что последний осенью 1944 г. «вернулся в НОАЮ в какую-то бригаду партизан из Лики, а позднее стал сотрудником военной контрразведки»⁴². С этим предположением согласился и П. Крат, хотя он и отнес арест Высторопского к лету 1944 г. (вероятно, ошибочно)⁴³. Анатолия Петроцкого, подозрительно успешно сбежавшего из лагеря Баница⁴⁴, обвинили в провале организации и Сергей Марков, и Игорь Савченко⁴⁵. Примечательно, что недичевская Специальная полиция назвала серию арестов членов ССП «всеказацкой аферой», так как у большинства арестованных были удостоверения Союза вольных казаков⁴⁶.

После ареста Высторопского и других⁴⁷ оставшиеся на свободе члены ССП, опасаясь дальнейших арестов, решили перебраться в партизанские отряды. В партизаны ушли Николай Шепченко, Всеволод Тумин, Борис Марков, Мстислав Зилов, Степан Розов, Михаил Фемилиди, Владимир Пономарев, Илья Голенищев-Кутузов, Илья Одишелидзе, Александр Липский, Андрей Ефимовский и др.⁴⁸ Некоторые из членов ССП (как, например, поэт Алексей Дураков) присоединились к НОАЮ еще раньше. Согласно меморандуму ССП от 27 ноября 1944 г. в партизанских отрядах за годы войны погибли 6 членов ССП, а по состоянию на ноябрь 1944 г. сражались в частях НОАЮ 17 членов ССП. К моменту освобождения Сербии от оккупантов в Белграде оставались в живых и продолжали деятельность в рамках ССП всего 58 членов этой организации⁴⁹.

⁴¹ АС. Ф. УДБ. Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 15.

⁴² Там же. С. 18.

⁴³ Там же. Крат П. 31.08.1949. С. 4–8.

⁴⁴ Мы не смогли найти в учетных книгах баницкого лагеря ни А. Петроцкого, ни И. Голенищева-Кутузова, ни других членов ССП, о чьем пребывании в этом лагере сообщают документы, упомянутые в досье «Советские патриоты» в Архиве Сербии.

⁴⁵ АС. Ф. УДБ. Савченко Игор. S.d. С. 6–7.

⁴⁶ Там же. Меморандум о делатности ССП у оквиру НОП Југославије. 27.11.1944. С. 6

⁴⁷ Там же. Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 1–6.

⁴⁸ Там же; Савченко Игор. S.d. С. 6–7.

⁴⁹ Там же. Меморандум о делатности ССП у оквиру НОП Југославије. 27.11.1944. С. 6.

Особенно трагичной оказалась судьба трех членов ССП — Ильи Одишелидзе, Александра Липского и Андрея Ефимовского, попытавшихся перебраться к партизанам в июле 1944 г. Из-за болезни супруги И. Одишелидзе не успел уйти вместе с остальными, а начавшаяся противопартизанская операция немцев прервала все их старые связи с партизанами. Пришлось обращаться к знакомым А. Липского из южной Сербии, где он работал в 1943 г. на строительстве дороги. Об их дальнейшей судьбе некоторые члены ССП в Белграде узнали еще в 1944 г., но окончательно она была выяснена лишь в 1945 г. Сразу же по окончании войны, в июне 1945 г., Сербская комиссия по расследованию преступлений оккупантов и их подельников в Сербии начала расследование по поданному 28 мая 1945 г. С. Христичем, известным сербским композитором и дирижером, заявлению о пропаже Одишелидзе, Липского и Ефимовского (пасынка композитора от его русской жены Ксении Роговской). К поискам присоединились и другие родственники пропавших (супруги Липского, Ефимовского и Одишелидзе, а также отец Липского), которые объезжали места, где пропали их близкие. Выяснилось, что эту тройку перебросил на юг Сербии их соратник по ССП Владимир Кудревич, который был в частях недичевской жандармерии⁵⁰, а после освобождения вышел из подполья, присоединился к НОАЮ и окончил войну в должности начальника штаба 2-й артиллерийской бригады НОАЮ. Трое молодых людей были доставлены им в с. Гречач, откуда их по партизанским каналам перебросили на гору Мали Ястребац, где скрывались от четников местные партизанские вожак. Партизаны отнеслись к пришельцам настороженно, ничего о них не зная, и, «так как ситуация была неясной, на всякий случай их расстреляли», потом ограбили и бросили в овраг. Трупы закопали проходившие поблизости пастухи. Большая часть партизан, участвовавших в расстреле, были вскоре убиты четниками, которым в свою очередь достались и трофеи (деньги и одежда расстрелянных членов ССП)⁵¹.

В сентябре 1944 г. после выхода В. Лебедева из тюрьмы Специальной полиции оставшиеся к тому времени в Белграде члены ССП связались с подпольными группами ССП через Михаила Бошковича в VIII районе Белграда. В этом состоянии ССП и пришел к октябрю 1944 г. «Во время освобождения Белграда члены ССП оказывали всю помощь как товарищам из НОАЮ (питание, бинты), так и бойцам Красной армии, а особенно их штабам, проводя

⁵⁰ См. подробнее об организации оккупационного аппарата в Сербии: [Тимофеев, 2011].

⁵¹ АС. Ф. УДБ. Преписка Државне комисије поводом убиства Одишелидзеа, Липског и Ефимовског. С. 1–28; Молба С. К. Христића од 28. маја 1945.; Испит сведока. 21.06.1948; Миловановић Божидар. 31.10.1948; Ракић Љубиша. 2.11.1948; Крстић Миодраг. 22.01.1948; Липски Тајјана. 14.09.1948.

их через Белград во время боев и помогая им в качестве переводчиков»⁵². Сложно сказать, шла ли тут речь о чистой случайности, как это утверждал в своих мемуарах Ю. Лобачев [Лобачев, 1997, с. 126, 132], или нет...

В октябре — декабре 1944 г. ССП был на пике популярности и влияния среди эмигрантов. Кроме Лебедева, в руководстве ССП появились и новые лица — В. Тумин и Н. Шепченко. В начале ЦК ССП был размещен на рабочем месте Лебедева — «за храмом Св. Саввы, в здании врачебного общества»⁵³. Но вскоре ССП переселился в здание Русского дома, в кабинеты, опустевшие после того, как члены пронемецкого Бюро по защите русской эмиграции были эвакуированы отступавшими частями вермахта в Австрию в сентябре 1944 г., незадолго до освобождения Белграда.

В то же время руководство ССП обратилось к титовским властям с просьбой улучшить отношение к русским эмигрантам со стороны новой администрации, по приказу которой производились массовые аресты русских эмигрантов в Белграде. В письме, подписанном В. Лебедевым и Н. Чернышевым, говорилось: «Считаем, что все русские, которых можно считать военными преступниками, уже сбежали вместе с оккупантами, так как не смели остаться дожидаться НОАЮ и Красную армию. Те, кто остались, считали, что у них нет никаких грехов перед сербским и русским народами, так как они всегда были лояльны им, а многие даже и последовательно антифашистки расположенными...»⁵⁴ Вряд ли это обращение было принято во внимание, хотя стоит отметить, что большая часть эмигрантов была вскоре выпущена из тюремного заключения.

Согласно показаниям Николая Шубина, Русский дом в то время наполнился множеством русских людей: Лебедев, Кутузов с женой, Тумин с сестрой, Крат, Бискупский, Лобачев с женой, Алексеев, Заболоцкий, Люба Дуракова и др. Они чистили дом, выбрасывали мусор и мебель, сломанную в ходе освобождения и последовавшего за ним грабежа, «а в одной комнате русские художники рисовали портреты» советских лидеров. Они готовились к празднованию очередной годовщины Октябрьской революции 1917 г. Шубин был очевидцем вечернего заседания, когда была организована торжественная встреча членов ССП: «Председательствовал Лебедев, который говорил о погибшем на фронте товарище Дуракове, поэте. После него Кутузов прочитал несколько новых стихотворений, а потом Заболоцкий прочитал короткий доклад о материализме. Ведущую группу составляли Лебедев и Кутузов. Последний особенно выделялся своей надменностью и разгуливал с винтовкой на плече. Он был одет в партизанскую

⁵² АС. Ф. УДБ. Извештај о раду ССП у Београду за ЦК ССП. S.d. 1.

⁵³ Там же. Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 4–6.

⁵⁴ Там же. Писмо ССП-ОЗН, потписано В. Лебедев, Н. Чернишев. S.d.

форму»⁵⁵. В это время, сразу же после освобождения, произошел раскол среди членов ССП по вопросу о стратегии дальнейших действий. Меньшая часть людей, собравшаяся вокруг Лебедева, считала, что с освобождением роль ССП была сыграна, а посему его членам следует присоединиться к подразделениям НОАЮ, в то время как вторая, более многочисленная группа во главе с В. Туминым, настаивала на необходимости продолжать собственную деятельность союза⁵⁶. В результате оказавшийся в меньшинстве Лебедев покинул ССП и поступил на должность военврача в НОАЮ.

Интерес русских эмигрантов к вступлению в ССП угасал, так как Союзу не удалось получить реального влияния (подобного стержневым эмигрантским организациям под руководством В. Штрандтмана в межвоенный период или под управлением В. Крейтера в годы войны). В декабре 1945 г. ССП был окончательно распущен. Советское гражданство, которое беженцы стали получать с весны 1946 г., не означало, как выяснилось, одновременного отъезда из Югославии [Лобачев, 1997, с. 191–192]. Тумин, который попытался сопротивляться роспуску союза, был уволен с работы в информационном агентстве ТАНЮГ и вновь арестован на несколько месяцев⁵⁷. Несколько бывших членов ССП вступили в начале 1946 г. в новое Культурно-просветительное общество граждан Советского Союза, действовавшее при Доме советской культуры, но уже не имевшее ни былой самостоятельности, ни амбиций стать чем-то, кроме обычного фольклорного клуба [Гильотен, 1991, с. 223]. Члены ССП военного времени (Крат, Лебедев, Марков, Кутузов, Израйлов и примкнувшие к ним Свечников, Заболоцкий, Жиллов, Лобачев, Жеребков, Апухтин и Петрова) вновь активизировались лишь в 1948 г., выступив в поддержку резолюции Информбюро⁵⁸. В 1949–1955 гг. их арестовывали, избивали, бросали в тюрьмы и в конце концов выпроводили из страны вместе с десятками других «подозрительных русских» [Ноты, 1949; Гильотен, 1991, с. 244–255; Лобачев, 1997, с. 196–206]. В августе 1951 г. состоялся публичный показательный процесс над «группой советских шпионов», на котором были осуждены В. Лебедев, П. Крат, Б. Заболоцкий, И. Голенищев-Кутузов и другие бывшие члены ССП.

Анализируя деятельность ССП в целом, можно прийти к выводу о том, что это явление было достаточно редким, но не уникальным. Дать более точную оценку (изучить спонтанность его возникновения и активность в годы войны) будет затруднительно до рассекречивания адекватных архивных материалов в России. Только это может помочь ответить

⁵⁵ Там же. Шубин Николај. S.d. C. 1

⁵⁶ Там же. Крат П. 31.08.1949. С. 2.

⁵⁷ Там же. «Марко». 23.07.1948. С. 3.

⁵⁸ Там же. Савченко Игор. S.d. C. 7.

на вопрос, прав ли был один из «новообретенных» советских граждан послевоенного периода, К.В. Белозеров, который писал 21 июня 1966 г., что « всю историю ССП можно разделить на три части. Первую можно назвать “гуманной приятностью”: со времен возникновения ССП (в конце 1942 или начале 1943) до появления храброго партизана И.Н. Кутузова, как бравого солдата Швейка, 20.10.1944. Второй период — от Кутузова до “профессора” Тумина — назовем “деньги и хлестаковщина” и третий период — ликвидационный — от Тумина до “Общества граждан советского происхождения”» [Гильотен, 1991, с. 242].

Вероятно, ближе к истине был бывший специалист по коммунистическому подполью в довоенной югославской полиции, а потом в недичевской Специальной полиции, заключенный после войны в тюрьме в г. Сремска-Митровица русский эмигрант Сергей Голубев⁵⁹, которого УДБ использовало для анализа материалов, полученных на допросах от членов ССП. В своей записке, составленной 19 февраля 1952 г., он писал: «Среди разных вопросов, связанных с проникновением советского влияния и советской разведки в нашу страну, вопрос ССП один из наиболее интересных и важных... Союз в своих рядах собрал известное число белоэмигрантов прогрессивного направления, поддерживал определенные контакты с партизанами... а впоследствии был возрожден как общество по сотрудничеству с СССР, чтобы в конце 1946 года окончательно прекратить существование... Этому вопросу, хотя он и несколько потерял актуальность, — нужно посвятить куда большее внимание, так как не исключено, что таким образом можно прийти до открытий не только в историческом смысле, но и в политическо-разведывательном...» Голубев подчеркивал, что следователи УДБ не смогли получить ответов на вопросы о том, по чьей непосредственно инициативе был основан ССП. Случайно ли, что организации подобного типа практически в то же время возникли во Франции и Болгарии? Учитывая неоспоримость связей Земгора с советской разведкой до войны, имело ли место подобное сотрудничество после войны? Эти вопросы, остающиеся без ответов и до сих пор, ставил перед собой бывший опытный борец против коммунистического подполья заключенный С. Голубев, читая полученные с применением физического давления протоколы допросов сидевших в соседних камерах борцов с фашизмом времен войны — В. Лебедева, Б. Заболоцкого, И. Голенищева-Кутузова и П. Крата. Абсурдность происходящего подчеркивают слова совершенно несообразного данной ситуации титовско-

⁵⁹ ИАБ. Ф. УГБ СП. Д. Голубев Сергейа.

го призыва, которым С. Голубев закончил свою аналитическую записку: «Смерть фашизму, свободу — народу!»⁶⁰

После советско-югославского конфликта 1948 г. русская эмиграция прошла через свою очередную, уже третью в сороковых годах, голгофу. После жерновов 1941 и 1944 гг. русская эмиграция в Югославии как единый социальный организм была размолота бегством титовской Югославии из системы безопасности СССР. Эмигранты наряду с русофильски настроенными слоями сербского общества подверглись тяжелейшим репрессиям, по тяжести и размаху равноценным сталинскому террору. Судьба русских, участвовавших в ССП, была особенно тяжелой. Их пытали, бросали в тюрьмы и лагеря, отняли имущество и рукописи. Эта последняя волна террора против русской эмиграции в Югославии в 40-х гг. остается на сегодняшний момент недостаточно изученной и малоизвестной, заслуживая особого исследования. Против членов ССП сфабриковали «шпионское» дело, а из застенков их спасла лишь смерть Сталина. Берия (а затем и Хрущев) были нацелены на примирение с Тито, в 1955 г. произошла так называемая нормализация отношений, а заключенных-эмигрантов тихонько выслали из страны. Уговаривали ехать на Запад, куда и ехало большинство эмигрантов, не имевших отношения к ССП. Бывшие члены ССП уезжали на восток — в Болгарию, откуда после «фильтрации» им разрешили перебраться в провинциальные города СССР.

СОКРАЩЕНИЯ

АС — Архив Сербии, Белград, Республика Сербия

АЮ — Архив Югославии, Белград, Республика Сербия

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

ИАБ — Исторический архив города Белграда, Белград, Республика Сербия

ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала

ИНО ОГПУ — Иностранный отдел Объединенного государственного политического управления

Королевство СХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев

КПЮ — Коммунистическая партия Югославии

НБС — Народная библиотека Сербии, Белград, Республика Сербия

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НОАЮ — Народно-освободительная армия Югославии

ПВО — противовоздушная оборона

ССП — Союз советских патриотов

⁶⁰ АС. Ф. УДБ. Группа 1/1. Предмет «Савез Совјетских Патриота» — предлог. С. Голубјев. 19.02.1952. Сремска Митровица. С. 1–5.

СФРЮ — Социалистическая Федеративная Республика Югославия
ТАНЮГ — Телеграфное агентство новой Югославии

БИА — Безбедносно-информативна агенција
ГНООБ — Градски народноослободилачки одбор Београда
НОБ — Народноослободилачка борба
НОП — Народноослободилачки покрет Југославије
НОФ — Народноослободилачки фронт
ОЗН — Одељење за заштиту народа
СДС — Српска државна стража
УТБ СП — Управа града Београда Специјална полиција
УДБ — Управа државне безбедности

BdS — Befehlshaber der Sicherheitspolizei und des Sicherheitsdienst

ЛИТЕРАТУРА

- Антология, 1994 — «Мы жили тогда на планете другой...»: антология поэзии русского зарубежья, 1920–1990 (первая и вторая волна). Т. 3. М., 1994.
- Белов, 2003 — Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003.
- Вернуться, 1995 — Вернуться в Россию стихами: 200 поэтов эмиграции. М., 1995.
- Дорба, 1981 — Дорба И. Белые тени. М., 1981.
- Дорба, 1989 — Дорба И. Под опущенным забралом. М., 1989.
- Ермаков, 1997 — Ермаков Н.А. Неповторимый путь Л.Л. Линицкого // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997.
- Йованович, 2005 — Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005.
- Краинский, 1940 — Краинский Н.В. Фильм русской революции в психологической обработке. Белград, 1940.
- Кривошеин, 1972 — Кривошеин И.А. Так нам велело сердце // Против общего врага: советские люди во французском движении Сопротивления. М., 1972. С. 280–284.
- Кузьмичева, 2007 — Кузьмичева Л.В. Представители императорского дома Романовых о Карагеоргиевичих и Петровичах // Нововековне српске династије у меомоаристици. Београд, 2007. С. 261–284.
- Маевский, 1966 — Маевский В. Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии: в 2 т. Т. 2. Нью-Йорк, 1966.
- Ноты, 1949 — Ноты советского правительства югославскому правительству. 11, 18, 29 августа, 28 сентября. М., 1949.
- Острогорский, 1941 — Острогорский Г. Заметки к Слову о полку Игореве. Белград, 1941.
- Очерки истории, 2007 — Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. М., 2007. Т. 4: 1941–1945 годы.

- Петрюк, 2004 — Петрюк П.Т. Профессор Николай Васильевич Краинский — известный представитель отечественной психиатрической школы: (к 135-летию со дня рождения) // Психичне здоров'я. Вып. 2. Харьков, 2004. С. 89–93.
- Тесемников, 2007 — Тесемников В. Югославская одиссея Федора Махина // Родина. 2007. № 8. С. 93–97.
- Тимофеев, 2011 — Тимофеев А.Ю. Сербские союзники Гитлера. М., 2011.
- Гильотен, 1991 — Гильотен J. Две моје домовине... Gornji Milanovac, 1991.
- Јовановић, 1994 — Јовановић М. О једној забуни у нашој историографији или ко је В. Лебедев? // Споменица Радована Самарцића. Београд, 1994.
- Лобачев, 1997 — Лобачев Ђ. Кад се Волга уливала у Саву. Београд, 1997.
- Политика, 1946 — «Известија» поздравља део руске емиграције у Југославији који се часно држао за време фашистичке окупације // Политика. 1946. 27 јул.
- Радић, 2006 — Радић Р. Живот у временима: Гаврило Дожић (1881–1950). Београд, 2006.
- Тимофејев, 2011 — Тимофејев А. Руси и Други светски рат у Југославији. Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011.
- Шеншин, 2004 — Шеншин А. Садашње стање руске емиграције у Југославији, 23.11.1943 // Јаковљевић Р. Руси у Србији. Београд, 2004.
- Dedijer, 1984 — Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1984. T. 3.
- Polian, Colpart, 2000 — Polian P., Colpart C. Le rapatriement des citoyens soviétiques depuis la France et les zones françaises d'occupation en Allemagne et en Autriche // Cashiers du Monde Russe. 2000. V. 41. № 1. P. 165–189.
- Ruska emigracija, 1953 — Ruska emigracija u Jugoslaviji. Policijski elaborat. Bileća, 1953.

Приложение 1⁶¹

МЕМОРАНДУМ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ В БЕЛГРАДЕ

<Октябрь — ноябрь 1944 г. (?)>

Союз советских патриотов как таковой был организован после 22 июня 1941 г., т.е. после нападения Германии на СССР.

Он собрал вокруг себя все те элементы из числа русских эмигрантов в Белграде, которые искренне любили свое отечество и которые до того времени действовали порознь или в разных организациях антифашистского характера.

⁶¹ Здесь и далее документы (в оригинале — на сербском языке) публикуются в переводе А.Ю. Тимофеева.

Эта маленькая группа сразу же по своем создании стала действовать в глубокой конспирации, преследуемая властями немцев и квислингов. Более всего их преследовали сами русские эмигранты, вставшие на службу немцам. Многие члены еще в 1941 г. ушли в партизаны, где погибли за идею, многие оказались в тюрьмах и лагерях, где их пытали и расстреливали, многих послали в Германию на тяжелые работы.

Организация росла медленно и осторожно. Стремилась не к числу, а к качеству людей. Работа в основном сводилась к следующему: печатались листовки, призывавшие русских не верить немцам, не вступать в корпус, саботировать всю деятельность, направленную на пользу оккупантам, и уходить в партизаны. В Белграде собирался санитарный материал, канцелярский материал и оружие, которое посылали партизанам. Содержались конспиративные квартиры, которые использовали товарищи, разыскивавшиеся полицией, и товарищи из подполья, приходившие в Белград для лечения или по делам. Оказывалось и бесчисленное число меньших услуг товарищам в Белграде и в провинции, услуг, каждой из которых было достаточно, чтобы оказаться в лагере или быть расстрелянным. Собиралась и денежная помощь для семей погибших товарищей или для передач товарищам в лагерях. В последнее время особенно активными были действия по освобождению военнопленных из немецких лагерей и пересылки их в партизаны.

ССП встретил освобождение с небольшим числом членов в Белграде, так как многие были в партизанах, а многие уже погибли или из лагерей были высланы в Германию.

В своей организации ССП строился по системе троек. Верховная тройка представляла Центральный комитет (Высторопский, ныне высланный из лагеря в Германию, д-р Лебедев, ныне в Белграде, и инж. Илья Одишелдзе, погибший в партизанском отряде на г. Ястребац).

В 1942 г. ССП искал и установил связь с местными антифашистскими организациями, а также с такими же организациями в Загребе, ради чего в Загреб ездил лично товарищ Одишелдзе. Белградский контакт был через товарища Владу Каролию. В сентябре 1944 г., по выходе из тюрьмы специальной полиции, через д-ра Лебедева остатки ССП вступили в связь с одной из местных групп НОП (группа «Драган», контакт «Миша» Михаил Божович), с которой работает и до сего времени, которая переформируется в организацию VIII кварта.

Во время взятия Белграда члены ССП оказывали помощь товарищам из Народно-освободительной армии (еда, перевязочные средства, ночлег), а также бойцам Красной армии, особенно их штабам, проводя их через улицы Белграда во время боев и работая с ними переводчиками. Сейчас все члены ССП, не вступившие в ряды Народно-освободительной армии, гото-

вятся в нее вступить, а те, кто не может сделать это из за своего состояния здоровья, готовы своей деятельностью помочь в борьбе против фашистов.

За ЦК ССП

Смерть фашизму — свобода народам!

<Подпись: Тумин>

<Подпись: Д-р Илья Голенищев-Кутузов>

<Печать: «Местный комитет. Союз советских патриотов.

Народно-освободительное движение Сербии»>

АС. Ф. БИА, зб. III-98. Б /л (дело не пронумеровано). Машинопись.

Приложение 2

СПИСОК ЧЛЕНОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ

27 октября 1944 года, Белград

1. Восторпский Федор, дипломированный философ, член ЦК ССП, сотрудничал с 1923 г. с Махиным в Земгоре. Всегда был антифашистски расположен. После провала в августе месяце был заключен в лагерь и перед освобождением выслан в Германию.
2. Одишелидзе Илья, инж. Член ЦК ССП. Погиб в июле 1944 г. в партизанах.
3. Д-р Лебедев Владимир, врач, член ЦК ССП. С 1942 г. сотрудничал со всеми студенческими антифашистскими группами (Сандича и др. и с 1943 г. с группой проф. Жики Поповича, Станка Трифуновича, Селимира Ефтича, Димитрия Йовичича в Шабце). Член ССП с 1941 г. и его основатель. Арестовывался специальной полицией в 1941 г., гестапо в 1942 г. и снова Специальной полицией в 1944 г. Был заключен в тюрьме Джущина в августе — сентябре 1944 г. Член организации ССП в Белграде, контакт «Миша» Божович.
4. Тумин Всеволод, дипломированный философ. В данный момент в партизанах. Член НОП, заместитель секции пропаганды Инфодола ГНООБ. Подчиняется товарищу Косте, с которым он держит связь через товарища Перицу (командование Посавской области Воеводины).
5. Д-р Беляков Владислав, врач, с 1942 г. в партизанах. Со студенческих дней большой советский патриот и антифашист.
6. Д-р Гаврилова Тамара, врач, с 1941 г. в партизанском отряде в Мачве. Арестована на Дрине четниками Д<раже> М<ихайловича>. Находилась полгода в лагере. Была отпущена. Сотрудничала с ССП в марте 1944 г., снова оказалась в лагере, откуда ее в октябре 1944 г. переслали в Германию.

7. Д-р Голенищев-Кутузов Илья, доцент университета. Убежденный антифашист. Арестован немцами. Был заключен в лагерь Баница. В настоящее время в партизанах. Заместитель секции по информации Инфодола ГНООБ. Подчинен товарищу Косте в главном штабе Воеводины.
8. Марков Сергей, старшекурсник лесного хозяйства. В партизанском отряде. Член ССП с 1944 г. До ухода в партизаны был арестован специальной полицией, преследовался за антифашистскую пропаганду.
9. Инж<енер> Марков Борис, инж<енер>-архитектор. Член ССП с 1941 г. и один из его основателей. В партизанах с 1943 г. Сремский отряд.
10. Кендзерский Сергей, выпускник технического факультета. Сотрудничал с местными антифашистскими группами. Большой патриот. Арестован специальной полицией за переноску литературы. Был заключен в тюрьму на улице Джушиной, где подвергался избиениям и пыткам.
11. Дураков Алексей. Дипломированный философ, погиб в бою. Партизан сремского отряда, пулеметчик. До отъезда в отряд его задерживали и преследовали. Поэт антифашистского движения. Оставил цикл стихов на русском языке, из которых лучшие «Политком», «Сердце», «Партизанская любовь» и другие.
12. Инж<енер> Таран Николай. Основатель ССП. Отличный товарищ и человек. Убежденный антифашист.
13. Инж<енер> Заболоцкий Борис. В партизанском отряде в 23-й ударной дивизии, 14-й батальон.
14. Петров Лев, геометр. В партизанском отряде.
15. Инж<енер> Новохатный Борис. В партизанском отряде.
16. Рябов Николай, инженер. Член ССП от момента основания. Большой патриот и антифашист. Арестован специальной полицией в августе 1944 г. в Петровце-на-Млаве. Или переслан в Германию, или расстрелян.
17. Рябов Олег, техник. В партизанском отряде.
18. Синельщиков Александр, шофер. Большой патриот и антифашист. Во время оккупации занялся физическим трудом. Сотрудничал со своим братом Константином, который в октябре этого года переслан из лагеря в Германию.
19. Синельщиков Костя, шофер. Член ССП. От самого основания сотрудничал с местными антифашистскими группами. Особенно активно работал на переброске людей в партизаны. Арестован специальной полицией в августе 1944 г. Отбывал заключение в лагере Баница и в октябре был переслан в Германию.
20. Синельщикова Анастасия, жена Кости. Работала вместе с мужем и вместе с ним арестована в августе 1944 г. Отбывала заключение в Банице,

- перед самым освобождением была выпущена из лагеря. В лагере подвергалась избиениям и пыткам. В настоящее время находится в Белграде. Является членом организации ССП.
21. Мартино Кирилл, ассистент университета. Отличный товарищ и сотрудник. Убежденный антифашист и большой патриот. Арестован гестапо за советскую пропаганду. В Белграде, член НОФ.
  22. Шепченко. В партизанах.
  23. Крат Павел. Инж<енер>-архитект<ор>. Убежденный антифашист. Арестован спец. полицией за деятельность в группе ССП. В Белграде, участник НОП.
  24. Кудревич Владимир, инж<енер> и капитан I класса юг<ославской> армии. Большой патриот и антифашист. По заданиям был внедрен в СДС, где служил. Доставлял все данные о деятельности СДС, а также регулярные донесения о деятельности сербских вооруженных отрядов. Член НОП и теперь член НОАЮ.
  25. Петрович-Гузденко Сергей, капитан I класса юг<ославской> армии. Патриот и антифашист. С особым заданием был внедрен в штаб СДС, в котором был агентом НОП. В этом качестве люди Д<ражи> М<ихайловича> совершили на него покушение перед самым освобождением. Он оправляется в Белграде после ранения. Член НОФ. Получил инвалидность еще во время войны с Германией в апреле 1941 г. (в НОАЮ).
  26. Ефимовский Андрей, студент права. Погиб в партизанском отряде в 1944 г. на г. Ястребац.
  27. Липский Александр, инж. Находится в партизанском отряде. По последним сведениям, погиб.
  28. Лебедева Зоя, инж<енер> химии. Сотрудничает с самого основания ССП. И раньше сотрудничала с группой проф. Жики Поповича в Шабце. Член НОП и НОФ в Белграде.
  29. Лукьянова Татьяна, студентка. Машинист ССП и курьер. Отличный товарищ, храбрая и выдержанная. Член НОФ.
  30. Старовская Ольга, домохозяйка. Сотрудничала с мужем Федором Высторопским. Содержала явочную квартиру, в которой скрывались подпольщики и товарищи из отрядов, прибывавшие в Белград по делам или на лечение. Спец. полицией была арестована и избита. Член НОФ.
  31. Заболоцкая Ксения, домохозяйка. Сотрудничала с мужем Борисом, который в настоящее время находится в партизанах. Была арестована спец. полицией за нелегальную деятельность.
  32. Арефьева Татьяна, домохозяйка. Работала в ССП вместе с товарищем Зиловым (в настоящее время — в сремском отряде). Содержала конспиративную квартиру, выполняла обязанности связной в Белграде. Член НОФ в Белграде.

33. Матвеев Сергей, инженер. Убежденный антифашист. Старательный и аккуратный товарищ. Нарочито выделялся в боях за освобождение Белграда. Работал переводчиком при штабе одной русской воинской части. Член НОФ.
34. Сысоев, инженер в Земуне. Убежденный антифашист. Сотрудничал в качестве члена ССП и с местными организациями. Арестован устахами за связь с партизанами.
35. Петроцкий Борис, землемер. С 1941 г. в партизанах в Боснии. Попал в плен на Дрине. Был в лагере «Милишича Циглана» в Белграде. В августе сбежал из лагеря, снова арестован и расстрелян в октябре с.г. в Банице.
36. Федосеев Дмитрий, студент. Убежденный антифашист. Служащий испанского посольства во время Народного фронта в Испании. Курьер ССП. Член НОФ в Белграде.
37. Квасников Евгений, студент техники. Хороший патриот и славянин. Отличный товарищ и старательный сотрудник. Член НОФ в Белграде.
38. Бискупский Юрий, инженер-архитектор. Убежденный антифашист. Член НОФ в Белграде.
39. Караводин Леонид, инженер. Большой патриот и антифашист. Отличный ученый, хороший работник. Член НОФ в Белграде.
40. Прокофьев Всеволод, профессор. Убежденный антифашист. Член ССП. Уволен со службы сразу после прихода немцев как ненадежный для нового порядка. Отличный специалист и работник. Член НОФ в Белграде.
41. Чернышев Николай, профессор. Убежденный антифашист. Сотрудник Махина. Сотрудник Земгора и всех прогрессивных молодежных союзов в эмиграции. Преследовался властями и в конце концов уволен со службы как левый. Содержал конспиративную квартиру для укрытия товарищей и проведения встреч.
42. Полховский Владимир, инженер. Убежденный антифашист. Большой патриот. Отличный специалист и работник. Сотрудничал с местной организацией НОФ, в настоящее время член НОФ в Белграде.
43. Гребенщиков Олег, сотрудник Народного театра. Большой патриот и большой работник. Человек высокой культуры. Член НОФ.
44. Комаров Евгений, музыкант, антифашист. Отличный товарищ и работник. Отличный музыкант, автор симфонии «Красная армия». Член НОП в Белграде.
45. Комарова Нина, домохозяйка. Еще в 1942 г. арестована за советскую пропаганду среди русских эмигрантов и связь с русскими военнопленными. Находилась в Банице почти год. Отличный сотрудник и хороший товарищ. Член НОФ в Белграде.

46. Д-р Сокаль Анатолий, убежденный антифашист. Большой патриот, хороший специалист и работник. Член НОФ в Белграде.
47. Тумина Зоя, домохозяйка. Сотрудничала со своим братом Всеволодом. За подпольную работу находилась в лагере Баница полтора дня⁶². Убежденный антифашист.
48. Николаев Алексей, профессор, большой советский патриот и отличный специалист.
49. Дуракова Люба, жена Александра Дуракова, поэта-партизана, погибшего в сремском отряде. В настоящее время в Белграде.
50. Кутузова Ольга, вместе с мужем Ильей Кутузовым в партизанах. В настоящее время в сремском отряде.
51. Ираклини Владимир, пенсионер. Был арестован гестапо за антинемецкую пропаганду, отсидел в тюрьме полгода. Убежденный антифашист и большой советский патриот.
52. Трлешов Константин, инженер, большой патриот. Отличный специалист. Инженер-конструктор. Подвергался преследованиям за антинемецкую пропаганду в Белграде.
53. Тумин Петр, пенсионер. Старый убежденный антифашист. Длительное время держал конспиративную квартиру в Белграде. Член земунской антифашистской организации.
54. Зилев Ростислав, студент технического факультета. Член ССП с момента основания. Партизан сремского отряда.
55. Опоков Сергей, студент. Партизан пролетарской бригады.
56. Лепехин Федор, владелец книжной лавки. Большой патриот. Снабжал отряд различными канцелярскими материалами.
57. Музалевский Александр, студент. В партизанском отряде на г. Космай.
58. Архангельский Алексей, студент. Убежденный антифашист и большой советский патриот. Член ССП с момента его основания. По последним сведениям, арестован полицией в Банате перед самым освобождением.
59. Волкова Наталья, студентка, член местного объединения антифашистской молодежи. В настоящее время доброволец в рядах пролетарской бригады.

Смерть — фашизму, свобода — народу.

АС. Ф. БИА, зб. III-98. Машинопись. Б/л (дело не пронумеровано).

⁶² Вероятно, ошибка в тексте. Имелось в виду месяца.

СПИСОК ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ССП БЕЛГРАДА,
ГРУППА «ДРАГАН-МИША»Состав группы «Д-р Янкович»⁶⁵ на 1 октября 1944 г.

Порядковый номер, имя и фамилия, профессия, где работает, год рождения, номер документа, адрес:

1. *Д-р Лебедев Владимир, врач, прив. 22.11.19, 136062, Драгачевска 41*⁶⁴
2. *Д-р Вулович Бата, «—», 6.8.1906, 1766, Милоша Вел. 1*
3. *Д-р Сокаль Анатолий, «—», 1.4.1917, 129041, Кн. Данилова 35*
4. *Д-р Станкович Слободан, «—», 26.7.1900, 66433, Пожешка 20*
5. *Прокофьев Всеволод, профессор, «—», 20.11.1908, 7661, Ранкеова 10*
6. *Чернышев Николай, «—», 14.4.1877, 13286, Св. Климента 20*
7. *Хлопин Михаил, инженер, «—», 14.5.1907, 202524, Кр. Милутина 47*
8. *Крат Павел, «—», 19.6.1907, 99313, Иванковачка 24*
9. *Полховский Владимир, «—», 20.1.1902, 1873, Шуматовачка, 20*
10. *Бискупский Георгий, «—», 3.4.1913, 3327, Шуматовачка 63*
11. *Караводин Леонид, «—», 14.10.1901, 2080, Св. Сава 12*
12. *Таран Георгий, «—», 17.4.1902, 164247, Хилендарска 38*
13. *Матвеев Сергей, «—», 28.6.1913, 14268, Смиляничева 20*
14. *Мартино Кирилл, ассистент Университета, 2.5.1914, 65736, Кватерникова 1*
15. *Гребеничиков Олег, служащий Народного Театра, 11.7.1905, 900, Скерличева 28*
16. *Комаров Евгений, музыкант, частн<ая практика>, 14.3.1909, 6345, Крунска 22*
17. *Кудревич Владимир, капитан I кл., 18.7.1908, 22823, Палмотичева 11*
18. *Петрович Сергей, «—», 25.5.1905, 201151, Негошева 17а*
19. *Федосеев Дмитрий, служащий, частн<ая практика>, 26.3.1905, 12868, Ресавска 6*
20. *Павел Йожич, «—», 12.5.1917, 59237, Воев. Глигора 8*
21. *Илич Антон, Хип. бан., 24.6.1900, 16738, Кватерникова 1*
22. *Вуядинович Ратко, частн<ая практика>, 22.7.1915, 120613, Шуматовачка 20*
23. *Илич Драгослав, студент, 4.2.1924, 99773, Смиляничева 41*
24. *Пантелич Драголюб, «—», 23.6.1920, 124241, Пр. Петра 19*

⁶⁵ *Д-р Јанковић* — конспиративное имя доктора Лебедева.⁶⁴ Выделены имена 17 членов ССП.

25. Хейхал Либер, «—», 24.4.1924, 521, Баба Вишнина 17
26. Окетич Радомир, студент, 24.12.1924, 48268, Кр. Милутина 48
27. Сарич Михайло, «—», 16.12.1923, 48500, Гарашанинова 27
28. Добрич Милош, «—», 11.11.1923, 198565, Юж. Булевар 66
29. Петрашковић Драго, «—», 25.11.1923, 191851, Баба Вишнина 48
30. Джурич Милан, «—», 8.9.1924, 44308, Смиляничева 41
31. Перица Радомир, «—», 20.9.1924, 162511, Смиляничева 11
32. Койич Богдан, «—», 19.3.1922, 65524, Стоян. Протича 41
33. *Квасников Евгений, техник, частная практика, 24.2.1915, 6044, Добриньска 3*
34. Дунич Будимир, «—» Электр. станция, 21.9.1919, 202158, Негошева 15
35. Арсенович Георгий, машинист, 6.5.1901, 167330, Радоя Домановича
36. Херлинг Милан, «—», 26.6.1906, 1555406, Варовничка 12
37. Софтич Миодраг, «—», 19.12.1903, 216904, Ральска 2
38. Шунка Страило, «—», 15.9.1901, 145462, Милорада Гавриловича 18
39. Милисавлевич Миле, истопник, 27.12.1898, 145394, Страх. Бана 26
40. Милисавлевич Будимир, «—», 29.6.1920, 208095, Дринчичева 12
41. Ристич Борислав, «—», 27.4.1911, 186236, Лукяна Мушиц 2
42. Богичевич Михайло, «—», 17.5.1911, 139413, Войводжанска 6
43. Поточник Иван, слесарь, 9.9.1894, 43998, Смиляничева 41
44. Магазинович Любомир, «—», 15.4.1925, 147205, Баба Вишнина 17
45. Матич Срболоб, график, 26.1.1922, 1301474, Цвийичева 36
46. Бунович Славко, школьник, 9.10.1920, 104016, Кр. Милутина 1
47. Царич Милан, машинист, Электр. станция, 4.9.1900, 157121, Приштинска 28

АС. Ф. БИА, зб. III–98. Машинопись. Б/л (дело не пронумеровано).

Никита Ильич Толстой (1923–1996) — гимназист — солдат — академик

С.М. Толстая

Москва, Институт славяноведения РАН

Professor Nikita Il'ich Tolstoy (1923–1996): Gymnasist — Soldier — Academician

---

S.M. Tolstaya

Moscow, The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Никита Ильич Толстой родился в маленьком сербском городке Вршац в Воеводине в семье русских эмигрантов 15 апреля 1923 г. Теперь во Вршаце одна из улиц носит его имя.

Его отец Илья Ильич Толстой (1897–1970) — внук Льва Толстого, белый офицер, окончивший Морской корпус в Петербурге, участник Гражданской войны — после разгрома Белой армии попал в Харбин, затем завербовался матросом на итальянское судно и так перебрался в Европу, где разыскал свою семью — мать, жену, брата и сестру, эмигрировавших из России. Когда Никита Ильич окончил начальную школу во Вршаце, семья переехала в Белград, и он поступил в русско-сербскую гимназию, где преподавание велось по программам дореволюционных классических гимназий. Аттестат зрелости Никита Ильич получил, когда немцы уже оккупировали Югославию. О продолжении образования не могло быть и речи. Сначала Никите Ильичу пришлось быть чернорабочим на разборке разрушенных белградских домов, потом чинить вместе с отцом обувь, делать на продажу из папье-маше кукол и игрушечную мебель и т.п.

Позже, когда в Белграде уже трудно было прокормиться, он уехал вместе с родителями в городок Новый Бечей в Воеводине, где жила семья его дяди. Там Никита Ильич связался с сербскими партизанами; сначала это были отдельные разрозненные группы, совершавшие нападения на немцев, а потом образовался регулярный партизанский отряд, который в октябре 1944 г. встретил Красную армию и оказал ей активную помощь. Толстые и другие русские эмигранты помогали чем могли: женщины устроили госпиталь и ухаживали за ранеными, мужчины служили переводчиками и проводниками, помогали наладить связи с местным населением.

Там Никита Ильич вступил добровольцем в Красную армию, участвовал в форсировании Тисы, в тяжелых боях под Будапештом и Веной. Победа застала его в Австрии, севернее Вены. Когда началась демобилизация, его, как не имеющего советского гражданства, не демобилизовали, как других бойцов, а просто отпустили.

В 1945 г. семьи братьев Толстых — Ильи Ильича и Владимира Ильича — получили разрешение вернуться на родину.

В 1945 г. Никита Ильич поступил на филологический факультет Московского университета, который окончил в 1950 г. по специальности «Болгарский язык и болгарская литература». После окончания аспирантуры МГУ в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1972 г. — докторскую. С 1954 г. и всю жизнь Никита Ильич работал в Институте славяноведения РАН. Начиная с 1968 г. преподавал также на филологическом факультете МГУ.

Научная деятельность Н.И. Толстого была чрезвычайно разнообразной и насыщенной. Он занимался многими областями и проблемами славистики — диалектологией, сравнительной грамматикой, древней славянской письменностью, фольклором, мифологией, историей славистики. Во всех этих занятиях он оставался прежде всего исследователем славянской духовной культуры, этнической и этнокультурной истории славян. Он ездил в экспедиции, читал лекции, руководил аспирантами и дипломниками, редактировал журналы («Вопросы языкознания» и «Живая старина») и другие научные издания, заседал в Президиуме Академии наук и в бесчисленных научных и ученых советах. Остались десятки, если не сотни, его учеников — в разных городах и странах, доктора и кандидаты наук, профессора и преподаватели, и просто друзья, коллеги и ученики, сохраняющие о нем благодарную память и продолжающие его дело.

Никита Ильич был членом многих академий и научных обществ: действительным членом и членом Президиума Российской академии наук, иностранным членом Австрийской, Сербской, Македонской, Словенской, Югославянской, Белорусской, Европейской, Польской академий наук (и искусств), почетным доктором Люблинского университета, профессором Московского университета. В 2013 г. в России, Сербии, Австрии прошли славистические конференции памяти Н.И. Толстого, организованные его учениками и последователями.

Н.И. Толстой похоронен в семейном толстовском некрополе, рядом со своими родителями, недалеко от Ясной Поляны.

Сохранилось несколько военных воспоминаний Никиты Ильича, записанных или рассказанных по разным поводам. Они и другие публи-

куемые ниже документы были представлены сначала в Ясной Поляне на выставке «Из Сербии в Россию», посвященной 90-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого, а затем на выставке, проходившей с 25 июля по 1 октября 2013 г. в «Толстовском центре на Пятницкой-12» в Москве.

Фрагменты «Воспоминаний»¹

Наша гимназия была классической, но за усечением греческого, о чем я очень сожалею, но она имела еще все-таки некоторую модификацию, она имела высшую математику (анализ бесконечно малых, аналитическую геометрию), потому что в основном хлеб насущный русские эмигранты имели, когда они шли не на гуманитарные факультеты. А я не успел <поступить в университет>, война началась с неожиданной и жесточайшей бомбардировки 6 апреля, через 12 дней она кончилась, в мае я закончил гимназию, уже когда немцы оккупировали Белград. Но все было тихо, партизанское движение началось после нападения на Россию. Я помню экзамен на аттестат зрелости, и в особенности мне запомнились темы наших сочинений. Мы должны были писать по математике очень сложные, ну, решения задач, а по-сербски мы должны были написать сочинение, которое было озаглавлено «Рат и мир. Размишљења», т.е. «Война и мир. Размышления». А по-русски была такая тема: «Эпоха смут была всегда великим уроком для русской земли. В подобные эпохи народ готовит себя для дальнейшей плодотворной государственной деятельности» (Владимир Соловьев). В те годы мне было 17 лет, ну, я скорее внутренне был готов, я боюсь, что будет это как-то очень пышно звучать. Дело в том, что, как я сейчас понимаю, здесь, в России, не так чувствовалось приближение войны, как это чувствовалось в Европе. И здесь не так понимался Гитлер, вообще опасность нацизма, расизма, «Дранг нах остен», как это было в Европе. Даже потом вдруг неожиданный германо-советский пакт и все прочее. А там война надвигалась и уже с начала 30-х годов были дискуссии — с кем будет русская эмиграция в случае войны с Японией, в случае войны с Германией. И вот еще в 33-м, если я не ошибаюсь, году выступал Петр Бернгардович Струве на таком очень многолюдном

¹ Расшифровка радиопередачи Е. Дуловой на Радио России от 19 февраля и 5 марта 1995 г. // Архив семьи Толстых.

собрании и призывал — с таких пораженческих позиций. И вот как раз основным оппонентом Петра Бернгардовича был мой отец, с оборонческих позиций. Это действительно имело глубокие корни; с другой стороны, я принадлежал уже к поколению сыновей, а не отцов, мы были очень настроены так не революционно, но все-таки решительно. Думаю, что это почти последнее поколение было вообще в русской интеллигенции, где очень четко ощущалось «отцы и дети». Я тут не вижу этого, это как бы литературное понятие, а в эмиграции это очень четко. Винили наших отцов, даже доблестных офицеров или ученых, что мы родились русскими, мы чувствуем себя русскими, но мы лишены России, что это вина наших отцов, мы их винили. Мы жадно всматривались во все, что здесь происходило, все, что долетало до эмиграции. Мы понимали, что Россия не умерла, а большинство эмиграции заявляло, что Россия кончилась в 17-м году или в 18-м, что уже нет России, есть Совдепия. Вот эта терминология сейчас тоже в моде, мы не принимали этой староземлянской, как мы говорили, терминологии. Вот такое поколение отцов и детей там очень ощущалось. Мы сами входили в жизнь.

Вообще, такие «красные» настроения были очень сильны не только в Европе, но на Балканах в особенности. Кроме того, и тогда уже было ясно, что те красные, которые были сербы, они были не столько красные, как наши большевики, сколько люди, которые ориентировались все-таки на Россию. Интеллигенция там была очень такая красноватая. Вообще, я только когда попал в Красную армию, это все стало нормальным и спокойным, а то наш партизанский отряд то собирался, то рассыпался, космайский, то мы где-то там прятались, и вырастала кукуруза выше моего роста. В разных местах, я, по счастью или по несчастью, не знаю, не воевал в Боснии, в тех местах, где действительно были такие регулярные батальоны. А если бы я туда попал, я бы с Вами здесь не беседовал, потому что там были страшные потери. А это все было полуподполье. В общем, в Сербии и там, где я был, это очень походило на французское Сопротивление, появились какие-то регулярные части. Когда пришла Красная армия, у нас тоже был такой совершенно нормальный, хороший отряд со всеми порядками.

Вы с благословения семьи ушли туда? Или это был порыв вашего юношеского характера?

Никакого благословения не было. Мой отец сам был против немцев, мой отец сам понимал, что нигде нельзя работать, мой отец сам просто стал сапожником, да и я сначала чинил старую обувь, на разрушенных домах работал, кирпичи таскал, чтоб стена уж совсем не обвалилась.

А это фотография оккупационного периода?

Ну да, это уличная фотография. Нет, мы не были героями.

Вы же сознательно туда пошли, Никита Ильич. Вас же никто не мобилизовал тогда?

Ну, это другое дело. Вы знаете, не хочется об этом говорить, но известно, что, если уж вы хотите понять психологию того времени... Ну вот, те же немцы, тот же вермахт. Вот сентябрь, это только начало, сорок первого года. Под городом Крагуевацем была стычка. Дело в том, что часть королевской армии не признала поражения, т. е. не признала подписания капитуляции, и она где-то в лесах воевала. Вот была стычка с остатками регулярной армии под Крагуевацем, и погибло там семь или восемь немецких солдат, в настоящей военной стычке. После этого опять-таки не гестапо, не СД, не СС, рота немецких солдат вошла в Крагуевац, вошла в здание гимназии мужской, в которой шли занятия, вывела все старшие классы на расстрел, сказав профессорам, что они могут не идти. Двое, ну, как Корчак, пошли, один сказал: «Я сейчас продолжаю свой урок». Они были выведены на кладбище и там расстреляны. Их вели по улицам, это было показано, это было устрашение. Ну вот, после таких действий, конечно, какие тут проблемы. Кто не с нами, тот против нас — это очень вредный лозунг, такой большевистский, как мы говорили. Но во время войны это так, получается иногда.

Эмиграция вся, предчувствуя войну или даже уже хлебнув войны, там, на Западе, она вся разделилась очень четко на оборонцев и пораженцев. Оборонцы считали, что, какая бы ни была власть в России, нужно защищать страну, — проблема, так сказать, целостности страны и преданности своей стране: страна вечна, а власть преходяща, поэтому в случае исключительном — нападения на страну, в случае войны — раздумывать не надо и нельзя, преступно, греховно, с какой стороны быть. Ну, а другие, пораженцы, считали, что власть так сильна, власть настолько бесовская, что только поражение страны, полный развал приведет к победе нужной власти, нужной идеи. И еще раз русские эмигранты или их дети оказались и на одной, и на другой стороне. Вот так я оказался в Красной армии, сначала в партизанах, а потом в Красной армии. Хотя здесь не было предательства белой идеи, потому что белая идея возникла после Брестского мира, — до этого, как вы знаете по «Краткому курсу» истории партии, который нам всем памятен, было «победное шествие советской власти», и вот только не приняв Брестский мир, не приняв первого раздела России, который был в Бресте (Троцкий подписал все это), только так и возникла Белая армия. Белая армия не столько воевала с большевиками, вообще идея Белой армии, единственный лозунг Белой армии был «Россия великая, единая и неделимая».

Н.И. Толстой: «Вспоминается многое...»²

А сам я попал под огонь впервые 6 апреля 1941 года, когда рано утром немецкие штурмовики-пикировщики с воем сирен и градом бомб бомбили сначала мирно спавший Белград. В конце сентября 1944 года (точной даты сейчас не припомню) наш небольшой сербский партизанский отряд действовал в Банате (севернее Белграда, за Дунаем) после прорыва советских войск в Румынию. Мы были у городка Новый Бечей, на левобережье реки Тиса; а за рекой были враги — мадьяры и немцы. Но вот пришла русская стрелковая дивизия — сначала группа разведки, потом один батальон 102-го пехотного полка под командованием майора Красных. Батальон пришел к вечеру, и тотчас русские распорядились переправить партизан в темноте через реку и занять маленький плацдарм на вражеском берегу. А утром, солнечным утром, не очень рано, но и не поздно, по всему развороту полноводной реки, как на огромной сцене, началась переправа под сильным ружейным, пулеметным и минометным огнем, переправа на чем попало — на лодках, наскоро сколоченных плотках. Переправлялись «Иваны» и партизаны. Я же был в ивняке на берегу с майором Красных как связной, как переводчик, как боец. Это был мой первый бой в действующей армии, в хорошо действующей армии. До этого я такого не видывал. Помню командира роты или другого батальона — кавказца, кажется осетина, с перевязанной окровавленным бинтом головой. Он стоял во весь рост и, размахивая руками, с кавказским акцентом и русским красным словцом переправлял пулеметчиков на правый берег Тисы. А рядом со мной лежащий связной уже налаживал связь с той стороной, с правым берегом: «“Награда”! “Награда”! Я “Комета”, я “Комета”. Слышу плохо. Плохо слышу. Дай настройку! Дай настройку! Я “Комета”, прием». К вечеру дивизия продвинулась вперед. На следующий день у мадьяр и фрицев появились «фердинанды», майор Красных погиб, перебегая шоссе. Подтянули артполк дивизии. Дивизия медленно, с боями перешла бывшую югославско-венгерскую границу. Там, в Венгрии, я уже был не нужен как переводчик и связной, но мне, русскому, не хотелось расставаться с русскими, и я попросился в дивизию добровольцем. Для чего я должен был написать заявление, что меня очень удивило, потому что я до тех пор не знал, что это такое. Через две недели пришел ответ из штаба фронта. Ответ положительный. Впереди были бои под озером Балатон, за Будапешт и за Вену.

² Архив семьи Толстых. Воспоминания написаны Н.И. Толстым в 1995 г., к 50-летию Победы.

В Красную армию я вступил добровольно в октябре 1944 г. До этого я был в сербских партизанах, и та территория Баната, где мне довелось встретиться с русскими, смело идущими на врага, была освобождена нами, вернее — оставлена основными силами вермахта до прихода частей 3-го Украинского фронта. Бои за форсирование Тисы шли совместные — плацдарм захватывали и партизаны, и стрелки 34-й гвардейской Енакиевской дивизии, в которой я потом и служил рядовым. Но пока дивизия шла по Югославии, я был переводчиком и чем-то вроде парня на побегушках: был там, где нужно было наводить переправы, доставать лошадей, доставлять провиант и т.п. (это охотно, безвозмездно и бесстрашно делало местное население). Лишь в Венгрии я написал заявление командованию фронта (ибо советского и вообще какого бы то ни было подданства я не имел) и затем по решению командования стал рядовым бойцом. Началась солдатская жизнь, которая теперь мне кажется счастливой и радостной, а тогда была трудной. Была осень, зима и холодная весна. Обмундирование почти у всех у нас было трофейное: румынские рыжие брюки, венгерские менее рыжие кителя и рубахи, немецкие с раструбом и низким подъемом сапоги — только пилотки да шинели всегда были русские. Были бои на Дунае и форсирование Дуная под Дунафельдваром, было взятие Секешфехервара (потом его брали вторично) и оборона в шахтерском городе Татабана-Фельшогала. Здесь нас застала будапештская битва, и мы были одно время в окружении, но вышли из него, разбившись на отдельные группы и просачиваясь к Дунаю, под Будапешт (села Бичке, Шошкют и др.). Тогда выручили шедшие прямо с переправы в бой танкисты 1-го гвардейского моторного корпуса, если я только правильно помню. Дальше пошло быстрое движение вперед по западной Венгрии через Мор — Зирес — Веспрем — Шопрон и марш на Вену через Винер-Нойштадт и Бургенланд (где, увы, я не успел пообщаться с местными бургенландскими = «градишчанскими» хорватами). Уличные бои в Вене мне хорошо запомнились. К тому же часть гражданских кварталов Вены были бессмысленно разбиты незадолго до нашего прихода американской бомбардировочной авиацией, и завалы превратились в баррикады. Запах гари, пожарища и вереницы беженцев, а иногда и пленных французов, венгров и реже немцев сопутствовали нам. За Веной были Венский Лес, Мельк, Санкт-Пельтен и какая-то последняя чистенькая и ухоженная австрийская деревушка, возле которой были наши позиции. Эти позиции оказались последними, как последним был и немецкий артналет вечером 8 мая. Затем была дорога на запад на трофейных машинах — по обочинам дороги пышно цвели яблони, — а вечер 9 мая, который мы провели на большой лестнице перед порталом старинного собора, собравшись перед кинопередвижкой (невиданное дото-

ле удовольствие!), удивлял и пугал своей необычайной тишиной, теплой и мягкой свежестью. Вскоре после конца войны американцы в Австрии отошли до Линца на демаркационную линию, и мы увидели еще Матхаузен и смогли еще раз подумать обо всем, что произошло и за что мы взялись за оружие.

Летом 1945 г., когда мы оказались уже на казарменном положении, непривычном для нас своей строевой подготовкой, зубрежкой уставов, зарядками, отбоями и подъемами, мы стали думать о доме, о семье, о будущей жизни. С первыми демобилизованными я выехал «для устройства личных дел» на Вену, Будапешт, а затем, оторвавшись ото всех, на Белград, где встретился в военной миссии со старшим лейтенантом Владимиром Владимировичем Зелениным. Он принял меня ласково. Из Белграда я вылетел «дугласом» в Москву, где вскоре на Петровке я получил советский паспорт. Это было событие не менее волнительное и знаменательное, чем вступление в Красную армию. Эти два момента моей жизни и сейчас мне очень дороги и памяты. И я крайне редко о них говорю и сейчас неохотно об этом пишу, потому что они для меня интимны, глубоко внутренни и до сих пор не стали «историческими», т.е. такими, о которых можно спокойно рассуждать и которые можно анализировать.

Вспоминается многое. Что-то уходит из памяти, что-то, что раньше не всплывало, всплывает: как хоронил товарищей (смерть не пугала, пугало, что поставят деревянную крашенную красной краской пирамиду со звездой, лучше уж кол с шапкой-ушанкой на нем — я и это видел), как пили спирт, водку, вино, еще не созревший венгерский токай (лейтенант Власов сажал красноармейцев кружком, брал ведро с трофейным зельем, зачерпывал кружкой и давал первый раз всем подряд, а второй и третий по выбору; надо было пить залпом, другие ждали кружку), как приходили письма из Москвы (я сумел списаться с фронта с московской тетей Анночкой, которую знал лишь заочно, а своим родителям в Сербию писать уже не мог). Вспоминаю, как лежали ничком на косогоре, на свежевспаханной коричневой земле зеленые убитые фрицы, как горели города и селения, и как всюду пахло гарью, и как был сплошной, глубокий, вечный *недосып*, хотелось спать, и спалось везде и всегда (как будто провалившись в яму). Это точно подметил, описывая Гражданскую войну, русский эмигрантский писатель Гайто Газданов.

Вечером 8 мая 1945 года к нам в австрийский сельский дом, что был почти на линии фронта, прибежал Федька Москвич (он был совсем молод — из последнего призыва в армию) и сказал, что война кончилась. Мы и поверили, и... не поверили. Наше сомнение подтвердилось сильным и неожиданным немецким артаналетом на наши позиции (мы

были немного в стороне). Налет был кратким, и мы на него не отвечали, а утром рано выяснилось, что немцы ушли сдаваться американцам, бросив свои окопы. Нас тут же посадили на ЗИСы, трофейные грузовики, на все, что двигалось или могло двигаться, мы ехали по асфальтированной дороге, обсаженной фруктовыми деревьями. Деревья были в цвету, белом и розовом. К вечеру мы оказались под Мельком, в старинном францисканском монастыре, превращенном национал-социалистами в их партийную школу. Поздним вечером мы сидели на каменной высокой лестнице монастырского храма и смотрели какой-то милый, безобидно-сентиментальный советский фильм. Лента была изношенной, на экране сильно «дождило». Стояла полная, густая, непривычная и неприятная тишина, мы от нее отвыкли. Все было непривычно, и настоящей радости и чувства облегчения и победы еще не было. Кажется, мы и не пили в тот день и вечер. Все это пришло потом, вскоре. Но хотелось жить, учиться, строить, поднимать из руин свою страну. И мое поколение это сделало. Мне еще нужно было оказаться в России, слиться с ней, ибо моя любовь к ней была заочной. Через несколько месяцев это сбылось.

Н.И. Толстой: письма с фронта

С фронта Никита Ильич написал письмо в Москву своей тетке Анне Ильиничне Толстой-Поповой (1888–1954), тете Анночке, старшей сестре его отца и первой внучке Л.Н. Толстого. На солдатском треугольнике стоял простой адрес: Москва. Хамовники. Анне Ильиничне Толстой. И письмо дошло. Находясь на фронте, Никита Ильич не мог писать своим родителям, остававшимся в Югославии. Им писала тетя Анночка, и так он связывался с родителями — через Москву. Большинство из этих писем, написанных в период с февраля по август 1945 г., сохранилось. Их обнаружила в 2013 г. дочь Никиты Ильича Фекла в рукописном отделе Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве, в фонде А.И. Толстой-Поповой (28 писем). Они могут служить яркими иллюстрациями к тем историческим дням и одновременно свидетельствами о незаурядной личности простого солдата и будущего академика

В 2013 г. часть писем была издана крохотным тиражом для участников международной конференции — 17-х Толстовских чтений «Ethnolinguistica Slavica» и гостей выставки «Из Сербии в Россию», посвященной 90-летию со дня рождения Никиты Ильича.

Ниже приводится несколько писем (с небольшими сокращениями и с сохранением авторских написаний; авторские выделения в текстах писем переданы курсивом). Они воспроизводятся по оригиналам, хранящимся в музее Л.Н. Толстого в Москве.

С.М. Толстая

Венгрия, фронт, 9 марта 1945 г.

Добрый день, дорогая тетя Аня, вот уже третье письмо пишу тебе, а от тебя получил только одну открытку, посланную 7-II-45 г. Дорогая тетя Аня, если бы ты знала, какая радость здесь, на фронте, получить письмо с Родины, и какое событие для бойца это письмо. Обыкновенно парень, получив письмо, ходит целый день с ним в руках и читает всем своим товарищам. И все ребята получают письма, и бывало, чуть завидят почтальона, бегут к нему навстречу, и я бегу тоже навстречу, и так обидно и горько, когда ребята кругом с письмами стоят, жадно глотают дорогие строки, а тебе ничего нет. Одиноко тогда на душе: сразу и дом свой вспомнишь, и забор облезлый, и собака своя припомнится — длинноухая, с куцым хвостом. Итак, дорогая тетя Аня, пиши, пожалуйста, мне почаще, если только у тебя свободное время есть, ну, а если свободного времени мало, то все же выкрой как-нибудь пять минут на короткое письмецо. Если у тебя бумаги не хватает — напиши мне, постараюсь прислать.

Ты ведь живешь в столице, там сейчас войны нет; жизнь, наверное, бьет ключом. Здесь, на фронте, когда читаешь на последней странице «Правды» только название кинофильмов, пьес, драм, и то как-то сердце радуется. Думаешь тогда, что в мире существует не одна только земля, изрытая снарядами, не одни только мокрые окопы да сгорелые хаты, где-то там в МХТ ставят «Анну Каренину», а быть может, и тебе выпадет счастье побывать в «художественном». Все это напоминает о лучшей жизни на Родине, а здесь, в чужой стране, скучно. Впрочем, быть может, я напрасно сгущаю краски, во всей нашей фронтовой жизни есть свои неотъемлемые положительные черты и свои радости. Я уверен, что я нигде бы так тепло и радостно не встретил 27-ю годовщину РККА, как я встретил ее здесь, на фронте. Все, и речь нашего начальника, здравицы, хоровые песни ребят, отдельные выступления бойцов, и охрипый телефон, и даже мои дилетантские стихи оказались к месту. И я еще раз почувствовал себя в большой, дружной красноармейской семье. Твою открытку я читал товарищам, они все вместе со мной радовались тому,

что я разыскал тебя, они шлют тебе привет и просят тебя написать что-нибудь о сегодняшней Москве. Почти все они в армии еще с 1941 года.

Так хочется получать письма с Родины и так трудно писать на Родину. Причина к этому та, что жизнь наша красноармейская очень однообразна и если и бывают более крупные события, то почти всегда они военного характера — сама понимаешь, об этом писать нельзя. Приходится писать о погоде, о здешней весне, которая, кстати сказать, не очень приятна — холодный ветер, а иногда и снег до сих пор не покидает нас.

Хочу написать еще о том большом патриотическом и героическом подъеме, который сейчас у нас в Армии. Солдаты неохотно отходят на отдых, стремясь остаться на передовой, пройти вперед. Все с нетерпением ждут нового решительного наступления: каждому хочется сейчас приблизить час окончания войны.

По вечерам ребята собираются все вместе, и я читаю им вслух газеты: фронтовые, дивизионные, армейские. Иногда добываю центральные — «Правду», «Известия», журналы. Конечно, приходится как следует побегать, прежде чем достать газету или какую-нибудь книгу или брошюру. Но я со своей стороны не жалею труда, пота и своих длинных ног. Так я познакомился почти со всеми подразделениями дивизии: и в клубе меня знают, и в дивизионной редакции, и на доте, и в санбате, и в автороте, и даже в хоззвезде. Так и говорят всегда мне: «Ох, здравствуйте, Лев Николаевич», — это подсмеиваются, конечно, что, мол, прадед умница был, а ты балбес.

И еще зовут меня ребята Миклушей, это произошло так: у мадьяр имени Никита нет; существует от близкого по созвучию Николая мадьярское Миклош, ну, а ребята, конечно, по-своему, по-русски переделали, и получился «Миклуха» или «Миклуша». Еще в шутку «политруком» зовут, это потому, что я внимательно слежу за всеми статьями в «Правде» и иногда объясняю их содержание.

Вот и все как будто, что могу написать о себе. Мало, конечно, но большего, пожалуй, сейчас не напишешь, да ведь надо же немного оставить и на другое письмо.

Писем от отца не получаю уже больше 3 месяцев. Недавно один из наших военных поехал в наш район, я отправил с ним письмо и приложил твою открыточку. Быть может, письма пропадают, ты сама понимаешь, насколько трудна почтовая работа в фронтовых условиях. Если ты получаешь от отца письма, напиши об этом мне.

Жду письма, крепко целую тебя и всю вашу семью, желаю всего, всего наилучшего. Пусть иногда, хоть раз в неделю, вспомнят обо мне — незнакомце: так приятно подумать, что кто-то о тебе вспоминает. Эта

мысль так же радостна, как радостна первая звезда на закатном горизонте. Впрочем, прости за неудачную поэзию, она, кажется, здесь излишня.

Еще раз целую крепко.

Твой племянник *Никита*

Полевая почта 49582

Фотокарточку постараюсь прислать: хотя здесь, на фронте, сфотографироваться очень трудно. Если пришло, не пугайся! Мой рост — почти два метра.

Фронт. 12 марта 1945 г.

Добрый день, дорогая тетя Аня,

третьего дня, как только написал тебе письмо, решил пойти поискать фотографа. К моему счастью, нашелся один захудалый любитель. Он и запечатлел мою длинную фигуру на две пленки. На первой фотокарточке я снялся вместе со своим другом Митькой — он бессарабец и очень славный парень; а на другой я вышел довольно плохо — слишком сильно прищурил глаза против солнца: получилось злое лицо, хотя я вообще-то по характеру не злой³.

Теперь, дорогая тетя Аня, жду от тебя письма с фотокарточкой всей вашей семьи: чтобы «был долг платежом красен». Итак, жду письма. Напиши, какая погода в Москве? У нас теперь опять вернулась зима: подул сильный северный ветер и закружилась метель. Снега хоть и немного выпало, но холод порядочный. Эти последние холода самые скверные — кажется, что в декабре и январе теплее было. Хотя все-таки радует чувство, что это последние дни зимы. Жду весны — теплой и приветливой. Говорят, что в этой стране весна приходит сразу и неожиданно. Может быть, так же неожиданно услышим о том, что война кончилась. Все ждут ее конца, все работают на то, чтобы этот конец ускорить, и все-таки мне кажется, что день окончания войны покажется нам неожиданным. Хотелось бы быть с тобой вместе, дорогая тетя Аня, посидеть в твоей уютной квартире (она, безусловно, должна быть уютной), посидеть у настольной лампы (и лампа у тебя такая, наверное, тоже есть), а на колени посадить Думу — черного. Вот бы тогда я рассказал тебе все: и как я на фронте жил, и как в гражданке, и сколько было друзей у меня, и какие друзья были. А сейчас всего не напишешь.

³ Зачеркнуто: «Иные ребята говорят, что я слишком большой добряк — потому-то мне и не всегда везет в жизни».

Опять тороплюсь заканчивать письмо, целую крепко, крепко, жду ответа.

Твой племянник *Никита*
Мой адрес: Полевая почта 49582, Толстой Никита Ильич

Венгрия, 24 марта 1945 г.

Добрый день, дорогая тетя Аня, ждал я, ждал от тебя письма и так и не дождался; ну что ж, надо запастись терпением. Хотя и так здесь многое, что терпеть приходится, а без письма и совсем тоска заедает. И никак порой не поймешь, когда она к тебе приходит, эта тоска — неожиданно и беспричинно станет как-то грустно и не по себе. И в такое время письмецо — лучшее лекарство: прочтешь раз, потом еще раз; потом положишь письмо в карман, уйдешь куда-нибудь в сторону и наедине в третий раз прочтешь. А потом в сумку положишь и еще несколько раз читаешь через неделю-две. Так приятно посмотреть на круглую печать: «Москва», есть в ней что-то таинственное и влекущее к себе. С тоски, конечно, пишу что-то вроде стихов: получается плохо и неуклюже, сам на себя сержусь за свои стихи, но все же как-то убиваю свободное время. А свободное время порой мало радует: прямо не знаешь, что делать — скучно становится, хочется русской книги, а ее нигде не достанешь. Весь запас литературы и политматериала, который есть у нас в дивизионной редакции, я уже перечитал.

Вот сижу и выдумываю всякую чепуху, напр<имер>:

Жду письма, на фронтовом блокноте
Будет праздником отмечен день, когда
Получив письмо, на обороте
Я увижу круглый штамп: «Москва».

И право, я как-то думал, почему ты мне никогда письма не пришлешь? А всегда открытки. А ведь как хорошо получить треугольник и, развернув его, прочитать целую «простыню». Впрочем, прости меня, добрая тетя Аня, за то, что я так упорно выпрашиваю у тебя письма. Я хорошо понимаю, что ты очень занята, знаю также, что у всех вас в тылу работы по горло. Это хорошо знаю не только я один, но и все бойцы учитывают это. Поэтому постараюсь больше не «выскуливать» письма. Пошлай хоть открытки, да почаще. Вот хорошо бы было раз в неделю по открыточке. Возьми на себя лишнюю нагрузку для фронта: раз в неделю племяннику письмо в действующую армию.

А племянник твой, получая еженедельную зарядку, — будет молодецом, настоящим гвардейцем: крепче будет держать автомат в руке.

Весна, как я писал тебе, пришла к нам сразу и как бы неожиданно. Вместо серого неба, как грязная солдатская шинель, теперь над нами светлая «голубень» (прости за есенинщину), ясное весеннее небо. И мой лучший друг Сережка Артюхин всегда говорит мне, что такой голубой цвет он видел только в глазах своей любимой девушки. А у меня, конечно, девушки нет — написать лирического письма некому, вот и пишу я и сыплю тебе эту неуклюжую лирику — может быть, она тебе вовсе и не нужна.

Однако весна — вещь хорошая во всех отношениях: если не с точки зрения влюбленного юноши, то просто по солдатскому рассудку. Весна несет тепло, а тепло так важно для солдата: можно сбросить лишний трофейный мундир, можно не беспокоиться о том, что у тебя худые сапоги, все равно снега и сильных дождей больше не будет. Теперь мы пошли вперед: снова по дорогам войны валяются разбитые фрицовские танки, убитые лошади, тачанки, автомашины, брошенные орудия, пулеметы. И на военной талой земле валяются всюду немцы в зеленых шинелях. И душа радостна и спокойна от этого «весеннего сева», все равно на будущий год на этих полях не вырастут новые «фрицы».

Вспоминаются слова поэта:

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага⁴.

Не знаю почему, но здесь, на фронте, особенно сильно чувствуется природа и жизнь. Никто никогда не думает о смерти, чувство жизни и желание жизни побеждает все. Даже смерть покоряется этому чувству — этим и силен человек.

Сколько раз я читал письма от родных моих погибших товарищей: все они пишут о встрече, о радости этого дня, о том, что ждут, ждут здорового и невредимого. А этого человека уже нет, знаешь, что лежит в земле, похоронил сам — своими руками. И насколько проста и величественна солдатская смерть. Опять вспоминаешь Блока:

Поверь, конец всегда однозвучен,
Никому не понятен и торжественно прост⁵.

⁴ Из стихотворения Н.С. Гумилева «Наступление» (1914).

⁵ Из стихотворения, посвященного Г. Чулкову, «Не строй жилищ у речных излучин...» (1905).

Такая смерть и мне не страшна, впрочем, я никогда не боялся смерти. Хотя я также думаю о жизни, о жизни счастливой — творческой. Если останусь живой, то за это время моего пребывания на фронте накопится немало жизненной энергии для будущего.

Хотя все это будущее в области мечтаний. Фронтовик говорит: «Прожил день — и хорошо».

Итак, дорогая тетя Аня, тороплюсь закончить письмо, чтобы оно пошло с первой почтой и не лежало зря.

Целую тебя крепко, а также шлю сердечный привет всей твоей семье.

Искренне твой *Никита*

Из Нового Бечея письмо есть — там живут неважно⁶. Туда я писем не пишу — они не доходят. Ты же, со своей стороны, в письме к ним напиши, что я здоров. И все. *Н.Т.*

Конец марта 1945 г. <Венгрия>

Добрый день, дорогая тетя Анна, сиюю сейчас в роскошной квартире одного сбежавшего фашиста. Кругом меня наповалку спят ребята на кожаных креслах и персидских коврах. На стене самодовольно улыбается портрет жирного усатого хозяина. Не знаю, улыбнулся ли он так, если бы сейчас увидел свою квартиру с новыми хозяевами. А «новые хозяева», усталые от длинного и утомительного пути, спят русским богатырским сном. На комодке стоит чемодан, набитый барахлом: видно, был слишком тяжел, и его нельзя было унести. На кухне в тонкостенных аккуратных чашечках недопитое кофе и недоеденные куски хлеба.

Наши танкисты поработали хорошо: город был занят стремительным натиском наших частей — даже электростанция работает. Сиюю сейчас и наслаждаюсь электрическим светом — это особенно приятно после стольких месяцев керосиновой полутьмы. Рядом со мной стоит радиоприемник — только что нам салютовала Москва.

Далеко где-то там у тебя гремят двадцать артиллерийских залпов и возвещают всем москвичам весть о новой и славной победе. И приятно мне сейчас думать, что ты там, а я здесь слушаем один и тот же басовый голос московских орудий. Здесь орудия не перестают греметь: на запад-

⁶ В Новом Бечее в это время жили родители Н.И. Толстого.

ном крае идут бои день и ночь. На границах Германии слышится гул советских орудий.

И приятно вспомнить все события за последнюю неделю наступления. Как на киноплёнке, пролетают мимо тебя одна за другой картины виденного.

Вот ведут длинную колонну пленных фрицев и мадьяр. Ободранные, небритые, с опущенными головами, они бредут с края дороги на восток — в плен. А навстречу им мчатся наши танки «тридцатьчетверки» — танкисты веселые, загорелые, сидят на броне, поют песни, и один из них, молодой, русский, с танкистским шлемом на затылке, кричит навстречу «фрицам»: «Ну, счастливый путь в Москву». А Москва, загадочная «Московия» для местных жителей — далекая, грозная, карающая.

Я уже немного научился венгерскому языку — интересно иногда разговаривать с крестьянами, рабочими, местной интеллигенцией; интересно знакомиться с их обычаями и жизнью — совсем иной и не похожей на нашу. Поражает больше всего закоренелость, консервативность и реакционность здешней жизни, культуры и обычаев. Заходишь к ним в хату (к мадьярам), и кажется, что сейчас к тебе выйдет пестрый гусар времен Франца-Иосифа или Марии-Терезии. И если он и не выйдет — то его портрет обязательно будет висеть на стене, над широкой дубовой двуспальной кроватью старинного образца. А он сам — гусар Франца-Иосифа, 80-летний старик — будет сидеть на маленькой скамеечке у двери и курить свою метровую трубку с железным клапаном. Сегодня я с интересом наблюдаю за тем, как уничтожается последний очаг старой феодальной Австро-Венгрии, и как-то даже странно, что это происходит в 1945 г.

Действительно, нужно было прийти Красной Армии в Европу хотя бы для того, чтобы открыть все двери для свежего нового воздуха и проветрить все форточки европейских чуланов.

Здесь, где мы идем стремительно, большинство домов и зданий цело, но там, где враг старался удержаться на своих рубежах, встречаешь груды кирпичей и бревен на месте бывших городов. Запах гари и горелых трупов, конская падаль, тот особый и специфический запах войны, который так трудно описать и рассказать, не покидает разрушенные деревни и города. Здесь странно увидеть гражданского человека и странно подумать, что есть что-то живое на земле.

С нами идут наши «илы», «катюши» и «Иваны Грозные» — они несут смерть тем, кто еще пытается нам противостоять.

В эти минуты я часто вспоминаю слова поэта:

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.
    Но не надо яства земного
    В тот святой и торжественный час,
    Потому что «вперед» — это слово
    Лучше хлеба питает нас.
И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.
    Я кричу, и мой голос дикий.
    Это медь ударяет в медь.
    Я, носитель мысли великой,
    Не могу, не могу умереть.
Словно молоты громовые
Или волны буйных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.
    И так сладко рядить Победу
    Словно девушку, в жемчуга,
    Проходя по дымному следу
    Отступающего врага⁷.

А на полях — тихая, радостная весна. Трава зеленеет, распускаются первые почки на деревьях. Скоро в фруктовых садах зацветут яблони — их здесь очень много. Теплый ветер нежно ласкает и треплет потертую и выдавшую виды шинель, наброшенную внакидку. А солнце, обманчивое солнце, так и влечет тебя к тому, чтобы лечь на траву погреться.

Впрочем, вспомнил про свою шинель. Она мне досталась по наследству от солдата, который ушел из нашего подразделения. Хоть она и была уже прилично изодрана, все же я считал за счастье получить шинель по росту, ибо ни на каком складе шинели моего роста не оказалось. А сейчас я потерял ее вместе со всем другим моим барахлом: или оставил где-то, или с машины по дороге слетела. Что ж, это так всегда бывает, когда то-ропишься вперед. Часто на сбор до выезда дают 3 минуты, вот и уложись.

⁷ Н.С. Гумилев. «Наступление». Второе четверостишие приведено неточно, ср.: «Но не надо яства земного / В этот страшный и светлый час, / Оттого что Господне слово / Лучше хлеба питает нас».

Хорошо, что дело идет к лету, — в гимнастерке с фуфайкой проживу не плохо. А с другой стороны, облегчение: лишних вещей нет. Остался только автомат да сумка полевая. А в сумке только лишь стерильный пакет, тетрадь моя «лирический дневник» да маленькая целлулоидовая собачка «Бонза». Эта «Бонза» — мой амулет и счастье и вместе с тем мои единственные «трофеи» — я ее взял в одной усадьбе близ большого города. Плохо только, что она не лает, а то бы передала привет твоему пуделю. Вот и ты, тетя Аня, когда сядешь вечером с пуделем разговаривать, расскажи ему, что у твоего племянника тоже собачка есть, только в сумке взаперти сидит и выходит наружу только тогда, когда я сажусь писать дневник. Впрочем, в дневнике всякая ерунда написана, это я уже вижу и по тому, как моя Бонза про себя улыбается.

Вот и все, дорогая тетя Аня, что я мог тебе написать, а сейчас уже и бумага кончается, и время позднее — нужно лечь заснуть, а то через два часа «подъем».

Целую тебя и всю твою семью крепко-крепко.

Твой племянник *Никита*

От тебя писем нет. Может быть, почта виновата?

5 апреля 1945 г.

Добрый день, дорогая тетя Аня, это письмо пишу тебе из Австрии, мы уже глубоко вклинились в ее территорию. Сейчас здесь идут жестокие бои, хотя и враг все время пятится назад. Нас же ведет вперед небывалое воодушевление и воля к скорейшей победе, а она, конечно, не за горами. Снова, как и раньше, горят села — но теперь уже немецкие — разыгрывается новая великая битва, с небывалым еще до сих пор накоплением техники и войск. Приятно себя чувствовать маленьким, крохотным винтиком в одном едином целом огромной советской военной машины. И мне уже выдали благодарность за отличные боевые успехи при овладении гор. Будапештом. Теперь хотелось бы побывать еще и в Вене. О Вене мечтают все бойцы нашего фронта, мы знаем, что нам не придется быть в Берлине, — это счастье выпадет другим фронтам, так неплохо хоть рассчитаться со второй германской столицей. Вспоминается сейчас окончание одного стихотворения... помещенного еще в 1928 г. в «Красной Нови»:

Все равно мы ворвемся и грохнем
В европейскую черную ночь!

— тогда он отвечал заграничному Влад<иславу> Ходасевичу, который писал: «Над европейской ночью темной заламывает руки он»⁸. Но теперь Европа больше не заламывает рук — перед нами стоит Германия на коленях. Забавляет также обилие белых флагов — это обозначает сдачу, немцы сдаются на милость победителя. Красная армия идет неудержимо — мы действительно «ворвались и грохнули». Возможно, что это письмо и не успеет еще дойти до русских границ, как Вена будет наша.

И опять в памяти всплывает мой небольшой литературный архив.

Вспоминаю, как Маяковский еще в 1914 году в стихах «Война объявлена» писал:

Постойте, шашки о шелк кокоток
Вытрем, вытрем на бульварах Вены!

— страшно даже, насколько актуальны сегодня эти слова. Что не удалось России 20 лет назад, то сегодня осуществляется. Да, действительно, мы будем в Вене!

От тебя по-прежнему нету писем.

Из дому же вести хорошие. Там сейчас все хорошо, в смысле питания и всего остального — отлично.

Отец действительно служит на советской службе — и несет ответственную работу. Часто разъезжает: почти все время в пути. Мать сильно без меня скучает — это понятно, дело ее материнское грустить да поплакать. Мне же грустить нельзя — нужно себя все время держать в руках — быть бодрым, крепким. Мать моя понемногу делает куклы из варен<ой> бумаги — эта работа не трудная и благодарная. Эти вести привез мне один из наших военных: он был в Новом Бечее.

Чуть не забыл написать тебе про дядю Володю⁹ — он здоров, хотя его положение много хуже отцовского, но я надеюсь, что отец его как-нибудь вытянет. В этом отношении папа мой как старший брат всегда много делал для дяди Володи. Одно плохо, что у дяди Володи упрямый характер, он всегда старается «жить своей головой», но это получается не всегда удачно. Если ты переписываешься с Новым Бечеем, то не теряй связи никак.

О тебе же я сам часто думаю. Хотел тебе собрать и послать посылку, но наше командование еще полтора месяца тому назад запретило их

⁸ Цитата из стихотворения В.Ф. Ходасевича «Сидит в табачных магазинах...» из цикла «У моря» (1932). Ср: «Под европейской ночью черной / Заламывает руки он».

⁹ Дядя Володя — Толстой Владимир Ильич (1899–1967) — агроном, внук Л.Н. Толстого, родной дядя Н.И. Толстого. В эмиграции в Югославии, окончил Белградский университет. Жил в Белграде, Тетове, Новом Бечее и др. В 1945 г. вернулся в СССР.

(наверное, из-за перегрузки транспорта). До того же времени я не знал твоего адреса. Досадно очень, но ничего не поделаешь. Как только в нашей дивизии разрешат отсылать посылки, отошлю тебе что-нибудь из мануфактуры. Пиши мне больше про себя и про всю твою семью. Хочется мне больше знать о вашей жизни. Жду писем, хотя их и нет. А пока до свиданья, целую всех крепко, крепко — желаю счастья, здоровья.

Искренне Твой *Никита*
Полевая почта 49582

P.S. Очень скучаю без русских книг. Если у тебя есть какие-то уже прочитанные и для тебя малоценные брошюры, небольшие сборники стихов, пришли мне их по воинской почте. Пересылка бесплатна.

27 апреля 1945 г. Фронт

Дорогая тетя Анночка,

написал тебе я недавно несколько писем на художественных открытках с репродукциями Рафаэля и Леонардо и очень боюсь, что они не дошли до тебя, т. к. на этих открытках с обратной стороны на итальянском языке была написана краткая история художественного произведения. А сегодня я узнал на почте, что все открытки с какими-то ни было надписями или с текстом латинским шрифтом выкидываются из письма. Одновременно с открытками я посылал несколько писем с чистой бумагой, а ты и будешь ломать себе голову: «Что случилось с твоим племянником?» — неужели сдурел еще в молодости лет. Не знаю почему, но мне всегда жаль пропавших писем — то, что написано один раз, — уже больше не повторишь. И вообще, как ни странно, я почти не могу переделывать или перерабатывать что-либо уже написанное мною. Если с первого раза не вышло — то уже все ерунда. Хорошо понимаю, что это большой недостаток, но совладать это не могу и, честно говоря, и не стараюсь.

Письма твои и дяди Пати¹⁰ получил сегодня. Сердечно за них благодарю: особенно меня тронуло внимание дяди Пати — я хорошо понимаю, что он очень занят. Нужно ли писать лишний раз, какая большая радость для меня письма от вас. Это конечно — настоящий праздник. Получив письма — прогулял сегодня целый день по лесу — и не ложился отдыхать (по службе моей — ночью приходится спать только несколько часов), было у меня хорошее приподнятое настроение — я себе живо представил

¹⁰ *Дядя Пати* — Попов Павел Сергеевич (1892–1964) — супруг А.И. Поповой-Толстой, литературовед, историк философии. В 1947–1948 гг. заведующий кафедрой логики МГУ.

вашу жизнь, нелегкую, конечно, но все же очень плодотворную и интересную. А жизнь — это творчество — я понимаю, что только тогда и стоит жить, когда чувствуешь, что ты что-то создаешь, творишь: растешь сам и видишь, что вместе с тобой создается что-то еще — в сущности тот же ты, только вылитый в материальный облик. Знаю, что дядя Патя будет меня очень ругать за такую мою сырьевую (не знаю, как лучше сказать) и, наверное, безграмотную философию — но сейчас-то вообще и думать и работать над собой много не приходится — с одной стороны, лучше: голову не ломаешь — голова не болит. А это последнее уже «солдатская философия» — голове-то, конечно, и болеть некогда, и задумываться над философскими вопросами тоже нету времени.

Ночью и днем намаешься, устанешь и думаешь только, как бы на свежее сено пристроиться, примоститься так, чтобы не заметили и не будили раньше времени. А поспать я, грешный, люблю, и, вообще, думаешь порой: «Что может быть слаще на свете крепкого солдатского сна?»

Еще раз благодарю за письма, только предостерегаю от лишних похвал по моему адресу — пожалуй, я их не заслуживаю. Постараюсь прислать вам еще одну фотографию, только очень мелкую опять — придется тетке Анночке ее с лупой рассматривать. Откуда тетка Анночка разглядела, что я красивый? Это совсем не верно — хотя бы один нос мой «толстовский» — всю образину портит. Впрочем, я никогда не хотел быть красивым, хотя и говоря словами моей матери, «хочешь не хочешь — не можешь»; зато ростом своим я очень доволен — это, с одной стороны, и практично в некоторых случаях жизни. Я выше своего отца на полголовы, а дядя Володя мне почти по плечо. Правда, физически я развит довольно плохо: этому причина голодовка моя 1941–42 гг.

Пишешь ты мне также о том, что хочешь получить мои стихи. Этого я, прости меня, не сделаю. К тому же я их недавно сжег — решив, что то, что осталось в памяти, пусть остается, а то, что не останется, не нужно. К тому же ты мне написала такое страшное слово, как «опубликовать» — этого я никак бы не хотел.

Пишешь еще ты мне о том, что у отца моего был дар «стихотворца», но я о нем очень невысокого мнения. Его стихи я читал, и они мне совсем не понравились. Помню сейчас его последнее четверостишие, написанное в 1925 году, на этом он кончил (громко сказано) свою поэтическую карьеру.

Мы были юны,
Мы что-то ждали.
Но оборвались струны
И замолчали.

Не сердись, что так строго пишу об отце; но и к себе я тоже очень строг и больше всего на свете боюсь самодовольства.

Еще раз спасибо тебе, тетя Анночка, за то, что так подробно описала мне вашу квартиру, вашу жизнь и жизнь Москвы. Хотелось бы мне побывать у вас, но до сих пор не знаю, когда и как это выйдет.

Сейчас мы уже довольно долго стоим на месте. Но здесь хорошо — я люблю горы и леса — недаром я сам родился на отрогах Карпат. В садах еще не отцвели яблони, а в огородах уже появились первые весенние овощи: лук, салат. Мы, ребята — набросились на зелень, как изголодавшаяся лошадь на свежую траву — у нас от пресной пищи сильно кровоточат десны и теперь мы все хотим поправиться на «подножном корму». Сегодня прочли в газетах об окружении Берлина и о форсировании Эльбы. Завидуем тем бойцам, которые побывают в Берлине, жаль, что нашим полкам не придется носить наименование «берлинских» — хотя, конечно, наименование «венские» тоже неплохо.

С моими у меня налаживается переписка, хотя и письма очень долго идут. От них весточку получаю редко. В основном у них все в порядке.

Еще прошу простить меня за то, что иногда пишу вам безграмотные письма, как, например, письмо с австрийской границы, но в спешке наступления трудно выбрать иногда и пять минут на письмо. Правда, в сумке у меня всегда есть чернила и ручка — вот я и устраиваюсь на крыле нашего трехтонного «Зиса» писать, как говорят ребята, «конспект на родину».

Еще раз благодарю дядю Патю (называю его так с твоего разрешения, т.<етя> Аня) за то, что выбрал время написать мне письмо.

Знаю, что вы все заняты, и мне теперь стыдно, что я раньше так бессовестно просил вас чаще писать.

А пока целую вас крепко, крепко и обнимаю своими длинными неуклюжими руками.

Ваш племянник *Никита*

Мой адрес: Полевая почта 49582. Толстой Никита Ильич

Есть у меня одна «кручина» — мой приемный брат (т.е. приемный сын моих родителей)¹¹. Находится также в Красной армии — служит он в противотанковой артиллерии — не дает о себе знать ничего еще с прошлого года. Я очень боюсь, что он погиб. Я его очень любил. А сейчас молчу о нем, чтобы не теребить душу.

Никита

¹¹ Володя Добровольский пропал без вести во время войны. Н.И. Толстой считал, что он погиб, и часто вспоминал его.

Конец апреля 1945 г. Фронт

Дорогая тетя Аня,
пишу тебе сейчас уже из Австрии. Мы быстро и стремительно продвигаемся вперед. Никому больше не хочется останавливаться: солдат, почуяв близость полной и окончательной победы, — гонится за ней, как охотник за оленем, увидевший рядом с собой ветвистые рога.

И как сладок, как упоителен напиток победы — легче пьешь полной грудью свежий, горный, весенний воздух и радуешься приветливой и бирюзовой последней военной весне. А весна выдалась на редкость теплая, — цветистая, нарядная альпийская весна. И снова чувствуется вся радость и вся сила нашей жизни: рядом с разрушенным домом у разбитой ограды цветут яблони — белые, пушистые, как символ непобедимости природы, как невесты радостной весны. А неподалеку от разбитого дома на зеленом лужке, развалившись на сочной свежей траве, отдыхают красноармейцы. Они поют песню о своей далекой Родине, о Москве. И какой-то особенный проникновенный смысл получают слова песни.

День придет и разгонит тучи,
Над страной весна расцветет.
И вернусь в свой город могучий,
Где любимый, где нежный живет.
Я увижу родные лица,
Расскажу, как вдали тосковал.
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва.

Ты, наверное, слышала уже эту песню. А если нет, то, быть может, — если даст Бог, я тебе ее сам спою. Пою я тоже неплохо и плясать умею, хотя и пляшу больше для смеха — тогда, когда загрустят ребята. Вот как чуть «туго» станет, так мой друг Васька берет баян, а я откалываю номера. Тут даже и самый пессимист за живот хватается. Так что ты видишь, что и я бываю вроде «рыжего в цирке» — но, как ты сама пишешь, «без рыжего не обойтись».

<...> Постараюсь в скором будущем написать еще одно письмо. Целую крепко, крепко тебя и дядю Пашу. Ваш Никита.

12 мая 1945 г.

Дорогая тетка Анночка,

на днях получил от тебя четыре номера «Литературной газеты», за которые очень тебя благодарю. Это для меня большая радость: как-то опять чувствуешь связь с культурным миром — миром литературы и искусства. А то уже у меня появляется страх, что все это забудется и останется только вот эта солдатская жизнь. Не думай, что я ропщу на мою сегодняшнюю судьбу. То, что я солдат, это хорошо, а главное, так и *должно было быть*. Прошу тебя очень, если эта моя просьба возможна, посылай мне «Литературную» газету» регулярно. А больше пока ничего не посылай — ибо я вижу, что и так у тебя и труда и хлопот много. Письма же пиши чаще — очень я привык получать от тебя письма — а без них скука. Скука вообще бывает у меня, и нередко даже; а сейчас после трудов праведных — легкая усталость и дремота. Итак, война кончена, но, к сожалению, это не значит, что мы с тобой скоро увидимся — мне еще нужно будет служить, трудиться и трудиться, пока я смогу вкусить сладость гражданской жизни. Сейчас наши части стоят на месте, движение не предвидится, хотя точно сказать ничего нельзя. С Н^{овым} Бечеем потерял всякую связь — больше туда не пишу и оттуда писем нет. Очевидно, и не будет. Так что ты меня больше и не спрашивай об их новостях. Напиши мне, пожалуйста, как Москва праздновала победу. Эти последние дни войны были интересны, интересны и события послевоенных дней.

Здесь у нас сейчас «столпотворение вавилонское» — сербы, русские, французы, бельгийцы, поляки и проч., и проч. бредут, идут, едут по дорогам — торопятся домой. Вообще, за эти дни жизнь моя обогатилась еще новыми впечатлениями. Хотя я и не знаю, кому нужно будет это «богатство».

Сейчас кончаю, больше как-то и рука не пишет. Прости за короткое письмо, следующее постараюсь написать подлиннее.

Твой племянник *Никита*

15 мая 1945 г. Австрия

Дорогая тетка Анночка,

хочется мне написать тебе письмо, чтобы ты не подумала о том, что я о тебе забыл, хотя вообще я должен тебе сознаться, что я очень люблю получать письма и очень не люблю их писать.

Можно считать невероятным то, что я тебе до сих пор так часто писал. Хотя в этом мире нет ничего невероятного — я писал тебе часто про-

сто из-за большой любви к тебе, пусть и заочной, но заочная любовь может также быть очень крепкой.

Итак, дорогая тетка Анночка, как писала когда-то Марина Цветаева, «целую тебя через сотни разъединяющих верст»¹². Не удивляйся, что целую тебя с начала письма, но я уверен, что если мы с тобой встретимся (не скоро, конечно!), то первое, что сделаем, это бросимся друг другу в объятия. Последнее твое письмо, которое до меня дошло (от 18 апреля), немного огорчило меня, вернее, не огорчило (я неправильно выразился), а заставило грустить. И бросился я в эту грусть на целую неделю, как-то всю грусть, и твою, и мою, и чужую, старался испить до дна. И вот же опять бывает так, как-то без особой причины загрустишь и загрустишь, а если ребята и спросят: «Никитка, чего нос повесил», то и ответить, почему «нос висит», не сможешь. Ты мне пишешь: «Что-то трудно сажу, что-то тяжело на душе, чего-то хорошего жду и никак не дождусь».

Ты мне это писала 18 апреля, а вот 9-го кончилась война. Я думаю, что это уже большая причина для того, чтобы не грустить. Я знаю, что многим было трудно дождаться этого радостного дня, но все же он пришел. Война уже кончилась, и теперь открылась дорога к новым, лучшим и светлым дням. Пишешь ты, что «жизнь моя одинокая», — я также часто чувствую себя одиноким, но именно во имя встречи, для встречи хотя бы с тобой не позволяю себе грустить и думать о своем одиночестве. Пишешь ты мне еще, что ты стареешь. Я понимаю, что годы твои немалые, но зачем же заниматься самовнушением: «я старуха, да я старуха» — так, пожалуй, действительно можно совсем постареть.

<...> В теплые майские сумерки часто хожу в клуб слушать радио, патефон — это небольшое, но ценное развлечение в моей солдатской жизни. Знаю, что ты всегда сердисься за то, что я мало пишу о своей жизни, — но, право, и писать-то мне не о чем. Дни бегут за днями — время летит быстро, да как-то и останавливать его не хочется. Впрочем, как говорила моя мать, — «хочешь, не хочешь — не можешь».

Итак, до свиданья, желаю тебе всего, всего лучшего, побольше бодрости (хотя я знаю, что ее у тебя немало) и здоровья.

Дядю Пашу целую крепко.

Ваш *Никита*

Мой адрес: Полевая почта 49582. Толстой Никита Ильич

¹² Цитата из стихотворения М.И. Цветаевой «Никто ничего не отнял!..» (1916), посвященного О.Э. Мандельштаму. Ср.: «Целую Вас — через сотни / Разъединяющих верст»

1 июня 1945 г.

Дорогая тетя Анночка,
снова серый дождь барабанит в окно моей комнаты, и сразу скучно становится, как говорила моя мама¹³: «На душе кошки скребут». Почему-то в такие дни вспоминается юность ранняя, учеба, классы. Черная доска, парты и за окном тоже дождь. Исполнилось уже 4 года с тех пор, как я бросил учиться, а это немалый срок. Учиться мне хочется очень — взять книгу в руки или поработать над какой-нибудь темой, написать что-либо. Сейчас у меня даже и время свободное есть, и комната своя отдельная, т.к. мы разместились в большой гостинице, да вот совсем нет материалов да еще той окружающей среды, которая хотя бы своим присутствием помогла мне. В голове много мыслей, рассуждений — о поэзии, о литературе, а высказать их некому. Вот и не знаешь сам. Что лучше — занятия ежедневные, работа, служба солдатская или это свободное, но бесполезно проведенное время. Пожалуй, лучше первое — это так нужно: до конца окунуться в солдатчину, и если после этого еще останутся «мечты» и «размышления», значит, их не искоренить. Извини за серию «пессимистических» писем. Целую крепко, крепко тебя и дядю Патю, я очень горд за него, что у него столько ответственных и полезных дел. Дай Бог ему счастья!

Никита

20 июня 1945 г.

Дорогая тетя Анночка,
вчера получил одновременно и твои два заказных письма, и две бандероли с газетами. Большое спасибо за внимание и за твой труд. Три дня до этого я предчувствовал это радостное событие — ведь получить сразу столько газет да в добавок твои милые письма — это, конечно, событие. Вот потому я придавал значение даже пауку, спустившемуся позавчера с потолка ко мне прямо на нос, — это, как говорила моя мать, — предзнаменование того, что будет письмо, — а тут сразу и два письма, и две бандероли; очевидно, было еще три паука, да только спускались они ко мне ночью, вот я их и проспал. Теперь уже думаю снова о письме от тебя подробном — длинном и уже соглашаюсь на фетовские или апухтинские стихи, так же как ты согласилась на мою чистую бумагу. Хотя вот беда: бумага-то у меня вся вышла, остался небольшой запас, который я оставил себе (вот эгоист!) для моей «пробы

---

¹³ Ольга Ивановна Толстая (урожд. Лопатина; 1898–1987).

пера». Хотя и сам не знаю, стоит ли пробовать? Уж очень мое перо скрипучее — не правда ли? Ну, я конечно знаю, что ты со мной согласна.

Скучаю теперь понемногу (вернее, только начинаю скучать) о своих родных, о доме. Соблазняет, конечно, и возможность вернуться к ним. Не знаю пока, что решить. — Кажется, первый раз в жизни я стал таким нерешительным. Вообще, меня беспокоит одна вещь, а именно та: что ты меня представляешь лучше, чем я есть на самом деле. У меня есть и недостатки: я люблю помечтать, «улететь в небеса», люблю полениться — поваляться на зеленой траве, к тому же я не привык к кипучей — сумасшедшей работе — я привык работать планомерно, спокойно. Впрочем, может быть, это все не так, не скажу точно. До 18-летнего возраста я учился — учеба мне давалась удивительно легко — скажу прямо — то, над чем другие сидели днями, я делал в несколько часов и никогда не «зубрил» предметы — отсюда и моя любовь к школе, к учению, оно меня никогда не обременяло, а скорее интересовало-увлекало. После учебы я работал длительный период — об этом я тебе писал уже. Здесь я первое время «рвал с места карьером», а старые рабочие, которые, между прочим, очень меня любили, качали головами и говорили: «Эх, Никита, так-то ты пропадешь, — так на весь век и на весь трудовой 12-часовой день сил не хватит» — хорошие ребята были эти рабочие — большинство немолодые, ушедшие из своих горных деревень и лесов в город на заработки. Вот и выучился я у них спокойной методичной работе, а теперь опять плохо — в армии расторопным надо быть, быстрым, как юла. Впрочем, все это, и армия тоже, хорошая школа жизни — так я и понимаю мой сегодняшний день. Я не смогу припомнить, кто сказал фразу «Жизнь начинается завтра», но она очень подходит к моим сегодняшним настроениям. Быть может, это только надежда на завтрашнюю «настоящую жизнь» — но ты сама знаешь, надежда умирает последней. В иное время жизни люблю похандрить — уйти в себя — погрузить даже.

Кстати, насчет стихов: у меня также на всякий случай жизни могут найтись четверостишия — для большего содержания моего письма буду тебе их выписывать (это чтоб ты не жаловалась на короткие письма).

Ты, конечно, читала Клюева, у него есть такое место:

Хорошо ввечеру, при лампадке
Помечтать и поплакать втишок.
Из резной, низколобой укладки
Недовязанный вынуть чулок¹⁴.

¹⁴ Цитата из стихотворения Н.А. Клюева «Хорошо ввечеру, при лампадке...» (1915). Ср.: «Хорошо ввечеру, при лампадке / Погрузить и поплакать втишок, / Из резной, низколобой укладки / Недовязанный вынуть чулок».

Люблю я очень и клюевского златокудрого ученика¹⁵ — это, говоря примитивно, «Байрон нашего времени». Его стихи отличаются необыкновенной силой и свежестью. Так же как Пушкин начинал с «байронизма» и разочарованности и потом перешел к оптимизму и настоящей «устойчивой» поэзии — так же и наши современные поэты-долдоны должны будут многое взять у «последнего поэта деревни». Тема о истоках современной поэзии, тема обширная и первостепенной важности — я не берусь о ней писать даже в нескольких словах в письме — в свое время я долго занимался этим вопросом — многое передумал, кое-что установил для себя как аксиому. Хочу написать одно — меня удивляет полное отсутствие этого вопроса на страницах литературной прессы.

Мы очень много говорим о себе, о поэзии, о задачах поэзии (которые, кстати сказать, схожи с каким-нибудь «планом производства мебели на 1945 год»). В этом отношении не совсем удовлетворяет меня и доклад Тихонова (Литературная газета № 21)¹⁶ — он стремится поставить рамки, в то время как эти рамки и мешают чаще всего.

Больше всего мне понравилась речь Бажова на прениях по докладу Тихонова (Литературная газета № 22)¹⁷ — его оригинальное замечание в духе исконных традиций русской литературы.

Извини за сумасбродное письмо. Дядя Патя придет в ужас — здесь мысль не совсем логично вытекает одна из другой — она прыгает. Понимаю и сам, что это только *отрывки* мыслей. Но все же хочу оправдаться — это не конспект, даже не разговор о литературе, а это скорее похоже на то мое настроение, какое бывает по ночам.

Придешь вот так часа в два ночи с поста — поставишь автомат в пирамиду — пойдешь к своей комнате, разденешься и ляжешь вот так на спину, крепко вдавившись затылком в твердую подушку. Лежишь с открытыми глазами в темноту, а перед тобой, как изрезанная киноплёнка, пролетают картины — мысли, воспоминания. Прадед Лев Николаевич очень любил стихи Пушкина «Воспоминания», он сам переживал те же чувства, о которых писал поэт, и говорил даже, что на его месте он бы заменил в последней строке «Но слов печальных не смываю» строкой «Но слов *постыдных* не смываю». У меня это все не так, свиток воспоми-

¹⁵ Имеется в виду С.А. Есенин

¹⁶ Речь идет о докладе поэта Н.А. Тихонова на X пленуме Правления Союза советских писателей 15 мая 1945 г., в котором он дал обзор художественной литературы в СССР за 1944–1945 гг. (опубл.: Литературная газета. 1945. 17 мая. № 21).

¹⁷ Выступление писателя П.П. Бажова «О “доводке” золота литературы», см.: Литературная газета. 1945. 26 мая. № 23.

нений прошлого не мучит меня, у меня нет раскаяния — может быть, это плохо — я не могу дать точный ответ.

Вот так же и думаю о литературе, отрывками — то вспомню строки Блока, то Брюсова, то перенесусь в древность к Цицерону даже (куда черт не занесет), и мысли такие быстрые обгоняют друг друга — одной мысли до конца не довел, а вот уже другая перегоняет, третья. Быть может, это просто моя молодость — многое ей прощается. Молод, мол, и неопытен. Итак, скажу еще несколько слов о путях поэзии и литературы.

После неудачи футуризма — «прыжка в будущее» — начался новый поворот к классицизму, к старым классикам русской литературы. Тогда на фоне русской поэзии вновь появилась фигура Пушкина. Возврат к Пушкину — большой шаг вперед — но стоит ли на этом останавливаться. Быть может, нужно обратить внимание и на послепушкинский период — наконец, призадуматься над последней плеядой поэтов периода Великой Войны и Революции — у них, было много ошибок, но были и большие цели.

Неужели они ничего нам не могут дать? Могут, конечно: и Брюсов, и Блок, и Гумилев, и Ахматова, и неоклассики (Мандельштам), и имажинизм — даже. Интересны акмеисты — хотя бы и в связи с вопросом: какой период наступает в русской литературе — нового романтизма или реализма.

Великая Отечественная война дала обильный материал для романтика — как он будет использован?

Думаю, что профессор даст мне некоторые ответы — тогда я постараюсь писать складнее и лучше — а пока надеюсь, что ты ему (т.е. дяде Пате — профессору — ой, какое страшное слово «профессор») не дашь в руки это письмо, а только скажешь: «Вот, мол, племяш мой спрашивает то и то». Впрочем, дорогая тетя Анночка, не беспокой зря дядю Патю — у него сейчас, как ты пишешь, «страдная пора» — экзамены.

Итак, кончаю письмо — конец письма, как всегда, неудачный — скомканный — это мой извечный недостаток во всех моих «писаниях». Выручает только одно, а именно то, что бумага подходит к концу: а ведь не брать же новый лист из-за нескольких строк.

Хочу спросить еще одно — что думает по вопросам литературы мой брат Саша¹⁸ или он вообще ничего не думает, если это последнее, то тоже хорошо, — он избавлен от бессонных ночей и от решения бесконечных вопросов литературы и жизни. Целую крепко, обнимаю.

Никита

¹⁸ *Брат Саша* — Толстой Александр Ильич (1921–1997) — геолог, правнук Л.Н.Толстого, троюродный брат Н.И. Толстого. Жил в Москве со своей теткой Софьей Андреевной Толстой-Есениной и бабушкой Ольгой Константиновной Дитерихс. Похоронен в Кочаках близ Ясной Поляны.

27 июня 1945 г. Действ<ующая> армия

Дорогая тетя Анночка,

опять что-то ты замолчала и не пишешь мне ничего, ну что ж, пожалуй, я сам виноват в этом. Думаю, что на это письмо пришлешь мне в ответ открыточку или треугольничек даже. Я вполне чувствую свою вину перед тобой за свое молчание, хочется порой написать тебе письмо подлиннее, а писать-то и нечего. Жизнь такая однообразная, обыденная — солдатская. Хотя у меня по сравнению с другими есть свои несомненные преимущества. Хотя бы то, что стоим мы не в лагерях, а в городе. Правда, это не тот город, что стоял на реке (помнишь, я тебе писал), а другой — похуже, поменьше, погрязней. Все же мне и тут удалось занять отдельную комнату — это я себе вытребовал по праву своего писарства. Я тебе, кажется, писал, что стал писарем — это еще с апреля м<еся>ца пошло. Писарству не особенно рад — терпеть не могу бумажную волокиту и все это делопроизводство! Так вот, значит, живу я в комнате вместе с поваром — «дядей Ваней» — как я его называю — он довольно культурный человек (а главное, стремится быть еще культурней) — с ним можно иногда поделиться впечатлениями, поговорить вечерком — после отбоя да раскурить папироску. Плохо то, что я понемногу начинаю курить — раньше не курил никогда и во время войны тоже не брал папиросы в рот. Это все потому, что когда уходил в армию, отец просил не приучаться курить, а теперь все же иногда не выдерживаю — затанусь и так приятно-горьковато слегка во рту — совсем как и в жизни все горьковато. Сейчас вот сижу пишу это письмо, а другой мой товарищ, маленький «Митька Буряк» (тот, что со мной на фотографии снимался), пришел ко мне в комнату с баяном, сел на подоконник — играет мне «Синенький платочек» и смотрит на улицу. А сейчас заиграл «Буряк мглою небо кроет» — эту песню я очень люблю — мне ее всегда моя мать пела на сон грядущий, еще в раннем детстве моем. Вот я и не успеваю дописать строку до конца, как Митька меняет песню. У него богатый репертуар: тут и «Огонек», и «Тучи над городом стали», и одесская блатная «Синеет море над бульваром» — слышала ли ты такую? Там есть и такие слова:

В ответ открыв «Казбеку» пачку,
Сказал ей Костя с холодком:
«Вы интересная чудачка,
Но дело, видите ль, не в том»¹⁹

¹⁹ Цитируются слова Л. Агатова из песни Н. Богословского «Шаланды, полные кефали» для кинофильма «Два бойца», где ее исполнял М. Бернес. Последняя строка приводится неточно. Ср.: «...но дело, видите ли, в том...»

Есть и еще одна забавная песенка «казанская», она поется на мотив «кирпичиков»:

На окраине Казан города
Я раньше живэ как буржуй
И спичка, папироска,
На улице тоже торгуй.

Воскресение, дни весенние,
Новый шляпа носи, надевай.
Русский барышня целовой меня,
А я тоже ее целовой.

Однако, увидав, что я занят письмом и не реагирую на его музыку, Митька ушел. И лучше, я по крайней мере спокойно допишу письмо до конца. А вот и два часа по полудню наступило — это у нас, у русских, и у тебя в Москве, а у австрийцев полдень. Загудели колокола — много их. В самом центре городишка колокольня — как старинная башня-крепость: высокая и широкая каменная — угловатая, с большой пологой посеревшей крышей — словно старик надвинул на брови свою тирольскую шляпу — посеревшую от пота и пыли и местами порыжевшую от солнца. Башня, конечно, старинная — средневековая, а я люблю вообще всякие древности — старину. Здесь есть и небольшой городской музей — я уже туда забрался — все свободное время проходит там. Интересна коллекция оружия и глиняной посуды каменного века. Есть и разные «человеческие косточки», говорят, что они от неандертальского человека — не знаю, проверить не могу, ибо я, к сожалению, не настолько сведущ в этом. Конечно, это возможно, ибо они найдены в Вост<очных> Альпах — здесь недалеко и до «крапинского» экземпляра (Слышала ли ты о «крапинском» человеке?) Между прочим, я был и в дер. Крапино, там, где производились раскопки, — это в Югославии²⁰.

Прости, дорогая тетя Анночка, что засушил тебя доисторическим периодом. Может быть, тебе совсем неинтересны экспонаты этого провинциального музея — но пойми сама — это единственные мои новости!

Есть в музее и хорошая коллекция средневековой керамики, оружия. Есть отдел искусства Ср<едних> веков, отдел средневековых ремесел и т.д. кончая нашими днями. Очень жалею, что не знаю немецкого

²⁰ *Крапина* — городок в Хорватском Загорье, где во время раскопок на горе Хушняково в 1899 г. антропологом Драгутином Горяновичем-Крамбергером было обнаружено множество окаменевших человеческих костей так называемого крапинского ископаемого человека.

языка, — здесь есть книги по этнологии, географии и искусству. Хотя я не очень люблю культуру германизма — славянская история и этнология интересней и ближе для меня. Манит также своей загадочностью и своеобразием и Восток — Ориент. Влияние Востока особенно сильно на Балканах, там смешивается культура славян и культура Востока, к тому же и те и другие были под влиянием Византии. Я посетил многие исторические памятники Балкан: Жичу, Дечане, Оплецац и т.д. Вот все в общих чертах. И всегда в «общих чертах» — и сам не знаю, когда мне удастся поговорить обо всем этом с человеком, который «на этом деле собаку съел», — вот бы было интересно для меня! Вот, дорогая тетя Анночка, как я использую пока свое свободное время. Еще часто хожу в кино. Прямо напротив нашего дома кинотеатр. По вечерам «смываюсь» туда (конечно только в свободные вечера), там демонстрируют фильмы иностранные и русские. А вчера смотрел американскую картину «Песнь о России»²¹ — там хоть на киноплёнке повидал твою Москву. Вот и опять бумага подходит к концу. Шлю привет! Целую крепко-крепко всех вас.

Никита

Мой адрес: ПП 49582 Толстой Никита Ильич
(Зачем ты мне приписываешь «гв<ардии> красноармеец»?
На адресе это не положено писать.)

6 авг<уста 1945 г.>

Дорогая тетя Анночка!!!

пишу тебе это последнее письмо из армии. Здоровье мое совсем пошатнулось, за три недели я потерял до семи килограмм!!! Не знаю, что такое со мной, был крепким все время и вдруг захворал! Знаю, что это не малярия, а наши доктора не могут сделать исследование: разводят руками! Очень боюсь за легкие, хотя я раньше никогда не болел легкими! Одним словом, решил ехать домой и через несколько дней уезжаю. Начальство меня очень любит и во всем выходит мне навстречу. Хотелось написать это *последнее из армии* письмо длинное, но лучше *короче!*

Хочется просто сказать большое, большое спасибо тебе и дяде Пате за все то внимание, которым вы меня окружили. Спасибо за письма, если бы вы только знали, какая это большая поддержка для меня была в дни

²¹ «Песнь о России» (англ. «Song of Russia») — военный фильм, выпущенный в 1944 г. компанией Metro-Goldwyn-Mayer и режиссером Г. Ратовым. Впоследствии назван одним из трех наиболее известных примеров просоветской деятельности в Голливуде.

тяжелых боев, в дни казарменной скуки! Не забывайте! а я безусловно не забуду вас.

Целую крепко, крепко тебя, дядю Патю, Думушку²², привет Марии Николаевне.

Не забывайте, знайте, что далёко есть крепко полюбивший вас племянник, длинный, неуклюжий, которого так вам пока и не удалось увидеть.

Хотя я не теряю надежду на нашу встречу.

До свиданья. Целую,

ваш *Никита*

На этот адрес 49582 больше не пиши!

²² Собака А.И. Толстой-Поповой.

Русская интеллигенция в Белграде и борьба против немецкой оккупации Югославии

Дж. Боровняк

Белград, Республика Сербия, Архив Югославии

E-mail: borovnjak@arhivyu.rs

Russian Intellectuals in Belgrade and the Struggle Against German Occupation of Yugoslavia

---

Dj. Borovnjak

Belgrade, Republic of Serbia, Archive of Yugoslavia

E-mail: borovnjak@arhivyu.rs

Представители разных поколений русской «белой» интеллигенции, особенно младшего поколения, легко интегрировались в культурную среду Королевства Югославия в первой трети XX века. Начало Второй мировой войны прервало их творческий порыв и профессиональную востребованность, и они с готовностью поставили свои умения на службу новым и более высоким задачам.

В борьбу против фашизма и немецкой оккупации Югославии русская интеллектуальная элита Белграда внесла особый вклад. Многие ценные архивные, фотографические материалы и мемуары свидетельствуют о коллективных и личных инициативах русских эмигрантов в антифашистской борьбе, о поддержке некоторых русских группировок и о важности работы обычных специалистов и выдающихся интеллектуалов, которые, каждый в своем деле и профессии, способствовали значительной важной роли русской интеллигенции в борьбе с фашизмом. Современная сербская историография уделила заметное внимание этой роли.

Особенно выделяются своей деятельностью члены антифашистской организации Союз советских патриотов, среди которых были известный русский архитектор Павел Васильевич Крат (1907–1969), иллюстратор и один из пионеров сербского комикса Юрий (Джордже) Павлович Лобачев (1909–2002), русский поэт и переводчик Алексей Петрович Дураков (1898–1944), также член Народно-освободительного движения Югославии. Многие представители русской интеллигенции благодаря своему участию в движении югославского Сопротивления создали уникальные художественные произведения о войне: таковы, например, работы зре-

лых, сформировавшихся художников Георгия (Жоржа) Скрыгина (1910–1977) и Михаила Дмитриевича Иванникова (1904–1968). Созданные в годы Второй мировой войны и нередко используемые как исторический источник, они — впечатляющее свидетельство ужасов войны и повседневной гражданской жизни в эти годы.

Наряду с деятельностью специально созданных антигитлеровских обществ и союзов архивные документы, выявленные в Историческом архиве города Белграда, рассказывают также об антифашистских инициативах и деятельности отдельных лиц, в частности инженеров и архитекторов муниципалитета города и студентов Белградского университета.

Русская интеллигенция в движении Сопротивления и Союзе советских патриотов

Ввод немецких оккупационных войск в Югославию и начало войны против Советского Союза поставили русскую эмиграцию в Югославии перед двойным и противоречивым выбором; некоторые из эмигрантов включились в движение Сопротивления и состояли в партизанских отрядах, иные служили в немецкой армии, которая сражалась против коммунистического врага.

Источников об участии русских эмигрантов в движении Сопротивления сохранилось немного. Современная историография и архивные материалы, доступные исследователям, более всего повествуют о деятельности небольшой нелегальной антифашистской организации Союз советских патриотов, основанной в Белграде в 1941 г. Она насчитывала около 120 членов и состояла из троек, во главе которых находился Центральный комитет, членами которого были Ф. Высторопский, В. Лебедев и И. Одишелидзе. Члены ССП занимались изданием агитационных прокламаций, сбором медикаментов и направлением людей в партизанские отряды. Со временем ССП расширил влияние и за пределами Белграда, но многие его члены погибли, и к июлю 1944 г. их осталось в живых очень мало. Ф. Высторопский попал в концлагерь, откуда его перевезли в Германию, И. Одишелидзе погиб в боях, а В. Лебедев был арестован и находился в особой тюрьме [Танин, 2009, с. 154–155 с более старой литературой].

Среди членов союза можно выделить лиц, которые занимали важное место в белградских и сербских интеллектуальных кругах и к началу войны имели значительный профессиональный вес. Это прежде всего известный русский архитектор Павел Крат, иллюстратор Джордже Лобачев и поэт Алексей Дураков.

Павел Крат принадлежал к тому поколению русских эмигрантов, которое профессионально сформировались уже в сербской среде. По прибытии в КСХС / Югославию он окончил русско-сербскую гимназию в Белграде в 1926 г. и отделение архитектуры технического факультета Белградского университета в июне 1931 г. [Арсењев, 1994; Миленковић, 1997]. Как амбициозный и способный человек, он быстро включился в культурную жизнь югославской столицы и сразу же показал себя одним из немногих убежденных модернистов в архитектуре. Какое-то время Крат работал в студии Драгиши Брашована (1887–1965), одного из ведущих сербских зодчих, участвовал в нескольких архитектурных конкурсах [Кадиевић, 1999]. К сожалению, в сербской историографии до сих пор нет комплексного исследования его работ [Кадиевић, 1994, с. 298–299; Арсењев, 1994, с. 268; Миленковић, 1997, с. 114; Kadijević, Đurđević, 1998, с. 21; Кадиевић, 1999, с. 7].

После освобождения Белграда от фашистских оккупантов П. Крат вернулся к архитектурной деятельности, работал в Проектном институте Республики Сербия. Он отличился в первую очередь реконструкцией поврежденного в годы войны здания Почты–2, расположенного на площади перед главным железнодорожным вокзалом Белграда — одним из шедевров сербской межвоенной архитектуры, который был создан архитектором Момиром Коруновичем (1883–1969). При реконструкции Крат полностью изменил фасадные особенности здания.

Известно, что Павел Крат был активным членом Союза советских патриотов в Белграде с 1943 по 1945 г., что подтверждается документами из его личного дела в архивном фонде Технического отдела муниципалитета города Белграда. Супруга Крата, Людмила Крат, также архитектор, заполняя раздел об участии членов семьи в Народно-освободительном движении, сообщала: «Мой муж Павел участвовал в нелегальной организации Союз советских патриотов в Белграде и принимал участие в освобождении Белграда в конце войны как боец Югославской армии»¹.

Сербские историки также подтвердили его участие в ССП; кроме того, данный факт зафиксирован в докуменальных источниках, долгое время недоступных для историков: это документы Управления государ-

¹ Личное дело архитектора Людмилы Крат // ИАБ. ОГБ, АО.

ственной безопасности (сербская аббревиатура — UDVA), заявления арестованных русских эмигрантов, агентурные сообщения из фонда Агентства информационной безопасности, которые хранятся в Архиве Сербии. Здесь, среди других документов, сохранилось и свидетельство «некоего П. Крата» [Тимофеjev, 2012]. Беремся утверждать, что это упомянутый архитектор Павел Крат. Он ярко свидетельствует об основании союза, его членах и деятельности. Так, он упоминает Федора Высторопского, своего друга по гимназии, который позже стал ему кумом, а затем был отправлен в концлагерь Маутхаузен. Говоря о деятельности ССП, Крат рассказывает о помощи партизанам и Национально-освободительному движению приобретением удостоверений, обеспечением одеждой, сбором лекарственных средств, оружия и денег, а также о пропагандистских акциях, в ходе которых югославских подданных отговаривали ехать на работу в Германию [Тимофеjev, 2012, с. 260, 264]. Павел Крат покинул Сербию в 1951 г., уехав в Советский Союз.

Как один из членов Союза советских патриотов в сообщениях Управления государственной безопасности упоминается русский поэт Алексей Петрович Дураков, также член Национально-освободительного движения. Он учился в Морском кадетском корпусе в Петрограде, в мореходном училище во Владивостоке и в качестве эмигранта прибыл в Сербию в 1920 г. В Белграде Дураков учился на философском факультете университета, а в 1930 г. окончил кафедру сравнительной литературы университета в Скопье. В дальнейшем А.П. Дураков работал учителем в гимназиях во Вранье, Куршумлии и Лесковце, занимался поэзией и переводами². Он был членом литературного кружка «Гамаюн» с 1923 г. и членом белградского филиала парижского литературного общества «Перекресток» с 1928 г. Литературные работы Дуракова публиковались в российских эмигрантских изданиях, выходивших в Югославии, Чехословакии и Финляндии. В «Антологии новой югославянской лирики», опубликованной в 1933 г. в Белграде, были напечатаны и некоторые из его переводов [Танин, 2009, с. 156–157].

После начала Второй мировой войны А.П. Дураков присоединился к антифашистскому движению. В 1943 г. он был в очередной раз арестован фашистами и отправлен на принудительные работы в Германию. Из-за серьезной болезни был возвращен в Сербию в 1944 г. и присоединился к партизанам в мае того же года. Дураков погиб 12 августа в 1944 г. в селе Прогар (Воеводина), прикрывая отступление своего батальона, который

² Семейный архив М. Иванникова. Хочу особенно поблагодарить Александра (Сашу) Иванникова, сына Михаила Иванникова, который предоставил для этой работы документы из семейного архива, среди которых были данные об Алексее Дуракове, тесно связанным с их семьей.

ОПШТИ УПИТНИК

1.	Презиме (очево име) и име	KRAT (RODION) LJUDMILO				
2.	Рођења	дан, месец и година	13 septem. 1906 god.			
		место, срез и округ	Iževski Zaved (Vjatska) SSSR			
		Народна република	Rusija			
3.	Држављанство	SSSR				
4.	Народност	ruskinja				
5.	Брачно стање	udata				
6.	Имово стање	Немам некретнаге				
7.	ЧЛАНОВИ ПОРОДИЦЕ (жена, муж, деца, родитељи)	Име	сродство	датум рођења	занимље и мес. приход	имовно стање некретнаге
		per. Rodica	otac	1863	voj. inž.	нема некрет.
		per. Мама	мајка	1873	домаћица	нема некрет.
		PAVLE	муш	1907	архитекта 4.400	нема некрет.
		MARIJANA	кћи	1941	дете	нема некрет.
		Са ким живи у заједничком кућнству	Žивим са мужем, дететом и севкрвом			
8.	Квалификације	школска спрема	Технички факултет архитектурски отсек 1935 год. у Београду.			
		стручна спрема	архитекта			
		да ли има какве стручне испите и које	немам стручне испите			
9.	Које стране језике говори	Петруме говорим; руски и француски служим се речећи речећи енглеским, бугарским и енглеским.				
10.	ДОСАДАШЊА ЈАВНА СЛУЖБА (функције, знања и разврстања)	до 6 априла 1941 г.	Од 1 јануара 1940 год. у Тех. Дирек. бив. О. Г. В.			
		од 6 априла 1941 г. до ослобођења	Од 6 априла 1941 год. до јуна 1942 год. била сам у Тех. дирек. О. Г. В. када сам отпуштена.			
		од ослобођења до уписа у упитник	Од априла 1946 год. до данас налазим се у служби Техничког оделјења И. Н. О. а.			
11.	Досадашња приватна служба и пракса	Од 1935 до 1936 год. радила сам као архитекта код арх. Паркова а од 1936 до 1940 код арх. Најмана.				

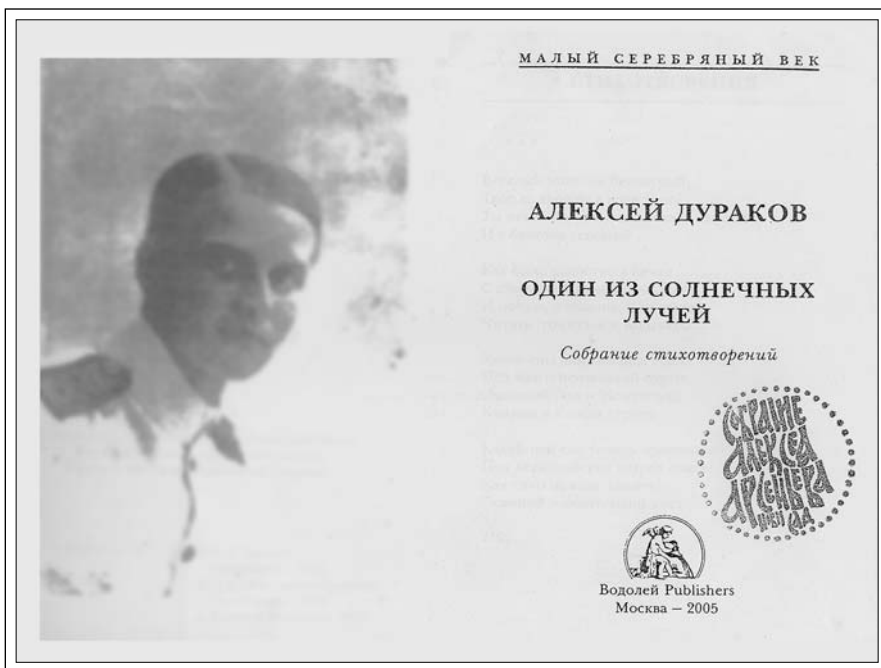
Цена 1— динар

П. лн. 536/46

Издање и штампа Југословенског штампарског предузећа — Београд

Лично дело архитектора Л. Крат.
Исторически архив Белграда

Фронтиспис и титульный лист книги А. Дуракова «Один из солнечных лучей» (М., 2005).
Семейный архив М. Иванникова

находился под пулеметным огнем³. О смерти Алексея Дуракова говорили на официальной сессии ССП в Русском доме, которая была организована в честь празднования освобождения. В подготовке торжества, очистке от щебня и завалов Русского дома, которые стали следствием боев за освобождение Белграда, принимала участие вдова Дуракова Любовь Михайловна Дуракова, а также Павел Крат и Джордже Лобачев с женой и другие члены ССП [Тимофе́ев, 2012, с. 270–271].

Президиум Верховного Совета СССР посмертно наградил русского эмигранта Алексея Дуракова орденом Отечественной войны II степени в 1963 г., однако орден до сих пор не передан его вдове и семье. Имя А.П. Дуракова занесено на памятную доску гимназии в г. Вранье вместе с именами других учеников и учителей, погибших в освободительной войне и социалистической революции 1941–1945 гг.

Среди видных членов Союза советских патриотов был Джордже Лобачев, иллюстратор и один из самых плодовитых мастеров графики, который заложил основы сербского и югославского комикса. Он учился в русско-сербской гимназии в Белграде и в Белградском университете, получил диплом по истории искусства [60 godina, 1995, с. 6–7; Руска емиграција, 1999, с. 1–2]. Во время немецко-фашистской оккупации свой художественный талант Лобачев поставил на службу высоким гражданским целям. Он собирал германские фотодокументы для ССП, делал пропуска и печати и благодаря знанию сербского языка был переводчиком в Красной армии. В 1997 г. Джордже Лобачев опубликовал мемуары в белградском издательстве «Просвещение» [Лобачев, 1997]. Он подробно описал, как его назначили в так называемую тройку Сергея Маркова, занимавшуюся перемещением людей в партизанские отряды; как отдельные члены ССП вступали в Красную армию, вели отряды через Белград, работали переводчиками и помогали армии продуктами питания и медикаментами. Особо художник остановился на своей встрече с Владимиром Ивановичем Ждановым, чьим личным переводчиком он был в течение пяти дней боев в Белграде [Лобачев, 1997, с. 126–129]. Немало страниц Д. Лобачев посвятил в своей книге героической смерти А.П. Дуракова, наводчика фрушкогорского отряда, и о полученных им семнадцати ранениях [Лобачев, 1997, с. 176]. Супруга художника, Е.К. Лобачева, также была активным членом ССП и прятала военнопленных, бежавших из немецких лагерей [Танин, 2009, с. 155].

³ Семейный архив М. Иванникова.

Русская интеллигенция в борьбе против фашизма в Белграде

Изучение вклада русской интеллигенции в борьбу против фашизма в Белграде невозможно без рассмотрения новых архивных документов. В контексте социальных, политических и жизненных обстоятельств эти документы являются незаменимым источником на пути реконструкции единой комплексной картины и атмосферы, в которой жила русская эмиграция, и понимания ее противоречивой деятельности в Белграде.

В Историческом архиве Белграда находится фонд «Befehlshaber der Sicherheitspolizei und des Sicherheitsdienst» (BdS; Командующий полицией безопасности и службой безопасности), образовавшийся в результате работы немецкой полиции и Службы безопасности в Белграде и Сербии в период 1941–1944 гг. Фонд состоит из нескольких тысяч дел и содержит информацию о лицах, которые находились под наблюдением и подозрением, а также были арестованы немецкими службами. Часть фонда — это извлечения из дел тех лиц, которые упоминаются в архиве BdS, и дела членов и агентов BdS, созданные после войны для нужд Департамента по защите народа и Управления государственной безопасности.

При подготовке настоящей статьи были просмотрены отдельные досье русских эмигрантов с высшим образованием, которые по разным причинам были арестованы и подозревались в антинемецких действиях. В досье в дополнение к личной информации можно найти допросные записи и переписку между различными учреждениями безопасности и других органов власти. Документы составлены на немецком языке⁴.

Кроме данных на архитектора Павла Крата, просмотренные архивные документы Исторического архива Белграда содержат информацию об антифашистской деятельности и других русских эмигрантов, в том числе инженеров и архитекторов муниципалитета города Белграда, которые во время оккупации действовали самостоятельно, вне организованных групп Сопротивления, и распространяли коммунистические идеи. Так, инженер Александр Иличенко (родился в 1895 г. в Ростове),

---

⁴ Перед освобождением, когда немецкие военные и полицейские власти покидали Белград, они забрали с собой весь архив, который создали во время оккупации. Архивные документы, конфискованные Красной армией, сразу после войны перешли к югославской власти. Архивные материалы неполные. Фонд был принят в 1982 г. и стал доступным исследователям только в 1995 г. В Историческом архиве Белграда находятся также документы департамента специальной полиции Управления города Белграда и книги личных данных заключенных концлагеря Белград-Баница.

Einsatzkommando Belgrad.
- IV A -

Belgrad, den 10. Oktober 1941

Da gegen die A l e k s i n s k i weder hier noch bei serbischen Spezialpolizei irgendwelche Vorgänge sind und auch sonst keine weiteren belastenden Unterlagen vorliegen, wurden auf Anordnung des SS-Oberstuf. Wienecke keine weiteren Erhebungen mehr durchgeführt.

Die A l e k s i n s k i wurde nach ihrer Vernehmung wieder entlassen.

Geschlossen:.....
SS-Hauptscharführer.

Belgrad, den 10. Oktober 1941.

Verfügung.

Über ^{Mr.}agebuch und Kartei (in Reg. zum Pers. Akt.
mit 1 Durchschrift.

J.A.
SS - Oberstuf.

STAMP: VERKEHRSPOLITISCHES BÜRO
VERKEHRSPOLITISCHES BÜRO
VERKEHRSPOLITISCHES BÜRO

№. des Dokuments	NUMM.	PLATZ	PLATZ
74-a	6		

Досье немецкой службы безопасности на Н. Алексинского.
Исторический архив Белграда

R. F. Sicherheits-Dienst

Nachrichten-Übermittlung

9

Aufgenommen				Befördert				Raum für Eingangsstempel
Tag	Monat	Jahr	Zeit	Tag	Monat	Jahr	Zeit	
von				13.	IX.	1941		<div style="font-size: 1.5em; font-weight: bold;">H</div> <div style="font-size: 1.5em; font-weight: bold;">K</div>
	durch			am		durch		
				Betriebsgerätesvermerk				
Nr. 2003								
Telegramm — Funkpruch — Fernschreiben — Fernspruch								

An das
Reichssicherheitshauptamt
IV D 3 a
B e r l i n.
=====

H-47 Betr.: A l b o f f Alexander, geb. am 29.6.01 in Lomza und
A l b o f f Tatjana, geb. am 19.6.03 in Lublin.
Vorg.: Dort. FS. Erl. vom 29.8.41 IV D 3 a Tgb.Nr.1986/41.

Nach Mitteilung der GFP., Gruppe 20, Belgrad, wurde A l b o f f Alexander am 16.4.41 wegen Betätigung für den englischen Nachrichtendienst festgenommen und in das Gefängnis der Sicherheitspolizei eingeliefert und am 5.6.41 der Geheimen Staatspolizei Wien überstellt.

A l b o f f Tatjana wurde am 22.5.41 wegen Spionageverdacht festgenommen und in das Polizeigefängnis der Sicherheitspolizei Belgrad eingeliefert. Da sich der Spionageverdacht gegen A l b o f f Tatjana nicht bestätigt hatte, wurde sie am 9.8.41 aus der Haft entlassen.

Bei der hiesigen Dienststelle ist über die Genannten Nachteiliges nicht bekannt.

сотрудник архитектурной дирекции муниципалитета города Белграда, в 1941 г. был уволен как коммунист, а затем арестован гестапо⁵. Он занимался пропагандистской деятельностью среди студентов и проводников Государственной трамвайной школы и распространением нелегальных материалов Коммунистической партии Югославии в Белграде. Инженер-архитектор Яков Аврамович Козинский оказывал значительную финансовую поддержку антифашистскому движению, особенно участникам демонстрации 27 марта в 1941 г.⁶ Другой инженер — Николай Алексинский (родился в 1895 г. во Владимире) был арестован сербской полицией как коммунист и сторонник Народно-освободительного движения Югославии. Алексинский эмигрировал в КСХС в 1920 г. Он окончил лесохозяйственный факультет Белградского университета в 1924 г. и работал там же с 1925 г. После Второй мировой войны Алексинский поступил на работу в Министерство лесов, где участвовал в создании Научно-исследовательского института лесоведения и стал начальником отдела эксплуатации⁷. По подозрению в распространении запрещенных агитационных материалов был арестован и инженер-архитектор Александр Челпанбаев (родился в 1894 г. в Мариуполе). Вместе с войсками генерала П.Н. Врангеля он попал в КСХС и изучал архитектуру на техническом факультете Белградского университета, а затем работал в Технической дирекции по украшению парков⁸.

Архивы сохранили документы о деятельности еще ряда русских эмигрантов. Александр Альбов (родился в 1901 г. в Ломже) был раненым эвакуирован из Крыма в КСХС. Он окончил юридический факультет Белградского университета и благодаря отличному знанию сербского и английского языков в течение 1940 г. работал журналистом — сотрудником ряда информационных агентств и редакций, для которых реферировал утренние выпуски югославских газет и переводил политические статьи. Такая работа была не редкостью для тех, кто свободно владел иностранными языками⁹.

По подозрению в коммунистических настроениях был арестован и живший в Белграде Леонид Мачковский (родился в 1889 г. в Москве). Агент VdS сообщал, что он был связан с Ф.Е. Махиным и писал в левом духе, пытаясь навязать признание большевистского режима. В материалах VdS отмечено, что Мачковский, несомненно, враждебно относился

⁵ ИАБ. Ф. VdS. Д. G-166; A-116.

⁶ Там же. Д. A-116.

⁷ Там же. Д. A-74.

⁸ Там же. Д. C-75.

⁹ Там же. Д. A-47.

к немцам и что его необходимо рассматривать как неблагонадежного¹⁰. Среди подозреваемых в симпатиях к СССР был актер Михаил (Миша) Дутровский, который работал в театрах Риги и Белграда. В досье говорилось, что он склонен к коммунистической пропаганде и подозрительным встречам. Как и в большинстве случаев, «дело» завершилось констатацией, что актер ничего не говорил против Германии и что основания для наказания отсутствуют¹¹. Неполное полицейское досье есть и на Ивана Чечена (родился в 1892 г. в Киеве), агроинженера, работавшего в Министерстве экономики¹².

Полиция проверяла и искала коммунистическую пропаганду и среди студентов-эмигрантов, проживавших в русском общежитии в Белграде (Сеньяк, ул. Косты Главинича, д. 2). Наблюдение велось за конкретными студентами. Например, Михаила Горенко подозревали в том, что на чердаке общежития у него есть радио, по которому слушались новости из Лондона и Москвы. Студенту технического факультета Павлу Извекову (родился в 1912 г.), известному немецкой службе безопасности как левый активист, удалось покинуть Белград, и против него не смогли начать расследование¹³. В то же время слежка за студентами Ильей Жеребковым (родился в 1909 г. в Тифлисе; юридический факультет), Александром Котлеровым (родился в 1912 г. в Екатеринодаре; медицинский факультет), Евгением Неверовским (химик), Евгением Поляковым (родился в Одессе в 1903 г., технический факультет) не дала результатов.

Представители русской эмигрантской художественной интеллигенции в борьбе против фашизма

Жорж Скрыгин и Михаил Иванников — редкие художники, которые создавали свои новые произведения именно в рамках движения Сопротивления. Но тогда они даже не подозревали, что войдут в первый ряд мастеров сербской фотографии и кино и что их достижения военного периода продолжат жить и после Второй мировой войны как бесценная часть сербской культуры.

¹⁰ ИАБ. Ф. BdS. Д. М-2353.

¹¹ Там же. Д. D-184.

¹² Там же. Д. С-181.

¹³ Там же. Д. G-274.

Георгий (Жорж) Скрыгин, артист балета, а потом и режиссер, недолго работал в Белграде руководителем Национального театра (1945) [Мајданац, 2011, с. 266, 370] и присоединился к партизанскому движению в Загребе. Он стал известным военным фотографом, и его камера зафиксировала многие важнейшие события войны. Ж. Скрыгин создал самый значительный корпус снимков периода Второй мировой войны в истории сербской фотографии. В его коллекции более чем 500 работ, которые сегодня, как ценный национальный фотоматериал, частично хранятся в Музее истории Югославии, а также фрагментарно в Музее Второй сессии АВНОЮ в Яйце (Босния и Герцеговина).

Фотографии Скрыгина составили замечательную коллекцию, свидетельствующую о повседневной военной жизни, раненых и беженцах; это сцены борьбы и пылающих деревень и в то же время — войсковых смотров и боевых действий. Если говорить о качестве и объеме военных фотографий, то Скрыгина можно сравнить с Самсоном Черновым (1887–1929), русским автором непревзойденного корпуса фотографий, сделанных во время Первой мировой войны.

До войны Жорж Скрыгин снимал портреты и пейзажи и даже получил первый приз на фотовыставке в Буэнос-Айресе в 1939 г. Он также активно участвовал в деятельности «Фотоклуба» в Загребе, и его влияние заметно в работах белградских фотографов — членов этого клуба [Малић, 2004, с. 307].

Весной 1942 г. с группой художников из семи человек Скрыгин присоединился к партизанскому движению, где посещал различные военные курсы и даже участвовал в нескольких маневрах Первой школы офицеров [Скригин, 1968, с. 20]. Одновременно он был активным членом Театра национального освобождения при Верховном штабе Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии.

Вскоре после вступления в партизанский отряд художники получили задание подготовить празднование 1 Мая в Коренице на тему антифашистской борьбы. Из-за дефицита времени на написание сценария Скрыгин решил исполнить фольклорный танцевальный номер без музыкального сопровождения — казачий народный танец гопака, для которого имел необходимый костюм: красную рубашку, большие синие брюки и меховую шапку. В своих воспоминаниях он пишет: «Спектакль был на импровизированной сцене, на рынке в Коренице, где объявили: “Сейчас вы увидите настоящего русского из России, который для вас станцует русский танец”, и народ взволнованно восклицал: “Да здравствует Россия!”». Труппа выступала на освобожденных территориях, в основном сербских, и никто не мог поверить, что среди них есть русский. Ввиду этого орга-

низовали ускоренный курс для труппы и расширили балетный репертуар. Скрыгин, как лидер балетной труппы, выбрал несколько русских народных мелодий и поставил символические танцы с темами о жизни в СССР в предвоенное время, во время войны, а затем и его победы. Этот номер, в дополнение к огромным успехам предыдущего («Русские танцы»), показывался более 2000 раз, и его исполняли везде, где это было возможно [Скрыгин, 1968, с. 73]. Позже балетная труппа увеличилась, включив и профессиональных танцоров, которые выступали даже после двенадцатичасового перехода по горам. Скрыгин в своей сумке через все сражения пронес концертный костюм: красную рубашку, специально сшитую для «Русских танцев» из спектакля на 1 Мая 1942 г. в Коренице.

Для выступления в Яйце недалеко от Прнявора в дни празднования годовщины русской революции и Второй сессии АВНОЮ программа Театра национального освобождения была значительно расширена и подготовлен целый балет по русским сюжетам. Так, в Соколане в память о русской революции давали гоголевского «Ревизора», в котором Скрыгин сыграл второстепенную роль уездного врача Христиана Ивановича, который говорил о разрушенной России [Скрыгин, 1968, с. 215].

Фотографу удалось снять освободительное наступление югославских партизан на Неретве, Козаре, Сутьеске и обе сессии АВНОЮ. Его камера фиксировала сцены из жизни и людей на освобожденных территориях, больницы и раненых, моменты передышки между сражениями. Боевые действия он снимал ручной камерой с особой позиции, иногда — пока пули свистели над головой [Скрыгин, 1968, с. 22]. Скрыгин — автор военной портретной фотографии; на его снимках широко представлены лица командиров, бойцов и гражданских лиц. Почти все его работы отличаются высоким художественным и эстетическим качеством. Почти всегда подчеркивая психологизм события, Скрыгину удалось соединить «обнаженный реализм содержания и пикториализм формы» [Малић, 2004, с. 309].

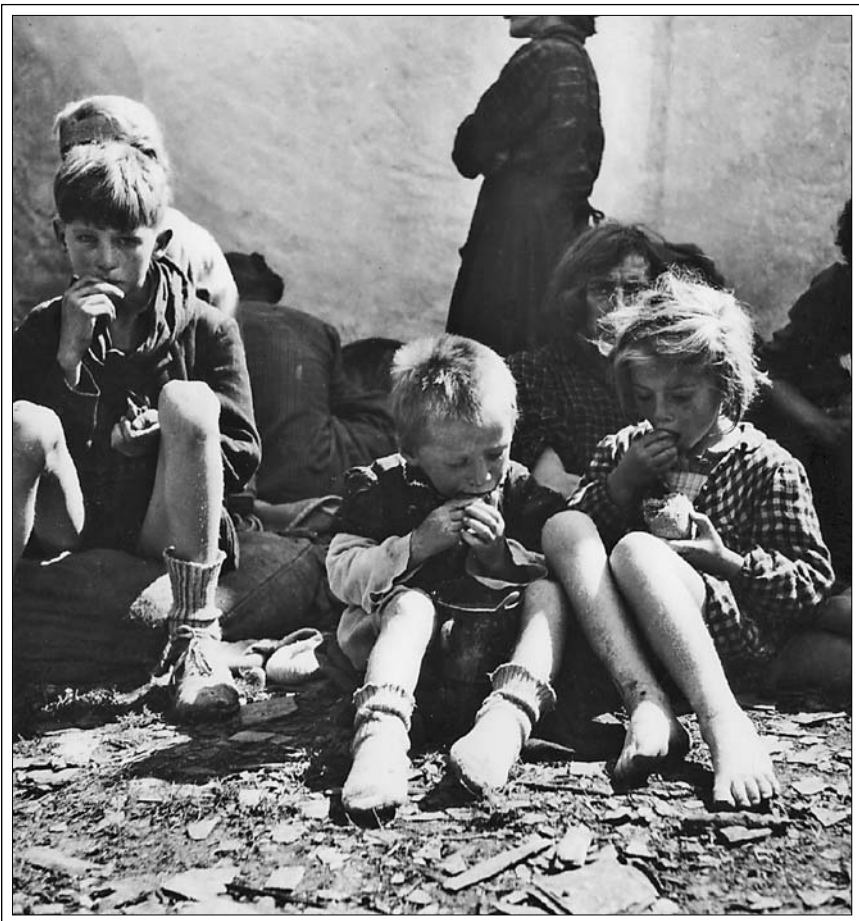
Он автор одной из самых трогательных фотографий, на которой показано страдание сербского народа во время Второй мировой войны. Эта фотография была сделана во время шестого немецкого наступления — женщина-беженка с ребенком на спине. Скрыгин так описывает ее в своих мемуарах: «...за нами следила группа беженцев, среди которых и одна женщина, которая была в нескольких шагах от всех, с одним ребенком, которого держала за руку, и вторым, которого она носила на шее, и с мешком еды. Глубоко в мыслях, с рукой на лице, она не обращала внимания на меня и камеру, а только сказала: “Сначала они убили моего мужа, а теперь сожгли дом”» [Скрыгин, 1968, с. 244].

*Ж. Скрыгин во время IV наступления.
Гламоч. 1943. Музей истории Югославии*

*«Русские танцы». Мира Санина и Жорж Скрыгин.
Яйце. 1943. Музей Второй сессии АВНОЮ*

Беженцы из Дрежицы. Горски-Котар. 1942.
Фото Ж. Скрыгина. Музей истории Югославии

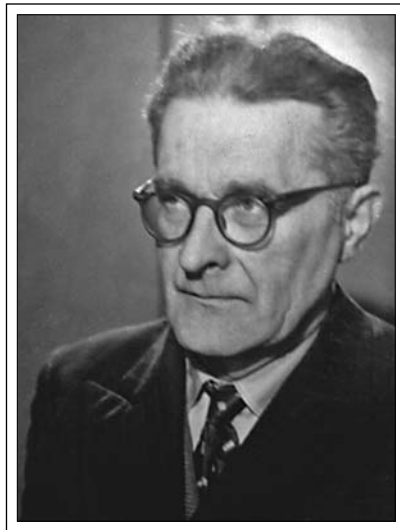
Мать Кнежополька.

Женщина с детьми оставляет дом после сожжения деревень
в ходе VI наступления. Кнежополе (Козара). 1943.

Фото Ж. Скрыгина. Музей истории Югославии

М.Д. Иванников на фронте. 1944–1945.
Семейный архив М. Иванникова

М.Д. Иванников. 1960-е гг.
Семейный архив М. Иванникова

Нормальные условия для съемки, конечно, отсутствовали [Малић, 1991]. Скрыгин пишет, что после окончания боев он ждал, когда стемнеет, и в маленьком лесу проявлял пленку — брал горсть песка, два итальянских судка и в них растворял химикалии. Для обработки негатива нужно было ждать, чтобы совсем стемнело, и он отсчитывал время, глядя на часы. «...Других условий для работы не было, и все с нетерпением ждали, чтобы увидеть фотографии» [Скрыгин, 1968, с. 25].

После войны Жорж Скрыгин стал одним из ведущих кинорежиссеров и операторов сербской кинематографии. Он был награжден многими медалями, в том числе объявлен первым в Сербии обладателем титула «Мастер фотографии» [Малић, 2009, с. 183]. Похоронен на аллее Заслуженных деятелей («великанов») на Новом кладбище в Белграде.

Михаил Дмитриевич Иванников, которого в белградской среде ласково прозвали «Дедушка», — еще один классик кинематографии, среди работ которого особо выделяется тема Второй мировой войны. Он также работал с Жоржем Скрыгиным. После Октябрьской революции Иванников эмигрировал из России и через Турцию, Чехословакию и Францию к 1930 г. добрался до Белграда, где жили его родители и сестра. Он учился на Русском юридическом факультете в Праге (1924–1925) и в Православном богословском институте при Сергиевском подворье в Париже (1926–1928), однако законченного высшего образования так и не получил. В Чехословакии и Франции Иванников начал публиковаться в русских эмигрантских журналах [Koalrić, 1997, с. 191] и продолжил занятия прозой и в белградской среде, где был членом кружка «Литературная среда» и Союза русских писателей и журналистов. Его поэтический стиль нередко сравнивали с И.А. Буниным, В.В. Набоковым и особенно Александром Солженицыным, указывая на общую манеру так называемой полифонической прозы [Koalrić, 1997, с. 192]. До начала Второй мировой войны Иванников работал кинооператором для студий «Югославское учебное кино» (основана в 1931 г.) и «Артистик кино» (основана в 1926 г.). После войны Михаил Дмитриевич стал ведущим оператором Белградского телевидения, и его творческое наследие — 138 кинорепортажей, 16 документальных фильмов, 2 художественных фильма, а также один сценарий и две режиссерские работы в кино, что делает его одним из патриархов сербской и югославской кинематографии [Момчиловић, 1992; Косановић, 2000, с. 95].

Что касается военной биографии Иванникова, то, как известно, он с двумя кинооператорами снимал демонстрацию 27 марта 1941 г. [Савковић, 1994, с. 26], а как оператор киносекции Верховного штаба Национально-освободительной армии — репортажи о многих важных событиях, а также проводил курсы практических съемок для киноопе-

раторов-журналистов [Koalrić, 1997, с. 26]. Незадолго до освобождения Белграда несколько белградских операторов были отправлены на Сремский фронт, где их предоставили в распоряжение I корпуса Народно-освободительной армии Югославии, в то время как другая группа кинооператоров-журналистов осталась работать в Белграде с документами для беспрепятственного передвижения по городу, у них была возможность съемок всех важных событий [Савковић, 1994, с. 163]. Один такой документ из штаба Первой пролетарской бригады получил М. Иванников с правом съемки всех объектов для создания исторического фильма и киноархива об освобождении Югославии от врага. Кроме того, документ предписывал всем компетентным органам оказывать ему поддержку и не вмешиваться в его работу [Момчиловић, 1992].

Несмотря на нехватку оборудования и киноматериалов, Киносекция Югославии также организовала учебный курс для подготовки молодых фоторепортеров и кинооператоров с 7 декабря 1944 г. до 5 марта 1945 г. Курсы проводил Коста Новакович (1895–1953), оператор и до войны владелец кинотеатра «Касина», а практические съемки — русский эмигрант Иванников. В документах упоминается, что Косту Новаковича и Иванникова считали единственными настоящими специалистами в этой области [Савковић, 1994, с. 163].

В мае 1945 г. Иванников оказался на Сремском фронте с войсками, которые освободили Загреб, он снимал их триумфальный вход в город. Из этого киноматериала вместе с кадрами хорватского «Сликаписа», на которых был снят вход партизанских подразделений Первой и Второй армий, был смонтирован десятиминутный рассказ об освобождении Загреба и последнем дне войны, показанный в первом номере «Киноновостей» [Момчиловић, 1992]. М.Д. Иванников с еще восемью операторами был также автором фильма «Белград» (1945), который рассказывал документальную историю города с 1938 г. до освобождения в 1944 г. Фильм хранится в Архиве югославского кино в Белграде [Савковић, 1994, с. 291].

Заключение

Среди русских эмигрантов, бежавших от Октябрьской революции в Королевство СХС / Югославию, значительную часть составляли представители российской интеллектуальной элиты. Большая часть из них получили образование еще в царской России. В королевство они прибыли уже в ста-

тусе сформировавшихся профессионалов, что позволило им в значительной степени улучшить архитектурный облик Белграда и других городов КСХС. Они внесли значительный вклад в урбанистическое, архитектурное, культурное и научное наследие и заметно повысили профессиональный уровень многих сербских гуманитарных сообществ (литературное и изобразительное искусство, кино, театр, опера, балет, комикс). Во время Второй мировой войны и фашистской оккупации русские эмигранты вновь оказались перед еще одним кардинальным выбором.

Лучший способ спасти от забвения вклад русских эмигрантов-интеллектуалов в борьбу против фашизма в Белграде — провести комплексный анализ и историографическую реконструкцию их действий на основе архивных исторических источников. Благодаря такому анализу будут точнее определены роль, место и значение многих известных эмигрантов российского происхождения в культурной истории Белграда и Сербии XX в. Юбилейная 70-я годовщина освобождения Белграда от фашизма предоставляет возможность еще раз привлечь внимание к важной роли русской эмиграции в сербской среде и ее выдающимся представителям, которые мужественными антифашистскими действиями способствовали борьбе против оккупации Югославии.

Нет никаких сомнений, что в эту область русские интеллигенты в Белграде внесли значительный вклад. Они действовали или организовано в подпольных группах (Союз советских патриотов) и помогали движению Сопротивления, или личными инициативами, каждый в отдельности, но поддерживали антифашистское движение и борьбу против фашистской оккупации Югославии. Представители молодого поколения русской эмиграции, которые учились и профессионально утвердились уже в Королевстве Югославия и карьеры которых были связаны с Белградом, были недвусмысленны в своих антифашистских устремлениях. Некоторые представители русской интеллигенции, ее выдающиеся специалисты и интеллектуалы в годы войны работали в областях своих профессий в Белграде, а после ее окончания остались жить и работать в столице Югославии. Здесь они создали многие замечательные произведения, оказав значительное влияние на интеллектуальную и художественную жизнь города. Они и по сей день остаются неотъемлемой частью сербского культурного окружения и уважаемыми гражданами Белграда. Наконец, все вместе они как бы следовали девизу Гамлета: *Будьте готовы — вот и всё!* Так они жили, честные и готовые к любому повороту в своей судьбе — даже к такому, когда после окончания Второй мировой войны они снова, в третий раз, попали на путь эмиграции, на этот раз в отдаленные районы Латинской Америки.

СОКРАЩЕНИЯ

АВНОЮ (AVNOJ) — Антифашистское вече народного освобождения Югославии

АО — Архитектурный отдел

ИАБ — Исторический архив города Белграда, Белград, Республика Сербия

КСХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев

ОГБ (OGB) — Муниципалитет города Белграда

ССП — Союз советских патриотов

BdS — Befehlshaber der Sicherheitspolizei und des Sicherheitsdienst

ЛИТЕРАТУРА

Танин, 2009 — Танин С.Ю. Русский Белград. М., 2009.

Арсењев, 1994 — Арсењев А. Биографски именик руских емиграната // Руска емиграција у српској култури XX века. II. Београд, 1994.

Кадидевић, 1994 — Кадидевић А. Изложбе руских архитеката у Београду између два светска рата // Руска емиграција у српској култури XX века. I. Београд, 1994.

Кадидевић, 1999 — Кадидевић А. Крат Павел Васиљевич. Рукопис. 1999.

Косановић, 2000 — Косановић Д. Лексикон пионира филма и филмских стваралаца на тлу Југословенских земаља 1896–1945. Београд, 2000.

Лобачев, 1997 — Лобачев Ђ. Кад се Волга уливала у Саву: Мој животни роман. Београд, 1997.

Мајданац, 2011 — Мајданац Б. Позориште у окупираној Србији. Београд, 2011.

Малић, 1991 — Малић Г. Поново ратним стазама 1941–1945 // Фотографија код Срба 1839–1989. Београд, 1991.

Малић, 2004 — Малић Г. Допринос руских фотографа српској култури у XIX и XX веку // Годишњак Музеја града Београда. Књ. LI. Београд, 2004. С. 287–314.

Малић, 2009 — Малић Г. Летопис српске фотографије 1839–2008. Београд, 2009.

Миленковић, 1997 — Миленковић Т. Руски инжењери у Југославији 1919–1941. Београд, 1997.

Момчиловић, 1992 — Момчиловић Д. Михајло Ивањиков — Живот и дело: Дисертација, заштитена на кафедре кино- и телесъемки факултета драматическог искуства Белградског университета в июне 1992 г.

Руска емиграција, 1999 — Руска емиграција — Илустратори (каталог 40. златног пера Београда 5. међународног бијенала илустрације). Београд, 1999.

Савковић, 1994 — Савковић М. Кинематографија у Србији током Другог светског рата 1941–1945. Београд, 1994.

- Скригин, 1968 — Скригин Ж. Рат и позорница, 1968: Туристичка штампа. Београд, 1968.
- Тимофејев, 2012 — Тимофејев А. Савез совјетских патриота — Антифашистичка организација руских емиграната у Србији 1941–1945 // Токови историје, бр. 3. Београд, 2012. С. 257–277.
- 60 godina 1995 — 60 godina domaćeg stripa u Srbiji: 1935–1995: (katalog XXXII likovnog susreta). Subotica, 1995.
- Kadijević, Đurđević, 1998 — Kadijević A., Đurđević M. The Architecture of Russian emigrants in Yugoslavia in the period between the World wars // Spatium 3. Београд, 1998. Р. 15–22.
- Koalrić, 1997 — Koalrić B. Filmska delatnost ruskih emigranata u Beogradu i Jugoslovenskim zemljama u prvoj polovini XX veka // Zbornik radova Fakulteta dramskih umetnosti. Br. 1. Београд, 1997. Р. 181–198.

Документы Архива Югославии об участии российских эмигрантов в борьбе с фашизмом в Югославии в годы Второй мировой войны

Р. Радженович

Белград, Республика Сербия, Архив Югославии

e-mail: ranka.radjenovic@arhivyu.rs

m.saradnja@arhivyu.rs

Documents of the Archive of Yugoslavia toward the Russian Emigrants — Members of the Yugoslavian Resistance During the World War II

R. Radzenovich

Belgrade, Republic of Serbia, Archive of Yugoslavia

e-mail: ranka.radjenovic@arhivyu.rs

m.saradnja@arhivyu.rs

Нападение фашистской Германии на Югославию и начавшаяся война против СССР поставили перед российскими эмигрантами в Югославии проблему выбора. Некоторые из них оказались на стороне нацистов, некоторые — как лояльные граждане новой родины — участвовали в скоротечной Апрельской войне 1941 года, некоторые вступили в ряды Сопротивления. В конце 1941 г. в Белграде был создан Союз советских патриотов. Одним из первых его членов был врач Владимир Александрович Лебедев, позднее в Союз вступили известный историк литературы, профессор Белградского университета Илья Голенищев-Кутузов и филолог Всеволод Тумин. Члены организации занимались изданием прокламаций, сбором санитарных материалов, укрыванием военнопленных, бежавших из немецких лагерей, переправкой людей в партизанские отряды, а затем, примерно в 1943 г., решили присоединиться к Народно-освободительному движению и Коммунистической партии Югославии и стали уходить в партизанские отряды. Многие члены ССП погибли, попали в лагерь, а некоторым удалось выжить и даже вернуться на историческую родину.

Документов периода Второй мировой войны в Архиве Югославии немного, тем не менее через материалы двух архивных фондов можно восстановить часть истории. Речь идет прежде всего о фонде Центрального комитета Коммунистической партии Югославии. В ходе народно-освободительной борьбы члены ЦК никогда не встречались на заседаниях в полном составе, но функции ЦК выполнялись несколькими членами Политбюро и ЦК, соратниками И.Б. Тито, генерального секретаря Коммунистической партии Югославии и верховного главнокомандующего Народно-освободительной армией Югославии. В основном они находились в центрах освобожденных территорий, сначала в Ужице, затем в Фоче, Бихаче, Яйце, Дрваре, на острове Вис, во Вршаце, Белграде. Члены ЦК КПЮ направляли директивы, инструкции и оценки важных вопросов вооруженной борьбы областным и районным руководителям КПЮ, политотделам, политическим комиссарам бригад, а они в свою очередь направляли свои отчеты в ЦК Коммунистической партии Югославии. В Архиве Югославии также сохранилась и переписка между ЦК КПЮ с Коминтерном. Важной частью фонда является документация радиостанции «Свободная Югославия», которая по заданиям ЦК КПЮ с 11 ноября 1941 г. до февраля 1942 г. информировала югославскую общественность и другие антифашистские силы в мире о народно-освободительной борьбе в Югославии через свои ежедневные передачи из СССР.

Из документов фонда ЦК КПЮ узнаем о борьбе русских эмигрантов в рядах НОАЮ. Так, Вальтер (псевдоним И.Б. Тито) в письме Исполнительному комитету Коммунистического интернационала от 31 августа 1942 г. из Гламоча (Босния) пишет, что в Верховном штабе с самого начала партизанской войны находился русский эмигрант, полковник Федор Махин, который занимался пропагандистской деятельностью¹. Речь идет о бывшем офицере царской армии, который родился в Иркутске в 1882 г. В ходе Первой мировой войны в Добрудже он присоединился к Сербской добровольческой дивизии, был с ней на Салоникском фронте и в составе сербской армии участвовал в прорыве этого фронта. Ф.Е. Махин находился в КСХС / Югославии с 1923 г., он возглавлял Земгор в Белграде, был основателем сербско-русского журнала «Русский архив», Общества для изучения советской культуры. В 1939 г. Махин вступил в КПЮ, с 1941 г. он участник Народно-освободительного движения, работал в отделе пропаганды Верховного штаба НОАЮ. В эти годы он писал статьи о причинах отсрочки открытия Второго фронта со стороны Англии для журнала

¹ АЮ. ЦК КПЮ-Ки. 1942/191.

«Партизан Крайины»², переводил различные статьи с русского языка из советской газеты «Правда» или переводил на русский документы, которые надо было послать из штаба НОАЮ³. Кроме того, он весьма активно занимался пропагандистской работой. Так, секретарь Областного комитета КПЮ Герцеговины Угleshа Данилович в отчете для ЦК КПЮ от 12 сентября 1943 г. сообщал о совместной агитационной работе с Ф. Махиным. Другой источник — находившийся в городе Задар политотдел 19-й ударной дивизии НОАЮ — в отчете ЦК КПЮ от 11 января 1945 г. рапортовал, что дивизия, после успешных боев за Книн и освобождения Далмации отдохнувшая около Задра, Бенковца и Биограда, использовала этот отдых для подготовки к дальнейшим боям, и в частности, поднимала идейный уровень бойцов, изучая брошюру Федора Махина «Наша регулярная армия»⁴. Подпись Ф.Е. Махина стоит и под письмом группы писателей, композиторов, художников, служащих загребского и белградского театров с протестом против четников «как предателей, убийц, фашистских врагов культурных деятелей и культуры», обнародованного радиостанцией «Свободная Югославия» после убийства четниками известного ученого и национального бойца, врача Симы Милошевича и молодого талантливого поэта и писателя Ивана Горана Ковачича⁵. Ф.Е. Махин умер в Белграде в 1945 г., будучи генерал-лейтенантом Югославской народной армии и начальником Исторического отдела Генерального штаба ЮНА. Похоронен на Новом кладбище в Белграде [Војна енциклопедија, 1973, т. 5, с. 710].

Еще одним генералом НОАЮ стал инженер Владимир Смирнов. Он родился в Ташкенте в 1899 г. и окончил технический факультет Белградского университета. Как и Ф.Е. Махин, он вступил в Народно-освободительное движение в 1941 г., а в КПЮ — в 1942 г. В годы войны В. Смирнов возглавлял Технический отдел Верховного штаба НОАЮ, который постоянно занимался уничтожением вражеских коммуникаций. В апреле 1942 г., чтобы задержать итальянские военные части на правом берегу реки Дрина, Верховный штаб принял решение разрушить три моста в Горажде и один в месте Устипрача (Босния), что и было сделано бойцами минерного взвода Верховного штаба, которыми руководил В. Смирнов⁶.

² Окружной комитет КПЮ Козары направил Областному комитету КПЮ Босанской Крайины протокол совещания, которое проводилось 20 и 21 сентября 1942 г. (АЮ. ЦК КПЮ-Ки. 1942/738).

³ Об этом Тито пишет Исполнительному комитету Коммунистического интернационала 16 мая 1943 г. из Джурджевича Тары (Там же. 1943/136).

⁴ Там же. 1945/13; 1943/287.

⁵ Там же. 1943/267.

⁶ Там же. 1942/82.

О другой акции повествует письмо И.Б. Тито члену ЦК КПЮ Сретену Жуйовичу от 31 июля 1942 г., в котором сообщается, что в целях нарушения коммуникаций между Купресом и Бугойном (Босния) Тито направил «товарища Смирнова» со ста килограммами взрывчатого вещества⁷. Еще через год, весной 1943 г., во время ожесточенных боев с немцами в Боснии и Герцеговине по приказу Тито инженерная рота Верховного штаба НОАЮ под командованием В. Смирнова уничтожила мосты на реках Неретва и Рама⁸. Однако далеко не все акции оказывались удачными. Так, после разрушения железной дороги и промышленных объектов в районе городов Тузла и Добой в Боснии на роту, которую возглавлял В. Смирнов, неожиданно напали немецкие военные, и рота потеряла связь с командованием⁹.

Сам Смирнов написал об этих акциях в опубликованных воспоминаниях «Сопровождающий батальон Верховного штаба НОАЮ» [Пратећи батальон, 1987]. Здесь он рассказал о своей первой встрече с И.Б. Тито в Фоче в 1942 г., который сказал, что ему (Смирнову) надо постоянно быть в Ставке и участвовать в создании инженерной группы. Причем задания он будет получать лично от Тито, а задачи инженерного типа ему надо будет выполнять сразу. Немало страниц этих мемуаров Смирнов посвятил рассказу о трудностях разрушения и создания мостов на реках Уна (Босния), Дрина (Сербия, Босния, Черногория), Неретва (Босния), у места Мратине, где встречаются реки Пива и Тара (Черногория).

Доктор Радослав Познанович, много лет возглавлявший Архив города Ужице в Центральной Сербии, написал книгу «Русские между Ерами», в которой рассказал о вкладе русских беженцев (инженеров, учителей, врачей, священников, рабочих) в развитие этого города. Он свидетельствует, что известный генерал и инженер Владимир Смирнов (Володя) руководил работой по постройке подземного хранилища Народного банка Югославии в Ужице. Во время войны, в 1943 г., он построил переправу через реку Неретва для НОАЮ во время вражеского наступления и тем самым спас четыре тысячи раненых [Познановић, 2007]. Эта история увековечена в кинофильме «Битва на Неретве» (1969)¹⁰.

⁷ АЮ. ЦК КПЮ-Ки. 1942/426.

⁸ Там же. 1943/75.

⁹ Марко (Александр Ранкович), организационный секретарь ЦК КПЮ, направил телеграмму Георгию Димитрову и радиостанции «Свободная Югославия» 18 июля 1943 г. с просьбой срочно сообщить по радио, что «Володя с пионерами и группа артистов» должны немедленно приехать в Верховный штаб. Через несколько дней рота успела вернуться (черновик телеграммы перевел Тито, АЮ. ЦК КПЮ-Ки. 1943/177).

¹⁰ Действие фильма происходит в начале 1943 г. в оккупированной немцами Югославии. Немецкая армия развернула по личному приказу Гитлера военную операцию (план «Weiss») про-

В. Смирнов закончил войну генерал-лейтенантом; в дальнейшем он был начальником Строительного управления, главным инженером Управления военного строительства и заместителем начальника строительного управления ЮНА. Награжден орденом «За заслуги перед народом» с золотой звездой, орденом Братства и единства с золотым венком. Скончался в Белграде в 1985 г. и похоронен на Новом кладбище [Војна енциклопедија, 1973, т. 8, с. 208].

Другой документ из фондов Архива Югославии раскрывает еще одно имя русского эмигранта — участника антифашистской борьбы в Югославии. В письме И.Б. Тито Георгию Димитрову и радиостанции «Свободная Югославия» от 13 августа 1943 г. рассказывается о добровольном переходе домобранского вараждинского артиллерийского полка армии Хорватии, с офицерами и полным вооружением, на сторону партизанской армии и присоединении к 12-й дивизии НОАЮ. Среди офицеров этого полка был и капитан Владимир Слободянинов¹¹. Документы, которые свидетельствуют об этом случае в Ялковце (Вараждин), находятся в фонде Народно-освободительной армии Югославии в Военном архиве в Белграде¹². Это событие упомянуто и в отчете штаба 4-й дивизии, направленном в Главный штаб НОА и ПО Хорватии¹³. О Владимире Слободянинове упоминает и Владо Дапчевич, который был комиссаром артиллерии 1-й пролетарской дивизии. В книге «Ибеовац, я Владо Дапчевич» он говорит, что в артиллерии было много русских и что без них было бы тяжело организовать воинские подразделения на современном уровне [Ђурувија, 1990, с. 49].

Владимир Слободянинов родился в 1906 г. в Сумах. В 1918 г. он поступил в Сумский кадетский корпус, с которым был эвакуирован из Крыма в ноябре 1920 г. в Королевство СХС. Здесь он окончил кадетский корпус в Белой Церкви, затем — Технический факультет и Военную ака-

---

тив югославских партизан. Партизаны в количестве 4500 человек, среди которых есть раненные и больные тифом, оказываются в окружении в ущелье реки Неретва в Боснии. Через реку перекинут лишь один мост, который они должны защитить от многократно превосходящих сил противника. Командующий, Иосип Броз Тито (не показан в фильме, лишь упоминается в нем), приказывает разрушить мост. Немцы передислоцируют свои силы на другую сторону, ожидая, что партизаны будут с боем выходить из окружения. Однако партизаны с Володей молниеносно строят временный мост и переходят на другую сторону ущелья, где вступают в конфликт с четниками. Роль Владимира Смирнова исполнял Юл Бриннер. Плакат к фильму был выполнен Пабло Пикассо, а музыку к нему написал Бернанд Херрманн, композитор, известный работами во многих фильмах Альфреда Хичкока. Фильм был номинирован на премию «Оскар» за лучший фильм на иностранном языке.

¹¹ АЮ. ЦК КПЮ-Ки. 1943/195.

¹² АВИИ. К. 1472. Док. 4/4 и 5/4.

¹³ Там же. К. 908. Док. 37–2.

демию в Белграде, откуда вышел в звании старшего лейтенанта артиллерии. С 1933 г. Слободянинов был связан КПЮ. После капитуляции югославской армии и оккупации страны в сентябре 1941 г. он включился в Народно-освободительное движение, по заданию КПЮ служил в домобранской армии Хорватии в Вараждине, а затем перешел в калничский партизанский отряд и 16-ю молодежную бригаду. С 1943 г. Слободянинов был помощником оперативного офицера 6-й дивизии по артиллерии. Когда дивизия ушла в Сербию, он стал заместителем комиссара дивизиона, а с 1 ноября 1943 г. — комендантом артиллерийского дивизиона 13-й дивизии. В течение 1944 г. Слободянинов являлся первым начальником штаба 35-й дивизии, начальником оперативного отдела 9-го корпуса и помощником начальника оперативного отдела Главного штаба Хорватии по артиллерии. С февраля 1945 г. он служил в Главном артиллерийском управлении Верховного штаба НОА и ПО Югославии в должности начальника организационно-кадрового и оперативного отдела. После войны Слободянинов был полковником, командующим артиллерией 2-й армии в Загребе. Здесь он ушел на пенсию и скончался в 1994 г. [Војни лексикон, 1981].

В документах Архива Югославии за март 1944 г. встречаемся с еще одним русским эмигрантом. Это Алексей Гаврильченко, командующий артиллерией 1-го пролетарского корпуса НОАЮ¹⁴. Он выпускник Крымского кадетского корпуса 1926 г., затем окончил Югославскую военную академию (1929). В марте 1943 г. капитан Гаврильченко, мобилизованный в армию Хорватии, захватив артиллерийскую батарею, перешел к югославским патриотам. В Военном архиве находится приказ штаба 1-й пролетарской ударной дивизии НОАЮ от 3 мая 1943 г. о создании горного батальона и назначении А. Гаврильченко командиром этого батальона¹⁵. Там же хранится и другой приказ штаба этой дивизии, от 29 ноября 1943 г., определяющий задачи командира горного батальона 1-й артиллерийской дивизии подполковника А. Гаврильченко по проведению военной операции в Травнике (Босния)¹⁶.

К югославским партизанам присоединились и профессора-эмигранты Всеволод Тумин (1907–1983) и Илья Голенищев-Кутузов (1904–1969), члены Союза советских патриотов, о чем говорится в отчете Областного комитета КПЮ Воеводины в Центральный комитет КПЮ от 24 августа

¹⁴ А. Гаврильченко пишет Марко (Александру Ранковичу), организационному секретарю ЦК КПЮ, о получении четырех пятиконечных звезд для награждения самых лучших курсантов по артиллерии (АЮ. ЦК КПЮ.1944/79).

¹⁵ АВИИ. К. 710. Док. 1/3.

¹⁶ Там же. К. 705. Док. 22/1–2.

1944 г.¹⁷ В. Тумин, филолог, организовал курсы русского языка в Белграде, а также написал для сербов ряд учебников русского языка, опубликованных белградским издательством «Коларчев народни универзитет», первый из которых вышел в 1963 г. Известный филолог, поэт, переводчик Илья Голенищев-Кутузов в детстве жил в Симферополе, где поступил в гимназию. С 1920 г. он в эмиграции в Болгарии, затем — в Югославии. В 1925 г. Голенищев-Кутузов окончил Белградский университет по специальности «романская филология и югославская литература». Преподавал французский язык в Черногории и Дубровнике. В 1927 и 1928 гг. жил в Париже, учился в Высшей школе исторических и филологических наук при Сорбонне. В 1933 г. Илья Голенищев-Кутузов защитил докторскую диссертацию о ранних влияниях итальянской литературы Возрождения на французскую словесность XIV—XV вв. В мае 1934 г. он был избран приват-доцентом Белградского и Загребского университетов. С 1941 г. участвовал в антифашистском движении «Народный фронт», был узником концлагеря Баница. С 1944 г. Голенищев-Кутузов воевал в партизанском отряде в рядах Народно-освободительной армии. В августе 1946 г. ученый получил советское гражданство. В 1949 г., во время кризисной ситуации между СССР и Югославией, Голенищев-Кутузов был арестован и провел четыре года в тюрьме. Летом 1955 г. уехал в СССР. Служил в Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, был профессором Московского государственного университета в 1956–1958 гг. Член Союза писателей СССР с 1965 г.

Другой фонд Архива Югославии, в котором имеются сведения об участии русских эмигрантов в Народно-освободительном движении, — фонд Министерства социальной политики и национального здравоохранения Королевства Югославия. В рамках этого фонда хранятся «Листы личных и служебных сведений», заполненные югославскими медиками главным образом в ходе переписи 1946 г. Формуляр представленных сведений содержит следующие данные о врачах: имя, фамилия, высшее учебное заведение и факультет, сведения о военной службе в бывшей Армии Королевства Югославия, во время оккупации и в Югославской армии, сведения о государственной, социальной и частной службе с начала войны до освобождения, сведения о службе во вражеских организациях в течение войны и сведения об участии в Народно-освободительном движении.

¹⁷ Это информация о приходе многих белградцев в бригаду Воеводины, среди них — В. Тумин и И. Голенищев-Кутузов (АЮ. ЦК КПЮ. 1944/266).

Dragi drugovi,

Drug Isa nas je upoznao s vašim porukama i sugestijama na naš budući rad. Odmah smo pristupili formiranju OZNe i Zona. I dosad je kod nas delovao Osek za zaštitu naroda, ali nije bio tako organizovan kako je to propisano u direktivama OZNe. Za pomoćnika OZNe postavili smo drugu Petra Relića, rezervnog potporučnika, dosadašnjeg sekretara OK za istočni Srem. Formirane su P Operativne zone za sve tri naše oblasti /Srem, Banat i Bačku i Baranju/. Na mesto pokojnog drugu Vlačka Djuranovića postavili smo za sekretara HK SKOJa drugu Stevana Doronjskog, dosadašnjeg člana biroa HK SKOJa. Drug Doronjski je student veterine, član je Partije od 1939 g. Otpočetka 1942 do jula 1943 bio je sekretar OK SKOJa za Srem, a od 1943 dosad bio je član biroa HK SKOJa. HK Partije proširilo smo na 11 članova. Sada su u HK sledeći drugovi: Isa Jovanović, Geza Tikvički, met. radnik, radi u Bačkoj /Mrvat/, Pal Šoti, met. radnik, radi u Bačkoj /Madjar/, Aćim Grulović, Nikola Grulović, Djura Jovanović, stud. med. sekretar OK za severni Banat, Peter Relić, Stanka Munčan, sekretar OK za ist. Srem, Lajoš Jo, met. radnik, radi u Bačkoj /Madjar/, Stevan Doronjski i Jovan Veselinov. U birou su drugovi: Isa Jovanović, Geza Tikvički, Stevan Doronjski i Jovan Veselinov. Kasnije ćemo u biro uvesti još jednog drugu.

Drug N. Petrović sigurno vam je već podneo izveštaj o našem radu i prilika na u Vojvodini. Zato ćemo se mi u ovom pismu zadržati samo na neke novije momente.

U čitavom Banatu naš rad se sasvim povoljno razvija. naročito se oseća aktivnost naših partizanskih jedinica. Neprijatelj dosad nije preduzimao veće akcije "čišćenja". Naša aktivnost, naročito vojnička, je vrlo dobro je delovala na raspoloženje naroda. Narodno-oslobodilačkom pokretu prilaze sve više i oni kojima dosad nije bilo jasno koje braća. Po selima svakodneвно nižu novi KOV. Imamo veze sa preko 100 sela i skoro u svim tim mestima postoje KOV. Na se veru je formiran ONGO. Po mnogim mestima stvorene su nove partiske organizacije. Imamo tamo preko 200 članova Partije, 4 SK i 2 OK.

U severnom Banatu imamo dva manja odreda, svaki broji oko 50 boraca, a u južnom od postojećih snaga stvorili ~~su~~ dva odreda. Tamo smo poslali i dvadesetak boraca iz Srema. Sada tamo imamo oko 120 pušaka, 4 p. mitraljeza i prilično drugog sitnog oružja. Sremci će tamo biti iskorišteni kao rukovodioci, pošto oni imaju više iskustva. Na jugu je izvedeno nekoliko značajnijih akcija. Samo u dvema akcijama drugovi su zarobili 58 pušaka i p. mitraljez, dosta municije i druge vojničke spreme. U jednoj od ovih akcija uhvaćen je i streljan "komandant" "belockrvanskog korpusa", kod koga je u džepu nađeno ovlasteenje "Ćika Braće" za formiranje "korpusa" i imenovanje za "komandanta". Iz tog dokumenta se vidi da Draža u tom kraju nema naoružanih ljudi. "Komandantu" se naredjuje da sakupi 80 ljudi, koji će kasnije, " u danom momentu", dobiti 40 automata i isto toliko pušaka. Likvidirano je još nekoliko Dražinih agenata i otvorenih spijuna okupatora. U svim akcijama s naše strane niko nije ni ranjen niti poginuo, dok je neprijatelj imao dosta gubitaka. Jedna akcija u kojoj je zarobljeno 34 puške izvedena je u 3 sata po podne. Kod sela Parte, na jednom državnom imanju, na padnuta je straža od 10 ljudi i razoružana. Nema oficir je ~~uhvaćen~~ zarobljen i streljan i tu je oslobodjeno 15 političkih osudjenika, većinom komunisti. Posle nekoliko ovako uspehlih akcija neprijatelj je bio prisiljen da povuče policiju iz skoro svih ~~sela~~ srpski sela u južnom Banatu bojeći se da partizani ne dođu lako do oružja. Na ovaj način nama je olakšano kretanje, rad i snabdevanje. Ovo je u mnogome omogućilo učvršćivanje narodne vlasti po mestima.

1-я страница отчета Областного комитета КПЮ Воеводины
Центральному комитету КПЮ с информацией о приходе многих
белградцев в партизанскую бригаду Воеводины,
в том числе В. Тумина и И. Голенищева-Кутузова.

24 августа 1944. Архив Югославии

6997

U novoformirani OK za južni Banat usli su sledeći ~~TRUKOVI~~: sekretar Dušan Bogdanov, član Partije od 1941, ranije je bio sekretar SK Ruma i član OK Partije za ist. Srem. (Njega je HK poslao na rad u Banat pre dva i po meseca i tamo je dobro radió. Pera Jovanović, stud. prava, član Partije od 1940, u odredu od 1941 Žarko Despotović, čl. Partije od 1942, pravnik, u odredu od 1941, Radovan Vlaković, u SKOJU od 1941, a u Partiji od 1943, sekretar OK SKOJa za južni Banat, radnik. Petar člana OK Partije uzeše se sa terena.

Za ~~xxxx~~ članove Partije u južnom Banatu izdat je opširniji cirkular u kojem je objašnjena linija naše Partije. Održan je na tom terenu partiski kurs za seoske i sreske aktiviste. Kurs je trajao 13 dana. Nekoliko drugova će doći na kurs u Srem.

Kao što vidite, situacija u južnom Banatu je sasvim drukčija od onekoju je poznavao drug N. Petrović.

I u severnom Banatu se pokret dalje razvija po svim linijama. Za relativno kratko vreme dignuto je u vazduh 5 vozova, ovakvih akcija bilo bi i više da je bilo eksplozivna. Vodjene su ~~xxxxxxx~~ akcije za uništenje neprijateljskog žita. Samo za tri dana spaljeno je oko Bečkereka 80 vagona neprijateljskog žita. I u ovom delu Banata neprijatelj nije poduzimao značajnije akcije protiv naših snaga. U ovom kraju održano je dva partiska kursa za seoske i sreske aktiviste. Jednoga konac avgusta održaše se partisko savetovanje na kome će se pretesti dosadašnji rad i odrediti neposredni zadaci za budući rad.

U vezi s kapitulacijom Rumunije predložili smo našem GO-u da odmah uputi u južni Banat jedan dobro naoružan bataljon brigade, koji će zajedno sa tamošnjim partizanima operisati, vršiti mobilizaciju ljudstva itd. U tom delu mogu već sad operisati i veće jedinice pošto imamo veze s Rumunijom. U više mesta u Rumuniji rade naši drugovi gde formiraju NOO. Ta sela ishranjuju naše partizane kad se nalaze u Rumuniji. U čitavom graničnom delu u Rumuniji ne osuća se rad rumunske Partije i zato smo mi dozvolili našim drugovima da mogu i tamo raditi. Ovaj bataljon treba da ide tamo čim pre, jer su ~~xxxx~~ dražinovi aktivizirali posle naših akcija, a sad će, verovatno, biti još aktivniji. Prema na provereni vestima, Draža namerava da izvrši masilnu mobilizaciju. Učinimo sve da ovo srećimo i da što više ljudstva mi mobilizujemo. Potrebno je da nam saveznici šalju što više oružja i po ~~xxx~~ mogućnosti da spuštaju u samom Banatu. Ako je moguće odobrite da neko od savezničke misije ode u Banat.

U Bačkoj se takođe nešto napredovalo. Prilično se uradilo na organizacionom polju, malo smo se učvrstili tako da nas neprijatelj teže proganja. Povereništvo HK stvorilo je nekoliko partiskih organizacija po selima i više NOO. U julu mesecu imali smo tamo 3 SK i 83 čl. Partije. Nemamo nijedno okružno rukovodstvo. Otpočelo se i tamo s ~~xxxx~~ akcijama, samo su akcije retke. Povereništvo je učinilo veliku grešku što nije pomagalo tamošnji odred, odred je bio dugo vremena nepovezan s Povereništvom. O ostalim slabostima u Bačkoj prišao vam je drug Nikola. Bačka nam je najslabija bačka u našem radu. Slabe veze s ovom oblašću otežavaju kontrolu tamošnjeg rada i blagovremenu intervenciju HK. Sad smo uspostavili vezu s Bačkom i preko Banata i nadamo se ~~xxxx~~ bit će bliže i Bačkoj. Pokušaćemo da preko Banata šaljemo i regrute za naše brigade. U Bačkoj je neprijatelj mobilisao skoro sve za rad sposobne muškarce, a delimično i mlađe žene. U mnogim selima uopšte nema omladine.

Naš pokret u Sremu i dalje se povoljno razvija. Svi pokušaji četnika iz Srbije da se prebace u Srem i stvore po našim selima uporišta osuđeni su. Po se lima se nadje po koji izdajnik, ali su oni obično izolovani od naroda. To se najbolje videlo za vreme kad su se čupaveri bili prebacili na našu stranu. Narod ih je pljuvao i ni u jednom selu nije se pokazalo neke kolebanje kod naroda. U Sremu sada imamo tri partizanska odreda - Fruškogorski, Posavski i Bosutski. Ovde je i VI brigada. Akcije se izvode svakodnevno. Uništeno je mnogo neprijateljskog žita /još nemamo tačne podatke o količini uništenog žita, ali se zna da je u pojedinim srezovima spaljeno po 5-700 jutara/.

U Banatu i Sremu možemo ~~xxx~~ dosta mobilisati, naročito u Banatu, jer tamo

2-я страница отчета Областного комитета КПЮ Воеводины
Центральному комитету КПЮ.
24 августа 1944. Архив Югославии

6997

neprijatelj nije uspeo da izvrši mobilizaciju niti je onako što Srbe slao na robijaške radove u Nemačku. Banatski Srbi uglavnom se terani na prisilne radove kod banatskih švaba i zato se oni sada nalaze u svojim selima.

Rešili smo da se proširi GNOOV. Pojaćaćemo ga i s partiskim aktivistima, a nastojaćemo da uvučemo u njega i što više ljudi van redova naše Partije. Ćim s nešto na tom polju postigne održaćemo skupštinu GNOOVA.

Šaljemo vam nešto materijala za izložbu o kojoj ste nam javili. Nismo mogli da sakupimo onoliko materijala kolko se traži, jer nam je dosta materijala spaljeno.

Primili smo materijal koji ste nam poslali po omladinskoj delegaciji. Molim vas da nam pošaljete uredbе koje je izdao Nec. komitet, krivični zakon itd.

Javili smo vam da je u Beogradu došlo do velike provale. Drugarica Jelena Popović koja je bila u Beogradu za vreme provale /sada se nalazi u Kosmajskom odred/ javila nam je da je pala štamparija i slagalište s materijalom. Kad je policija upala u kuću u kojoj se nalazila štamparija, drug Mali Spanac ubio je dvojicu drugova koji su ~~u vreme~~ u zgradi da ne bi pali živi u ruke neprijatelju. Ubio je i dva policijska agenta, a zatim izvršio samoubistvo. U slagalištu se nalazilo vrlo mnogo raznovrsnog materijala. U vezi s ovom provalom uhapšeno je preko 30 ljudi, ali ne znamo koje sve uhapšeno. [Kasnije smo doznali od novinara Lekovića da je provalu izvršio doktor Jovan Djordjević, za koga se po Beogradu prića da se nalazio na čelu „propagandnog oteka“ PK. Leković je ispričao da je do provale došlo na ovaj način: Djordjević je dao jednom dečku da razdeli jedan letak i to iz jedne kuće u ulici Milenka Grčića. Dečka je policija uhvatila pri deljenju letka i on je odmah odveo policiju u kuću u kojoj je bio Djordjević. ~~DD~~ Djordjević je imao legitimaciju na ime advokatskog priča-ravnika Tomića. Ćim stigao u policiju, jedan od agenata koji je prvi saslusanje rekao mu je da on nije Tomić, već Djordjević, prof. univerziteta. Na to je Dj. odgovorio da je on zaista Djordjević i da će reći sve što zna samo da ga ne tuku. Leković je ovo čuo od Brane Djordjevića.]

Taj Brana Djordjević poslao je u Srem novinara Ananija Lekovića sa zadatkom da uhvati vezu s nama, a preko nas sa VS. Brana traži da se obnovi rad u Beogradu i želi da predloži VS-u jedan plan o zauzimanju Beograda iznutra. Sve što Leković prića neozbiljno je i nerealno. Prema onome što smo mogli od njega da doznamo, grupa oko Brane nije imala veze s part. orgom u Beogradu i vrlo je moguće da se tu radi o nekim ljudima koji su se možda i borili protiv part. rukovodstva. Leković je školski drug Arse Jovanovića, kaže da se poznaje s Medijerom, Nikolom Popovićem /glumcem/, Lazom Lalićer i dr. Molimo vas da nam što pre javite šta da radimo s ovim ljudima.

Iz Beograda stalno dolaze do nas razni ljudi koje mi teško možemo da proverimo. Sada se od Beogradjana lalaze kod nas ovi ljudi: profesor Vsevolod Tumin dr. Kutuzov, novinari Leković, Ognjenov, Ivanić i još jedan čije ime ne znamo. Zatim, ovde se nalaze razni činovnici. Pre nekoliko dana došla je i jedna glumicu, koja kaže da je bila prvakinja niškog pozorišta. Da li da te ljude uposlamo kod nas ili da ih nekud pošaljemo?

S drugarskim pozdravom
SMRT FAŠIZMU - SLAĀBODA NARODU!

24 avgusta 1944

Primenak: sve o Beogradu u pr. član, u pr. član, PK. u 2. odeljenju.
6 svim o otklonu gr. banjske iz pr. član, pr. član, se drugom
Nikolom Popovićem i Jovanom koji se mogu naći u red. u Beogradu
drug Jovan Popovićem i Jovanom koji se mogu naći u red. u Beogradu
kako se iskazuje u pr. član

3-я страница отчета Областного комитета КПЮ Воеводины
Центральному комитету КПЮ.
24 августа 1944. Архив Югославии

В этих материалах представлены интересные данные и о российских врачах-эмигрантах, служивших в НОАЮ [см. также: Российские врачи, 2012]:

Бергер-Белопольская Ирина Николаевна (1916–1994), медик, с октября 1944 по октябрь 1945 служила в НОАЮ¹⁸;

Веверн Екатерина Болеславовна (1906 — не ранее 1951), дерматовенеролог, с июля 1942 до освобождения — в партизанских отрядах и НОАЮ (демобилована в 1945 в чине капитана)¹⁹;

Векслер Владимир Михайлович (1884–1948), хирург, с августа 1944 в больнице 4-й Крайишской бригады²⁰;

Максимов Семен Иванович (1897 — не ранее 1946), психиатр, с 1943 в военном корпусе 39-й дивизии НОАЮ²¹;

Перекрестенко Антонина Васильевна (1890 — не ранее 1961), медик, в 1944–1945 в Народно-освободительном движении²²;

Путилин Петр Николаевич (1900 — не ранее 1946), патолог, с декабря 1944 по октябрь 1945 шеф перевязочного пункта 2-й бригады 6-й Личкой дивизии²³;

Рамзин Сергей Константинович (1892–1981), бактериолог, эпидемиолог, майор НОАЮ²⁴;

Ратченко Леонид Леонтьевич (1923 — не ранее 1947), эпидемиолог, с марта 1944 по октябрь 1945 в НОАЮ²⁵;

Семенов Петр Евгеньевич (1891 — не ранее 1946), врач 22-й дивизии НОАЮ²⁶;

Топал Николай Семенович (1899 — не ранее 1946), в 1941–1945 врач 23-й ударной сербской бригады НОАЮ²⁷;

Хошовский Роман Евгеньевич (1904 — не ранее 1946), врач-ортопед, с октября 1944 г. добровольно в НОАЮ²⁸;

Шведова Вера Дмитриевна (1879 — не ранее 1946), стоматолог, с апреля 1943 в партизанских отрядах²⁹;

¹⁸ АЮ–39. Папка 11.

¹⁹ Там же. Папка 199.

²⁰ Там же. Папка 197.

²¹ Там же. Папка 94.

²² Там же. Папка 131.

²³ Там же. Папка 145.

²⁴ Там же. Папка 151.

²⁵ Там же. Папка 152.

²⁶ Там же. Папка 161.

²⁷ Там же. Папка 191.

²⁸ Там же. Папка 50.

²⁹ Там же. Папка 185.

Шерстнев Евгений Иванович (1897 — не ранее 1970), военный врач, с октября 1943 врач в НОАЮ³⁰;

Лебедева Лидия Семеновна³¹ — ее сын Владимир (род. 1906, Воронеж) — врач в НОАЮ с 1944.

Владимир Александрович Лебедев приехал в Королевство СХС вместе с родителями в 1920 г. Семья приняла подданство КСХС. В 1924 г. окончил 1-ю русско-сербскую гимназию и поступил на медицинский факультет Белградского университета, который окончил в 1931 г. Отбыл воинскую повинность в югославских войсках и докторский стаж. В 1933 г. поступил на службу в Союз здравоохранительных кооперативов, назначен врачом в село Варна округа Шабац, где проработал до 1938 г.

В 1938 г. переехал в Белград и был переведен в Центральное управление Союза здравоохранительных кооперативов, где занял пост шефа социально-медицинского отделения союза и врача-инструктора. Во время войны один из трех руководителей Союза советских патриотов. После освобождения Белграда (1944) поступил в распоряжение санитарского отделения Верховного штаба НОАЮ и ПО, уехал на фронт в Восточную Боснию. За 5 месяцев получил два повышения. На 15 марта 1945 г. занимал пост референта санитета 27-й Восточно-Боснийской дивизии, III корпуса. Войну закончил в звании майора Югославской армии. Награжден орденом «За заслуги перед народом» III степени. Арестован в июле 1949 г., осужден, отбывал наказание на острове Голи-Оток. Освобожден в 1955 г., вернулся в СССР.

Несмотря на то что документов об участии российской эмиграции в движении Сопrotивления немного, часть антифашистски настроенных эмигрантов сделала свой выбор и внесла достойный вклад в вооруженную борьбу с немецкими оккупантами, способствуя общей победе над врагом. Спасибо им!

СОКРАЩЕНИЯ

АЮ — Архив Югославии, Белград, Республика Сербия

АВИИ — Архив Военно-исторического института, Белград, Республика Сербия

КПЮ — Коммунистическая партия Югославии

КСХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев

НОА и ПО — Народно-освободительная армия и партизанские отряды

НОАЮ — Народно-освободительная армия Югославии

³⁰ АЮ–39.

³¹ Там же. Папка 88.

ССП — Союз советских патриотов
ЮНА — Югославская народная армия

ЛИТЕРАТУРА

Российские врачи, 2012 — Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946) / сост. М. Горинов-мл., М. Сорокина, Н. Петрович, М. Медакович, Р. Радженович. Белград; Москва, 2012.

Војна енциклопедија, 1973 — Војна енциклопедија. Београд, 1973.

Војни лексикон, 1981 — Војни лексикон. Београд, 1981.

Познановић, 2007 — Познановић Р. Руси међу Ерама. Ужице, 2007.

Пратећи батаљон, 1987 — Пратећи батаљон Врховног штаба Народноослободилачке војске Југославије: Зборник сећања. Београд, 1987.

Ђурувија, 1990 — Ђурувија С. Ибеовац, ја, Владо Дапчевић. Београд, 1990.